

301

Г-90

АРАБЪЯНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛЪ

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
« МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ »

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. К. П.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

901345

В. Сарабьянов.

901345

35859

35859

ИСТОРИЧЕСКИЙ

МАТЕРИАЛИЗМ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ.

ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА—1922.

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

Handwritten vertical text in Cyrillic script, possibly a library or archival stamp, located on the right edge of the page.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие ко 2-му изданию	5
1. Общественные науки изучают массовые явления	11
2. Чем является исторический материализм	14
3. Мир как единство	19
4. Почему наш метод называется материалистическим	25
5. Роль потребностей	39
6. Роль разума	46
7. Государство, право, личность	54
8. Расы—нации	63
9. Географическая среда	75
10. Общественные отношения	83
11. Действуют ли надстройки на базис	91
12. Диалектика	95
13. Взаимодействие в освещении диалектики	105
14. Техника	114
15. Предисловие Маркса к „К критике“	117
16. Историю делаем мы сами	123
17. „В конечном счете...“	130

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

У современной революционной молодежи тяга к книге и особенно к книге по диалектическому материализму необычайно велика. Читают все, что подвернется под руку. В виду наличия в нашей марксистской литературе по этому вопросу элемента полемики, вызванного необходимостью не обороняться, а нападать, главным образом, на нелепости идеализма и метафизики, ни у Маркса с Энгельсом, имевшими дело с влиятельными в их время Штирнерами, Бауэрами, Дюрингами, Прудонами, ни у Плеханова, вынужденного отвоевывать революционную часть мыслящего общества у Лаврова, Михайловского, Кривенко, господствовавших тогда, у Богданова, Базарова и прочих, буйно прорвавших брешь в марксистском мировоззрении российских социал-демократов, они не могли дать, не имели времени, педагогически приемлемых трудов по диалектическому материализму, а в форме изложения для непосвященного читателя резко проявлялась как жуткая противоречивость (у Маркса—базис общества это техника с экономикой, у Энгельса—производство и воспроизводство действительной жизни, у Плеханова—то техника, то техника с экономикой; у Плеханова же: отрицание факторов и признание их, в вопросе, какие факторы важнее, в одном месте указание на метафизичность такой постановки вопроса, в другом,—упрек противнику, что так вопрос им не поставлен и т. д.).

Современный читатель ищет учебника и не прочь сосредоточить львиную долю внимания на книге, похожей на учебник, не будучи в то же время достаточно подготовленным, чтобы критически отнестись к авторам, далеко не классикам, далеко не первоклассным.

Вот почему я считаю необходимым в предисловии ко 2-му изданию своих „Очерков...“ предостеречь гг. читателей и

указать им, что диалектический материализм необходимо изучать по Марксу, Энгельсу, Плеханову и Ленину.

Пусть их формулировки не всегда ясны, за то они всегда бьют по главному, по основному и бьют, я бы сказал это в отношении всех четверых, гениально. Именно гениально, а не просто талантливо и еще как-нибудь.

И что особенно важно, это их изумительная способность применять метод.

Здесь я бы выделил Маркса и Ленина, исторические работы которых являются буквально непревзойденными и в малой мере никем из теоретиков последнего столетия.

Изучать Ленина по его статьям и книгам особенно полезно и относительно легко, так как его деятельность протекает на наших глазах, его эпоха является и нашей, в которой мы—активные участники.

В отношении своих „Очерков...“ должен сказать, что я их значительно изменил и исправил, так как, во-первых, в них и мною самим и моими молодыми (старшие пока еще не отозвались) товарищами было найдено много неточностей и определенных неверностей, объясняемых первым долгом сильной моей загруженностью текущей советской и партийной работой, и, во-вторых, мои „Очерки...“ к моему ужасу фактически превратились в нечто вроде учебника: ведь наш читатель еще не научился разбираться в словах „Очерки...“, „Учебник“ и т. п. Пришлось, поскольку успел, вставить две главы („Плюрализм и монизм“, „В конечном счете“), расширить главу о материализме и идеализме, а также и главу о диалектике. По требованию товарищей остановился чуть подробно на Спинозе, о котором так мало находит в нашей литературе молодой и заранее расположенный к Спинозе читатель.

Хотелось бы многого и детально коснуться, но... в сутках только 24 часа, а практической работы так много.

Должен также предупредить читателя и относительно вопроса о взаимодействии.

Господствовавшие в нашей литературе до сего времени формулировки характера взаимодействия базиса и надстроек не удовлетворяли ни меня, ни очень большую часть аудитории, с которой мне приходилось работать..

Поскольку я иду в разрешении этого вопроса от формулы „количество—качество“, постольку я выступаю только за свой страх.

Я надеюсь, что читатель не посетует на меня за мою смелость пытаться уточнять наш марксистский метод, тем более, что я не зову назад ни к Канту, ни к Беркли (через Маха), а исхожу из положения, развитого Гегелем, о материализованного и использованного Марксом—Энгельсом, а Плехановым блестяще популяризованного и примененного в изучении бытия и сознания.

В письме Энгельса от 21/IX 1890 г. и во многих местах у Плеханова, на мой взгляд, имеются достаточно отчетливые разрешения вопроса о взаимодействии в духе „количество - качественной“ формулы. но им не придана точность формулировки.

Этот вопрос должен быть проверен на практике, и пока свое разрешение я ни капельки не склонен расценивать иначе, как рабочую гипотезу.

- Второе издание получилось менее популярным. Но всему бывает предел. Таковой мне в отношении популярного изложения положили Фихте, Шеллинг и Гегель. Наступит время, когда мы выработаем в себе способность популярно излагать даже и таких философов. А пока надо мириться с нашим „классическим“ недостатком.

Автор.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

1.

Общественные науки изучают массовые явления.

История классовых обществ есть история классовой борьбы. Сила класса определяется не только его численностью, организованностью и чисто материальной, мы бы сказали, — физической силой, но и степенью его сознательности. Пролетариат Англии чрезвычайно велик, организации его — могущественны, но по сознательности своей он ниже российского и германского пролетариата. Под сознательностью мы в данном случае понимаем не общее развитие, не грамотность, а сознание своего классового положения, ясное представление о своих классовых врагах, полу-друзьях, полу-врагах, о своих классовых задачах и методах борьбы.

В классовом обществе жизнь не идет по пути, указанному одним каким-либо классом, а направляется дорогой, в той или иной степени нежелательной ни одному классу.

Если какой-либо класс действует со знанием дела, если он более организован, чем другие, если он с большим эффектом прилагает свою силу, если он, наконец, в большей степени изучил силу и навыки своих классовых врагов, — он в своей борьбе достигнет большего, чем при меньшей организованности, при меньшем знании поля борьбы и ее условий.

Отсюда — такой вывод. Свою программу и тактику каждый класс должен строить на изучении классовых и вообще общественных отношений.

Каждый класс должен знать историю враждебных ему классов и свою собственную.

Тот класс, как например, мелкая буржуазия, в лице ее партий, который беспечно относится к теории, никогда не использует полностью своих сил.

Буржуазия крупная только потому и могла пережить для нее трудный послевоенный период, что она, накопив и обработав громадный общественный опыт, применила его в политической борьбе с большим умением.

Рабочий класс нуждается в знании общества и способов борьбы больше, чем какой-либо другой класс, так как своим

противником он имеет могущественную, поседевшую в классовых боях буржуазию, мелкая же буржуазия в странах развитого капитализма в решительные боевые моменты скорее оказывается по ту сторону баррикад, нежели по эту.

Пролетариат должен изучать общество, частью которого является он сам, другой частью — его враги и колеблющиеся классы.

Но что значит—изучать общество, изучать историю?

Всякая наука, весь сложный мир, подлежащий изучению, старается разложить на основные элементы (части) и все разделить по этим основным элементам. Каждую корову, какой бы масти она ни была, сколько бы молока она ни давала, как бы рога ее ни были изогнуты, в определенных случаях наука зачислит по ведомству коров, если ей интересно сопоставить корову, например, с лошадыю или ослом.

Если наука хочет определить овцу, как шерстеносное животное или как убойное, она разделит их на две категории, и в одну будет относить всех овец, ценных для шерстедобывания, а в другую—по их упитанности, причем ценных для убоя овец наука будет причислять к группе убойных без различия их роста, окраски, норова и т. п.

Когда мы изучаем общественные явления; мы—общественники—берем массовые явления, а не единичные, не исключительные. Это знать особенно важно, так как многие из молодежи, занимающиеся историческим материализмом, бесплодно бьются над вопросом, почему, например, из больших писателей „мрачной ночи“ самый мрачный именно Достоевский, а не кто-нибудь другой. Общественник не может отвечать на такие вопросы, так как не дело общественных наук заниматься изучением единичных или исключительных, или нетипичных явлений.

Нас могут, например, спросить и мы дадим требуемый ответ, почему среди рабочих встречаются штрейкбрехеры, так как это явление, часто встречающееся, носящее характер массового, повторяемого; но вот на вопрос, почему именно рабочий Черныльников или Карандашин сделался штрейкбрехером,—на него мы, общественники, отвечать не станем, так как в лице Черныльникова мы видим единичное явление и о штрейкбрехерстве вообще судить по нему мы, конечно, не имеем права.

Поскольку нас интересуют массовые явления, мы изучаем Пушкина не во всех деталях, а только в том типичном характерном для целого литературного, общественного течения, что мы находим и в других писателях его времени (Лермонтов, Кюльцов, Крылов и др.). Сказать же, почему Пушкин выдвинулся из ряда этих писателей, почему именно он, а не Лер-

монтов, не Кольцов, — об этом мы, как общественники, даже и говорить не станем.

Изучать Пушкина во всех деталях, а не в одном типичном, могут специалисты-исследователи. Это их дело, а не наше.

Мы, например, высоко ценим и любим своих великих учителей Маркса и Энгельса. Но что мы изучаем у них? Политико-экономические, исторические, философские труды, то-есть все то, что вошло в историю под названием „марксизм“ и сторонником чего является целый класс в лице его самых сознательных элементов. Мы изучаем „Коммунистический манифест“, в котором был обоснован лозунг рабочего класса: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“.

Мы работаем над „Капиталом“ Маркса или „Анти-Дюрингом“ Энгельса, в которых подвергнут анализу (глубокому изучению) капиталистический строй и научно изложено мировоззрение пролетариата. Но многие ли из нас стали бы изучать стихотворения Маркса или записи силы и направления ветров, которые делал Энгельс во время поездки по Атлантическому океану? И нашей ли задачей является выяснение вопроса, кто из них более гениален — Маркс или Энгельс, и почему Маркс любил до мелочей исследовать вопрос, Энгельс же, наоборот, предпочитал давать широкие картины, рисовать их большими мазками, а не разрисовывать во всех подробностях! Этим делом будут заниматься не общественники, а, повторяем, специалисты-исследователи, которых интересуют Маркс и Энгельс не только как общественные деятели и ученые, положившие начало крупному научному течению, но и как исключительные не повторяющиеся явления.

Общественники изучают типичное, почему Горький, желая изобразить в своей повести „Мать“, быт рабочих и выхватил кусок из жизни рабочих-металлистов, профессии наиболее типичной для пролетариата, к тому же — на Сормовском заводе, опять-таки, типичном для крупной промышленности.

Сознательно или бессознательно так вышло у Горького, но, во всяком случае, эта повесть вошла в историю и надолго останется предметом изучения историков именно в силу этих обстоятельств.

Мы изучаем Пушкиных, а не Пушкина, марксизм, а не Маркса. Если же читатель сошлется на наши книги, учебные программы, где черным по белому написано: „читай Маркса“, а в области художественного слова: „читай Пушкина“, — мы скажем, что в Пушкине или в Марксе мы сами изучаем и другим советуем именно то, что явилось ядром массового течения, именуемого марксизмом или русской литературой первой трети прошлого века.

Почему во главе нашего советского государства стоит много рабочих? На это мы ответим.

Но почему (из массы рабочих выдвинулись тт. Калинин или Сапронов?—не наше это дело отвечать на такие вопросы.

Итак, общественные науки заняты изучением массовых явлений, а не единичных,—типичных явлений, а не из ряда вон выдающихся.

На такое утверждение обычно следует указание, что Маркс говорил о коммунистическом строе, зачатки которого едва можно было заметить в капиталистическом обществе, а потому не носящие характера массового явления.

Такое указание заставит нас сделать существенное дополнение к данному нами определению. Мы поясним, что под массовым следует понимать не только то явление, которое в данный момент является массовым, но и те, которые в развитии своем должны превратиться в таковые.

2.

Чем является исторический материализм.

Наука—исторический материализм, или—не наука?

Такой вопрос сильно интересует нашу мыслящую молодежь. И если исторический материализм наука, то какую область общественной жизни она изучает?

Мы знаем, что общественные отношения людей в сфере производства и обмена изучает политическая экономия, что историки (в узком смысле этого слова) исследуют историю политических отношений, что историки литературы работают над памятниками художественного слова, что этика охватывает отношения людей на почве нравственности, и так далее.

У каждой из этих наук имеется определенная область общественной жизни. Что же остается на долю исторического материализма? С другой же стороны, товарищи, почитавшие Плеханова, Каутского, Покровского или других авторов по этой науке, знают, что исторический материализм вторгается во все области общественной жизни и как бы пытается конкурировать и с политической экономией, и с историей, и с наукой права и государства, и с этикой и с другими общественными науками.

Создается впечатление чего-то всеобъемлющего, как говорят,—универсального, и в то же время поверхностного.

На самом же деле исторический материализм не исследует специально никакой области общественной жизни. Он является наукой, работающей над отделкой метода, который можно было бы прилагать в изучении каждой сферы общественной жизни. Исторический материализм яв-

ляется научным методом в приложении к обществу, к истории, — методом, который работает над самим собой, проверяя правильность своих подходов к делу и совершенствуя самого себя.

В каждом деле нужен метод, определенный к нему подход.

Наука тратила бы много сил и времени совершенно бесполезно, если бы не пользовалась определенным, достаточно для данного времени проверенным, методом. Те науки, которые не успели еще выработать хорошего метода, занимались не столько изучением законов жизни, сколько простым собиранием материала, описанием его. Но когда материала было собрано так много, что он начинал давить своею громоздкостью и тяжестью, когда он уже был подробно описан, перед наукой встала новая задача: распределить его по группам, по сложности и различию, расклассифицировать его. На основании чего один кусок жизни зачислить в 1-й класс, а другой, в 10-й? Какие признаки положить в основу? Делить ли животных на группы по внешним признакам, по способу кормить детенышей, по внутренним ли каким признакам? Нужен какой-то, очевидно, обоснованный метод, чтобы не произвести работы впустую, чтобы скорее достичь целесообразных результатов.

В общественной жизни мы на каждом шагу сталкиваемся с необходимостью пользоваться хорошим методом изучения ее. Произошла, например, октябрьская революция. Одни говорят, что не будь Ленина с Троцким, и октябрьской революции не было бы. Другие утверждают, что и без них революции нам не миновать бы, так как русский народ по природе своей анархист, власти над собой никакой не потерпит, убрал царя, убрал Керенского, уберет и большевиков. Третьи винили во всем Керенского, который не проявил нужной твердости и не сумел во время задуть большевистское движение.

А мы, марксисты, утверждали, что и без Ленина с Троцким пролетарская революция должна была бы рано или поздно наступить, что от нее буржуазии не спастись никакими удушениями большевистского движения, а „природа“ русского народа тут ни при чем, так как ни Германии, ни Англии, ни Италии, ни другим капиталистическим странам от пролетарской революции не уйти, хотя у них не „русская природа“.

Как видит читатель, у всех четырех разный подход к делу. Первые ищут причин революции в Ленине и Троцком, то есть в личностях, вторые — в национальных особенностях данного народа, третьи — в насилии и государственной силе, четвертые — марксисты — очевидно, пользуются своим особым методом, которым они и объясняют октябрьскую русскую революцию и пророчат ряд революций в других странах Европы и капиталистического мира.

Или, например, объяснения нашей первой—1905 г.—революции. С одной стороны, революцию эту объяснили „японскими деньгами“: японцы, мол, напустили в Россию своих агентов, подкупивших разных агитаторов, дававших деньги на печатание подпольных листков и прокламаций.

С другой стороны, ссылались на отсутствие в России разных политических свобод, приведшее русский народ к революционной борьбе за свободу слова, собраний, печати и т. п.

Дай царь во-время все эти свободы, и революции не было бы.

Так рассуждающие люди были крайне удивлены, что после того, как были отвоеваны и свобода собраний, и свобода печати, и многие другие свободы, рабочий класс продолжал революцию вплоть до декабрьских баррикад (Красная Пресня), а крестьяне продолжали поджигать помещичьи усадьбы.

Большевики же говорили, что дело не в одних политических свободах и даже не столько в них, сколько в национализации земли и в других экономических требованиях пролетариата и крестьянства.

Все три течения, очевидно, пользовались разными методами, разными подходами в объяснении общественных событий, и эти методы сыграли решающую роль для разных партий в деле развития и предвидения событий.

Еще пример.

Предположим, что мы—артисты, взявшиеся разыграть какую-нибудь пьесу. В ней изображен управляющий заводом с немецкой фамилией. Дело происходит в России, в восьмидесятих годах прошлого века. Мы не имеем никаких указаний от автора, каким надо изобразить этого управляющего заводом, а из текста трудно вывести нужное заключение. И вот, один из нас предлагает изобразить управляющего заводом, как типичного немца, с немецким сильным акцентом и т. д., перенести центр тяжести на национальный момент (фамилия немецкая), а другой предпочитает типичного немецкого отпустить в небольших дозах, выделить же те качества, те манеры, те навыки, которые свойственны были типичным управляющим заводами в 80-х годах прошлого века. Кто прав? Очевидно, тот, чей метод более обоснован, более научен, то есть больше проверен на практике.

В какую бы область жизни мы ни заглянули, везде для ее изучения, для использования ее в наших общественных интересах необходимо иметь в своем распоряжении хороший, проверенный, то-есть, научный метод.

Исторический материализм и есть тот метод, которым мы пользуемся. Историческим он называется потому, что его мы прилагаем к истории, то-есть к обществу в его развитии,

а почему он носит название материализма, об этом придется говорить особо.

С другой стороны, историческим материализмом называется и та наука, которая уточняет, совершенствует, проверяет этот метод.

У нас часто употребляется одно и то же слово в разных смыслах. Мы, например, понимаем под историей самое развитие (историю) общества, с другой же стороны, под ней мы имеем в виду ту науку, которая изучает это развитие общества. Мы часто употребляем такое выражение: „странная психология у этого человека“, понимая под психологией (надо бы употребить слово „психика“), самое душевное состояние человека; но под психологией мы разумеем и ту науку, которая изучает психику, т.-е. душевное состояние.

Совершенно так же мы употребляем и слова „исторический материализм“: 1) как исторический метод и 2) как науку об этом методе. В каком же отношении „исторический материализм“ стоит к другим общественным наукам и как проложить между ними и историческим материализмом строгую грань? На этот вопрос можно ответить на основании всего сказанного нами раньше: исторический материализм изучает, как надо подходить к объяснению явлений, а другие общественные науки изучают самые явления.

Если, например, нам хочется выяснить причины революции 1905 года, и мы решили сначала спросить совета, с чего начать, то мы должны будем обратиться к науке, изучающей метод, и когда она нам укажет, что необходимо сначала изучить состояние промышленности и сельского хозяйства, а затем политическое состояние русского общества, то мы в первом случае будем работать в качестве экономистов, а затем в качестве историков.

Общество—сложный организм, и мы его стараемся изучать, как многоэтажный дом: сначала первый этаж, потом второй, и так далее. И так же, как в семье естественных наук имеются и ботаника, и зоология, и т. п., среди общественных наук тоже имеются особые, условно самостоятельные, как политическая экономия, история, теория государства и права, и т. п.

Если, следовательно, мы взялись за специальное изучение конституции Советской России, мы тем самым стали „государственниками“, если мы хотим специально изучить пролетарскую культуру в лице, например, различных течений наших пролетарских поэтов и писателей, мы станем „историками литературы“, и так далее.

Но если мы обращаемся с советом к историку литературы или к государственнику, каким путем им следовало бы идти в своем изучении, с чего им следовало бы начать в рас-

следовании, если мы рассказываем им, как общество развивается, что в нем основное, что второстепенное, то мы уже стали „методологами“, то-есть людьми, которые специально изучают науку о методе, о способе исследования.

Теперь нам могут задать такой вопрос:

— Если исторический материализм не является наукой, специально изучающей политическую экономию, право, нравственность, религию и т. п., то как же он может выковать правильный, т.-е. научный метод?

И, действительно, чтобы узнать, чем Пушкин типичен и чем, наоборот, оригинален, надо сначала изучить и самого Пушкина, и других писателей его эпохи. Только после такого специального исследования можно выделить в Пушкине то, что в большей или меньшей степени типично (показательно) для целого течения.

Отвечая на этот вопрос, мы указываем, что исторический материализм, как и все другие науки, не с облаков на нас свалился, а родился в семье наук, находился в младенческом и отроческом состоянии среди них и, лишь возмужав, выделился.

Каждая наука пыталась выковать для себя правильный метод, с одной стороны, стихийно, бессознательно усваивая тот или другой метод, с другой же стороны, вполне сознательно ставя цель выработать способ исследования, с помощью которого можно было бы добиваться наибольших успехов.

Но так как каждая наука имеет дело лишь с определенной, узко ограниченной областью мира, то и методы этих наук страдали узкостью, однобокостью и, в конечном счете, были несовершенны. Нужно было пересмотреть все эти методы различных наук, составить нечто цельное и тем самым дать наукам единый метод. Для этого не надо было начинать с азав, так как отдельные науки не только успели накопить массу материала, подлежащего изучению, не только успели описать этот материал и расклассифицировать, но и вывести определенные заключения из него.

Оставалось использовать выкованное уже оружие, отбросить негодное и отобрать ценное.

Это и сделала наука о научном методе, и львиная доля приходится на исторический материализм, то-есть на марксизм в его приложении к обществу, к истории общества.

И когда молодые наши товарищи делают из этого вывод, что марксизм пользуется, значит, „готовыми блюдами“, вместо того, чтобы самому искать истину, мы, марксисты, принимаем этот упрек, превращая его в похвалу себе.

Общество веками и тысячелетиями накапливало опыт, передавая его по наследству от поколения к поколению, и

отказываться от этого наследства, значит, считать, что до нас все общество было сумасшедшим, что оно делало одни лишь глупости, а нам современным людям, единственно умным, нужно начинать с Адама.

Нет, мы от наследства не отказываемся, но пересматриваем его, негодное выбрасываем, оставшийся умственный багаж стараемся умножить, прибавляя к наследованным вещам и благоприобретенные.

Научный метод вырос из различных методов многочисленных наук и продолжает отделяться будучи применяем в этих последних. Не даром крупнейший строитель метода — немецкий ученый Гегель — был всесторонне развитым человеком. Не даром Маркс с Энгельсом, обосновавшие марксистский метод, были признанными учеными в политической экономии, в истории, в теории познания (то, что осталось от так-называемой философии) и много работали в области математики, естественных наук, литературы и т. п.

3.

Мир как единство.

Научным методом может быть лишь тот, который рассматривает мир, как единство.

Гегель, основоположник строго научного метода, был монистом (от греческого слова „μόνος“ — единство).

Марксизм тоже является монистичным мировоззрением.

Но не даром монизм, как научный метод, получил свое развитие только в XIX веке: это был век колоссальных достижений в науке, век познания мира в его целом, а не в одних только частях.

До этого же преимущественную роль играл плюрализм (от латинского слова „плюралис“ — множественный) или, как его называют еще, эклектизм.

Плюрализм смотрит на мир, как на сосуществование целого ряда миров, из которых ни один не стоит в преемственной связи с другим, ни один не вытекает из другого, ни один не превращается в другой.

Плюрализм смотрит на мир, как на такой, законы жизни которого совершенно особого порядка, чем законы других миров.

Сосуществование этих абсолютно различных миров нам если и кажется единством, говорят плюралисты, то лишь в силу наличия механического взаимодействия между ними, то-есть такого взаимодействия, в котором участвуют абсолютно самостоятельные силы, сталкивающиеся, сцепляющиеся одна с другой.

Взаимодействие сил, друг из друга не вытекающих, одна в другую не превращающихся, и есть механическое, чисто внешнее взаимодействие эклектиков (плюралистов). Переходя к критике плюрализма мы первым делом устанавливаем следующее положение: взаимодействие возможно только между мирами, имеющими общие свойства. Об этом нам говорят естественные науки, и это можно показать на целом ряде примеров.

Почему молотком можно вбивать в дерево гвозди?

Только потому, что и молоток, и гвоздь, и дерево имеют общие свойства: например, быть плотными.

Почему возможна наша солнечная система, как взаимодействие солнца, земли, луны и т. д.?

Только в силу общего свойства масс притягивать друг друга.

Почему я могу видеть булыжник? Только потому, что и булыжник мог бы видеть меня, если бы обладал зрительным аппаратом со всеми к нему „приложениями“. Читатель может изловить меня на слове, указав, что в данном примере как раз мои свойства видеть отсутствуют у булыжника. Где же у нас общие свойства?

Ответ прост: и я, и булыжник имеем общее свойство вызывать в эфире определенные волны, которые, приходя в соприкосновение со зрительным аппаратом, вызывают явления меня и булыжника. Если все это верно, а ни один естествовед нашего времени, если он не сумасшедший, никогда не станет отрицать этой азбучной истины, то и спрашивается:

Если миры друг из друга не происходили, если их законы абсолютно отличны между собою, то каким образом происходят между ними взаимодействия? Мыслимы ли последние?

Мы можем дать на основании всего вышесказанного только отрицательный ответ.

Если встать на точку зрения плюрализма и согласовать ее с научными достижениями, то можно прийти к такому выводу: миров много, но тот мир, который и несколько нам известен с его Солнцем, Венерой, Луной, Землей, сушей, водой, тараканами, собаками, машинами, людьми—есть единый мир.

О других же мирах мы ничего не знаем и знать не можем, так как их свойства абсолютно отличны от наших и никаких точек соприкосновения между ими и нашим миром нет.

Значит, мы можем только верить в остальные миры.

Читатель видит, что мы подошли к поповщине. Последовательный плюралист тоже должен встать на точку зрения веры, религии.

Многие плюралисты и один из самых талантливых—Джемс—такую критику эклектизма, считают метафизической, ненаучной.

Они указывают на наличие в разных мирах каких-то или какого-то общего свойства при абсолютном различии других всех.

Мы же настаиваем на правильности нашей критики и говорим, что различные по существу причины не могут привести к одному и тому же следствию.

Как могло появиться общее свойство у, хотя бы, двух миров, если все остальные свойства иные?

Ведь данное свойство является следствием какой-то причины, а значит в обоих мирах имеются уже не только общие данные свойства, но и другие, породившие последние. А так как и эти свойства тоже являются следствием еще каких-то причин, то в обоих мирах и эти последние будут общими.

Но тогда мы встаем в недоумении перед таким неразрешимым с плюралистической точки зрения затруднением: если оба мира друг от друга не происходили, если один из них не есть видоизмененный или превращенный другой мир, то почему могли образоваться в этих самостоятельных мирах общие свойства?

„По слову Божию“?

Иного ответа дать нельзя, а ссылка на бога, конечно, не удовлетворит читателя, идущего через познание к знанию, а не через веру к религии.

Если же откинуть элемент веры, то плюралист идя в ногу с наукой, превращается в мониста, оперирует с миром, ему известным, как с единством, ибо с верой он откидывает и все другие воображаемые миры.

Ссылка на то, что мы знаем лишь ничтожную часть вселенной, а потому не можем якобы ручаться, что там где-то нет абсолютно иных миров,—такая ссылка совсем не убедительна. Мы сошлемся на практику человечества в его развитии от колыбели до нынешних дней. Практика же достаточно убедительно показала нам, что все, что открывалось обществу каждый час, каждый год, каждое тысячелетие, будет ли то какое-либо неизвестное до сего времени созвездие, или какая-нибудь бактерия, или радий,—все оказывалось по существу одинаковым с миром уже известным, одинаковым хотя бы уже по одному тому, что все соприкасаясь с органами чувств вызывало раздражение.

Пойдем дальше.

Если нет единого мира, а есть лишь сосуществование ряда независимых один от другого миров, то каким образом процесс жизни этих миров, взаимно действующих друг на друга, является в такой мере закономерным, что попыткой на наличие универсальной закономерности пытаются доказать бытие бога, а ученые падают ниц перед Материей-Природой, или перед всемогущей Субстанцией, или перед Абсолютом—Идеей—Разумом?

В самой постановке вопроса мы допустили плюралистиче-

ское положение, заключающееся в том, что абсолютно различные миры могут действовать друг на друга.

Мы уже показали глубокую ошибочность такого положения, но пока встанем в этом пункте на точку зрения плюралиста с целью показать, что позиция электиков и с другой стороны безнадежно слаба.

Итак: пусть „плюралистические“ миры находятся во взаимодействии; но откуда берется закономерность?

Ведь каждый из миров живет по своим законам, а совокупность миров есть результат их внешнего, механического взаимодействия.

Хорошо. Предположим мы имеем три мира.

Один мир в самом себе развивается в данный период времени так:

- / А... 2А... 3А.

Другой мир в этот же период времени:

Б... 2Б... 4Б.

Третий мир в этот же период времени:

В... 3В... 10В.

В этом случае найти формулу закономерности не трудно, если и А, и Б, и В по существу неизменны и если характер взаимодействия А на Б, Б на В, В на А и т. д. тоже остается одним и тем же.

Но что получится при всех этих условиях, если А в дальнейшем начнет развиваться так:

А... 2А... 3А... 10А... 4А... 2А;

если Б проделает такие зигзаги:

Б... 2Б... 4Б... 511Б... $\frac{1}{2}$ Б... 120Б;

а В еще калейдоскопичнее начнет обнаруживать себя на 4, 5 и 6-ой ступенях лестницы его жизни?

Но что получится ли такой картины?

Сегодня сосуществование миров проходит под знаком гегемонии (господства) мира А, завтра—мира Б, послезавтра—опять А, а затем—В и т. д.

Не получится ли такой картины мира, о которой совершенно всерьез говорил один электик кажется XVII века, что ни Птоломей и ни Коперник не правы в своих разрешениях вопроса, что вокруг чего вертится: земля вокруг солнца или наоборот, и что единственный правильный ответ таков: иногда Земля вокруг Солнца, а иногда и Солнце вокруг Земли?

Плюралисты на это отвечают в том духе, что прыжки Б от 511Б к $\frac{1}{2}$ Б невозможны в силу внутренней закономерности каждого мира.

Но если это так, то откуда же все-таки взялась согласованность закономерностей отдельных миров?

Ведь мир миров не есть единство, на чем и настаивают плюралисты, а раз так, то нет и единой внутренней закономерности, ибо нет того, внутри чего последняя должна обраться.

И не приходится ли плюралисту в таком случае поискать еще какой-то силы (хотя бы бога), которая устанавливает гармонию между закономерностями отдельных миров?

Но если так, то плюралист перестает быть плюралистом и превращается в мониста, в нашем примере — в идеалиста.

Поскольку эклектики признают наличие в окружающем нас мире закономерности, постольку они неминуемо перестают быть плюралистами, и только называют себя таковыми. Но одно дело писать книжки о правильности эклектизма, а другое — с помощью последнего познавать и изменять мир, и если плюралист сумел правильно объяснить то или иное явление, то только потому, что бессознательно ушел к монизму.

Поэтому многие эклектики вообще отрицали наличие закономерности, а Питирим Сорокин даже в 1922 г. написал в своей заметке о книге т. Бухарина, что никакой необходимости в мире нет, а имеется одна лишь вероятность.

Что можно против этого сказать?

Оглянемся вокруг себя и заглянем в самих себя, и там найдем неисчислимый ряд примеров наличия закономерности — необходимости:

Зимой на открытом воздухе при 15 градусах ниже нуля розовый куст не покрывается розами. Это — необходимость. Лед при такой-то температуре в таких-то условиях необходимо превратится в воду.

Если я близорукий и надену подходящие очки, то я необходимо буду лучше видеть.

И так далее.

Наша практика говорит нам о наличии необходимости и доказывать его игрою слов нет никакой надобности.

Поскольку же закономерность имеется во всем, постольку нет следствия без причин и причин без следствия, постольку солнце и земля, марксизм и капитализм не только находятся во взаимодействии, но находятся в закономерном взаимодействии так, что марксизм может появиться только в капиталистическом обществе, а земля может вертеться только вокруг солнца, а не вокруг Луны и т. д., — постольку это так, постольку мир — един, то-есть, земля того же происхождения, что и солнце, но масса ее значительно меньшая, чем масса солнца; коммунизм зарождается в капитализме, а капитализма без зародышей коммунизма не существует; мои нервы есть продолже-

ние в развитии нервов дождевого червяка*), а чья-то пасть является измененной пастью акулы*).

Из расплавленной массы образовалась земля с твердой оболочкой (кора), в самой земле и в силу законов ее собственного развития появились растения, животные и т. д.

Первоначальная живая клетка в развитии своем дает и лошадь, и собаку, и человека.

Плод, например, человека проходит те стадии, которые прошел человек со всеми своими предками — предшественниками, включая сюда и обезьяну. Еще Джордано Бруно, живший во 2-ой половине XVI в., писал: „Бесконечность форм, под которыми является материя, она принимает не от чего-либо другого, и, так сказать, только внешним образом, но она производит из самой себя и рождает их из своего лона“.

Правда, наука еще не проследила развитие мира так широко, чтобы связать домашнюю собаку с волком, шакалом или лисицей, а нашего мула — с лошадью и ослом, а человека — с обезьяной. Наука пользуется во многих случаях лишь рабочими гипотезами (предположениями). Но многие из этих гипотез так оправдали себя в работе (их называют „рабочими“ гипотезами именно потому, что они предположены для применения на практике), что ими можно с успехом пользоваться для изменения мира на пользу себе.

Мир — един, а потому и научный метод — монистичен.

Марксистское мировоззрение носит название и монистического.

Заканчивая главу, мы остановимся на одном моменте, который выдвигает наша молодежь против монизма и который в большом ходу у эклектиков.

Нам говорят, что материя занимает пространство, имеет вес и т. д., а мысль нельзя ни услышать, ни увидеть, ни вообще почувствовать. Значит имеется два мира: материальный и духовный?

Этот вопрос многих ставит в тупик, а между тем Фейербах давно дал краткий, отчетливый и неотразимый ответ.

Он сказал: „Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный, чувственный“.

Это означает то, что мысли объективно как чего-то не материального не существует, что мысль как не материальное представляется только самому мыслящему субъекту, а для нас, наблюдающих за ним, его мысль является ни чем иным, как определенным материальным процессом. Может быть в бу-

*) Дождевой червяк, как предполагают, первое существо с нервной системой, а акула — первое существо с пастью.

лучем мы сумеем, наблюдая за мозгом человека, читать по мозговым процессам его мысли.

В приложении к обществу плюрализм будет означать сосуществование друг от друга независимых, один другим не обусловленных миров: Мир нравственности, мир религии, мир права, мир критически мыслящих личностей, мир производства.

Монизм рассматривает все это, как свойства и продукты единого целого—общественного тела, и все миры считает одно из другого вытекающими, одно другим обусловленными и т. д.

Как видит читатель, монизм является неотъемлемой частью научного мировоззрения, но практически применим он только тогда, если он поставлен на ноги, если он, следовательно, материалистичен.

Нам известны такие крупные монисты, как Фихте, Шеллинг и Гегель, но они были идеалисты, и для них не стоял вопрос об единстве материального и духовного. Идеалисты—монисты отождествляли материю с духом, они говорили, что материя это тот же дух.

Попросту представить это можно так:

Моя душа, или мое я, или мое сознание мыслит о себе, и в таком случае в сознании получается субъект (представление, мысль о самом себе, о субъекте; когда же моя душа, мое я, мое сознание мыслит о чем-то, но не о самом себе, тогда появляется объект (представление, мысль о не самом себе, об объекте).

В обоих случаях, т.-е. и субъект и объект являются одним и тем же, т.-е. мыслью на разных ступенях ее развития.

Наоборот, материалистический монизм также как и спиритуизм не признают тождественности (идентичности) материи и духа, а считают дух лишь свойством материи.

Но об этом в следующей главе.

4.

Почему наш метод называется материалистическим.

До нашего времени люди по разному отвечают на вопросы, что такое мир, откуда он произошел, почему он закономерен.

Громадное большинство людей думает, что в мире есть две силы: материя и дух, тело и душа, природа и бог. Эта точка зрения носит название: „дуализм“, т.-е. двуначалие, и является разновидностью „электизма“, т.-е. многоначалия.

Электик представляет себе тело самостоятельно живущим как и душу. Поскольку мы имеем дело с религиозным электизмом (дуализмом), мы видим, что по его мнению, душа, вылетающая из тела, превращает последнее в мертвое: умер, зна-

лит, богу душу отдал. Некоторые ученые придерживаются другой точки зрения. Они полагают, что в мире имеется только „Бог“, „Разум“, „Абсолютное“, „Истина“ (каждый философ по-разному называет одно и то же) и что все материальное есть дело рук божьих, или „Разума“ или „Истинч“. Чтобы пояснить это, приведем такой пример.

В начале был только Бог или какой-нибудь Мировой Разум; этот Бог создал природу; наивысшая форма материи в лице человека одарена разумом, который и двигает людей по пути прогресса.

Один из крупнейших философов, Гегель, говорил, что существует Разум, как духовная сила, этот Разум сам себя превращает в Материю (природу), а из материального состояния снова переходит в духовное (человеческие мысли, идеи и т. п.).

Эту точку зрения мы называем объективным идеализмом.

Имеется еще субъективный идеализм, который в конце концов приводит к непризнанию мира кроме того субъекта, который „не признает“.

Рассмотрим бегло основные рассуждения идеалистов, начав с субъективных.

Крупнейший из них—Джордж Беркли, писавший в первой половине XVIII в., говорил так:

„Что предметы, которые я вижу своими глазами и осязаю своими руками, действительно существуют—в этом я несколько не сомневаюсь, но я безусловно отрицаю существование того, что философы называют материей“.

Мечты и сны, по словам Беркли, доказывают, что для появления идеи не всегда нужен внешний мир, и что вообще необходимости в нем нет никакой.

Но почему же разные люди о многом одинаково мыслят, откуда в них это сходство?

Беркли на этот вопрос отвечал указанием на Бога, который внушает людям одинаковые идеи и представления, а в силу божьего безыристрастия и непрерывности в его действии на людей, мир представлений получает характер закономерности.

Но этот мир как материальный, как мир вне меня, говорит Беркли, не существует. Во мне имеется душа или „Я“, а также мои чувства.

„Для всякого, кто обзревает объекты [человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи, действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо наконец идеи, образуемые при помощи памяти и воображения“.

Дальше следуют соображения, удачно и популярно изложенные Паульсеном („Введение в философию“),—такого рода:

„Мы называем какую-нибудь пищу здоровой, какой-нибудь плод вкусным. Что это значит? Находится ли здоровье в пище, или вкус в яблоке? Очевидно нет,—это знает и здравый человеческий рассудок, — а в том, кто их ест... Не существуй вообще языка, не существовало бы также ни ощущений сладости, ни ощущений горечи,—сладость и горечь вообще не существовали бы в мире. То же самое будет относиться и к качествам, воспринимаемым глазом и ухом: не существуй уха,—не существовало бы и звуков; не будь глаза,—не было бы и света и красок“.

Сам Беркли пишет: „Посредством зрения я составляю идеи о свете и о цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление... Обоняние дает мне запахи; вкус — ощущение вкуса, слух — звуки... Так как различные идеи наблюдаются вместе — одна с другою, то, их обозначают одним именем и считают какой-либо вещь“ например, яблоком, или камнем, или книгой...

Итак, мира — материального мира — вне нас, вне моего я (души) и моих чувств не существует, весь мир, который нам кажется материальным, существующим сам по себе („вещь в себе“, как выражаются по философски), есть ничто иное, как комбинации ощущений.

„Не тела вызывают ощущения, а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тело“, вторит Берклею известный Мах, вместе с Авенариусом сбивший с пути истинного и Базарова, и Богданова, и Луначарского и всех прочих эмпириокритиков и эмпириомонистов, что по существу одно и то же. Теперь посмотрим, в какой мере правильны и ошибочны такие рассуждения.

Имеются ли вне меня красное, сладкое, гимн „Интернационал“, теплое, холодное и т. п.?

Конечно, не имеется. Но что отсюда вытекает?

Да только то, что мир существует и как сам по себе, и как он же во взаимодействии со мной.

То обстоятельство, что я слышу гимн „Интернационал“, объясняется воздействием на мои чувства (слух) определенного волнообразного движения воздуха. То, что я вижу красное, есть результат взаимодействия колебательного движения эфира на меня.

Значит, звука и цвета вне меня нет, но движение эфира и волнообразное движение воздуха существуют вне меня, сами по себе.

Но откуда мы это знаем? Не кажется ли нам все это?

В поисках за этим „откуда“ нам не придется далеко ходить. Поставим граммофон около фабрично-заводского гудка и

пустим чистую пластинку, заткнувши свои уши, а потом, освободив последние от оков, послушаем и гудок, и граммофон, записавший пение заводского певца.

Откуда взялось сходство между пением гудка и пением граммофона? Мы, материалисты, ссылаемся на действие волнообразного движения воздуха, существующего само по себе, и вступившего один раз в соприкосновение с нашим органом чувств, а другой раз—с граммофонной мембраной.

А Берклею приходится — и он это делает с удовольствием—призывать на помощь бога.

Существует ли холодное и теплое? Конечно, само по себе, независимо от наших чувств, не существует ни того, ни другого. Но зато существует помимо нас температура тела, о которой нам говорит не только наше чувство осязания, но и самый обыкновенный градусник и случаи взрыва парового котла и многое другое. Суб'ективные идеалисты с гордостью заявляют, что их мир богаче, разнообразнее, интереснее нашего мира, так как он заполнен красками, звуками, и прочими элементами (ощущениями). На это не серьезное заявление мы отвечаем, что наш мир еще богаче, так как кроме цветов, звуков и прочего, как результата взаимодействия внешнего мира и нашего, мы еще знаем мир, каким он существует сам по себе, с его движением, объемом, весом, свойствами вызывать колебательные движения эфира, волнообразные движения воздуха, расширяться при повышающейся температуре, сжиматься—при понижающейся и т. п.

Суб'ективный идеализм обнаруживает полное свое ничтожество особенно в вопросе о проверке знания.

Истинно или ошибочно то, что я думаю или делаю?

Как проверить правильность моих представлений?

И вот здесь суб'ективные идеалисты, которые весь мир втискивают в меня, т.-е. в суб'екта, имеющего чувство и душу („разум“, „я“), решительно сбиваются с позиции суб'ективного идеализма.

Беркли, как мы выше сказали, говорит о существовании Бога, творца духовного мира, в котором черпают солидарность своих представлений многие люди.

Итак, по Беркли, без других людей, как существующих рядом со мной—суб'ектом, независимо от меня, и делящихся со мной своими представлениями, немислимо истинное познание духовного мира с его законами.

Да, наконец, самое признание существования себя самого (суб'екта) с глазами, ушами и прочими органами чувств противоречит непризнанию внешнего мира, самого по себе существующего: ведь все же существуют эти самые органы, не только как комплексы ощущений?

Вот если бы суб'ективные идеалисты признали существо-

ющей только одну душу, одно маленькое „я“, тогда можно было бы говорить о последовательном солипсизме*), как идеалистическом учении.

И в этом отношении Беркли является несравненно последовательнее всех махистов — эмпириокритиков, поскольку он признает душу, как единственную действительную сущность, данную нам непосредственно в нашем сознании. Но не забудем, что, согласно Беркли, духовный мир есть дело рук божьих.

Поповщина!

Другой крупный субъективный идеалист — Фихте обошелся без чертовщины, и его теория вся построена на субъективном революционизме. Утверждая, что „человеческая воля свободна“ и что „этот мир не есть мир наслаждения, но — труда“, он говорил, что „выбор философской системы зависит от личности человека“, и фихтевская система заключалась в следующем. Существою я, и это я мыслит о самом себе и находит себя ограниченным; размышляя об этой ограниченности, я образует то, что нам кажется внешним миром.

Послушаем Плеханова об идеализме Фихте:

„...я противопоставляет самого себя самому себе и тем полагает не — я. Таким образом, все, что существует, существует в я и через я. Другими словами, природа обязана своим существованием творческому действию сознания и существует только в нем“.

Революционный момент фихтевской философии заключается в том, что по Фихте, я, являясь действующим, хотящим, стремящимся, проявляя свою волю, полагает не — я, внешний мир, а противопоставив его самому себе (в самом же себе), удовлетворив своим хотениям, пополнив самое себя, оно снова превращается в я, продолжая дальнейшее развитие через не — я в я и обогащая себя.

Итак, творцом природы по Фихте является конечное, человеческое я, субъект, обладающий сознанием и волей**), и поднимается неразрешенный Фихте вопрос, каким образом конечное я творит бесконечное.

„Провозглашение такого я творцом природы было нелепостью, — говорит Плеханов, — с которой не мог помириться серьезный мыслитель. Шеллинг поспешил покончить с нею, взглянув на природу, как на плод деятельности не конечного человеческого я, а бесконечного субъекта, абсолютного я... У него конечное я также создается деятельностью бесконечного я, как и природа. Природа есть необходимый продукт бесконечного я, или, —

*) Солипсизм происходит от двух латинских слов solus (солюс) ipse (ипсе): «только я сам один».

**) Плеханов. «От идеализма к материализму».

так как она, собственно, не есть, а возникает, благодаря действию абсолютного я,—природу надо понимать как бессознательное развитие этого я. Но деятельность этого я не ограничивается бессознательным сотворением природы. К числу явлений природы относится также и человек,—конечный субъект, в котором бесконечное я приходит к самосознанию“.

Вместе с Шеллингом мы вступаем в мир уже объективно-идеализма с его признанием, что мир, будет ли то природа (объект) или конечное я (субъект), хотя и является продуктом какой-то нематериальной силы, абсолютного я, но все же и природа (объект) и мыслящее существо (субъект) существуют сами по себе.

Гегель встал на путь Шеллинга, но устранил абсолютное я, как нечто третье, из чего вырастает и субъект и объект. Он говорил, что Дух, находясь в процессе беспрерывного движения, раскрывает самого себя в природе, обладающей на известной ступени своего развития способностью самосозерцания и самопознавания. Таким образом, в лице Гегеля, самого крупного теоретика объективного идеализма, мы возвращаемся к берклянству, поскольку последнее признавало существование бога, творца духовного мира. Но только у Гегеля духовный мир и есть Бог, Разум, Абсолютное, Бесконечное, которое творит материю и конечных субъектов, обладающих способностью мыслить и познавать безграничное величие Бесконечного, Абсолютного, Разума, сиречь, оторетизированного бога Библии, Корана, Талмуда и прочих „приятных“ сердцу читателей, идущих от веры к знанию, „священных“ и „боговдохновенных“ книг.

Как мы видим, и последовательный объективный и непоследовательный субъективный идеализм приводят нас в лоно церкви и засоряют наши головы мудреными, витиеватыми, обычному смертному непонятными рассуждениями: „Я противопоставляет самого себя самому себе и тем полагает не-я“ (Фихте), „Действительность выше существования“ (Гегель). А потому да не посетует на меня читатель за непопулярность и даже трудность последних страничек.

Теперь перейдем к материалистам, первым из которых и одним из крупнейших (мы говорим о научной мысли последних 300 лет) несомненно был Спиноза (1632—1677 гг.).

Благодаря тому, что он по своему, но необыкновенному, пользовался обычными для того времени терминами (специальными выражениями), его причисляли к лагерю идеалистов: ведь он все вещи считал творением Бога.

Спиноза первым догматическим монистом и признает наличие единой неделимой, одновременно и вещественной и духовной божественной природы, божественной субстанции. У Спинозы

мы находим много блестящих страниц как раз по тому вопросу, который волнует современного читателя, поскольку последнему приходится слышать о бесконечности материи и об ее безначальности. Им, имеющим дело с конечными вещами, трудно представить себе материю бесконечной. Спиноза по этому поводу говорит:

„Божественную природу, которую должно было бы рассматривать прежде всего, в силу того, что она в порядке познания предшествует как познанию, так и природе (под природой здесь следует понимать конечные вещи. Вл. С.), поставили последнюю, вещи же, называемые объектами чувств,—самыми первыми. От этого и произошло то, что вещи естественные они рассмотрели, о божественной же природе думали менее, чем о чем-либо, и когда затем обратились к ее рассмотрению, то предметом своего мышления могли сделать только свои же вымыслы, на которых построили знание естественных вещей..“

Устанавливая бесконечность единой субстанции, он поясняет, что эта субстанция собою представляет.

Бог, по мнению Спинозы, есть „существо вечное и бесконечное“, и этот Бог является первым делом „вещью мыслящей“ (*res cogitans*) и „протяженной“ (*res estensa*) и что „в природе Бога не имеют места ни ум ни воля“. Как мы видим, спинозовский Бог есть не что иное, как материя, ибо свойство протяженности несомненно материальное свойство.

Принимая во внимание и то, что Спиноза единую субстанцию называл и духовной и вещественной, тоже говорит за материалистичность Спинозы.

Что же говорит нам философ о Боге—природе?

Мы читаем у него:

„1) Бог есть прозводящая причина всех вещей, какие только могут быть представлены бесконечным разумом.

2) Бог представляет такую причину сам через себя, а не случайно.

3) Бог есть абсолютно первая причина“.

А в другом месте он утверждает, что Бог есть имманентная (внутри вещей находящаяся. Вл. С.) причина всех вещей, а не действующая извне.

На вопрос, что составляет содержание человеческой идеи, Спиноза дает отчетливый материалистический ответ: „Объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело... и больше ничего“.

Об этом же он говорит, что „если бы кроме тела был еще какой-либо другой объект души, то в нашей душе необходимо должна была бы находиться идея о каком-либо его действии, так как не существует ничего, из чего не вытекало бы какого либо действия. Но никакой такой идеи в нашей душе нет.

Следовательно, объектом нашей души служит тело, в действительности (актуально) существующее, и ничего более“.

Дальше Спиноза говорит, что „человек состоит из души и тела“, что „все тела имеют между собой нечто общее“, что „душа человеческая есть сама идея, иными словами — сознание человеческого тела“, но „человеческое тело подвергается весьма многим действиям со стороны внешних тел и, в свою очередь, способно весьма многими способами действовать на внешние тела. А так как все, что имеет место в человеческом теле, душа человеческая должна воспринимать, то отсюда следует, что человеческая душа способна к восприятию весьма многого...“. „Если тело человеческое приведено в состояние, заключающее в себе природу какого-либо внешнего тела, то душа человеческая будет смотреть на это внешнее тело как на действительно (актуально) существующее или находящееся [на лицо до тех пор, пока тело не подвергнется действию, исключающему существование или наличность назначенного тела“.

Итак, мы видим, что душа по Спинозе есть ничто иное, как идея о теле или, как мы привыкли выражаться, отражение в нашем сознании бытия в его различных состояниях и процессах. Этот материалист, закладывая основы современного материализма, сильно ударил по идеализму, но поскольку внешний мир он считает познаваемым постольку, поскольку он так сказать „вошел“ в тело субъекта, он расходится с марксизмом, признающим познание предмета, как он есть сам по себе.

Бэкон (1561—1626 гг.) еще раньше говорил, что дело не в „словах“, не в рассуждениях, а в изучении природы, почему науку физику он и ставил во главе угла.

„...Нельзя ожидать — писал он, — что эти науки, особенно в своих существенных частях, будут преуспевать в значительной степени, пока физика не разовьется в частные науки, и пока эти частные науки не будут снова сведены к физике. Так как этого нет до сих пор, то астрономия, оптика, музыка, многие механические искусства и, что кажется еще более странным, нравственная философия, равно как и логика, ушли лишь немного дальше своих основ и только видят разпообразия и скользят по поверхности предметов. Это и зависит оттого, что, после того, как эти частные науки образовались и отделились, они уже не получали пищи от физики, которая могла бы сообщить им силу и содействовать их успеху; не удивительно поэтому, что оторванные от своего корня, эти науки не развиваются“.

И Бэкон тоже смотрел на наше сознание, как отражающее внешний мир с помощью человеческих чувств, но так как он решительно расходился с так-называемым „наивным“

материализмом, согласно которого вещи таковы, какими мы их видим и вообще ощущаем, и, наоборот, сравниваем сознание с зеркалом с неровной поверхностью, то для Бэкона крупное значение имел вопрос, как постигнуть действительные вещи.

Он предложил для этого кроме прямых способов, еще и посредственные: эксперимент (опыт) и инструмент. Это, между прочим, целиком вошло в марксистский материализм.

Ученик Бэкона Томас Гоббс (1588—1679 гг.) тоже проводил материалистическую точку зрения.

Под философией, например, он понимал „добытое путем правильных умозаключений знание действий по их причинам и наоборот“.

Про религиозные учения он говорил, что „они подобны целебным, но горьким пилюлям, которые нужно глотать, но отнюдь не разговывать, — иначе, в большинстве случаев их придется выплюнуть“.

Мысль он определял, как „представление или образ какого-либо постоянного или случайного качества внешнего предмета, названного обыкновенно объектом. Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела, и от различного действия объектов зависит различие образов“.

Человек, по Гоббсу, состоит из души и тела, при чем под свойствами тела он понимает свойства питаться, воспроизводить и двигаться, а умственные способности—это способности опять-таки двигаться и познавать, т.-е. представлять какое-либо качество внешнего предмета.

Локк (1632—1704 гг.) тоже признавал существование вещей в себе, т.-е. вещей, существующих без нас, помимо нас.

С особенной страстностью он опровергал учение о врожденных идеях.

Французские материалисты XVIII в. продолжали развивать материалистическое мировоззрение, совершенно откинув ссылки на бога, что имеет место у английских, выше упомянутых, философов (их ссылки на бога наводят на мысль об английском того времени „лицемерии“ и невозможности книге без „бога“ понасть на стол „уважаемого“ читателя).

Ла-Меттри духовное считал лишь свойством материи. Он писал: „Я признаю мышление так мало отделимым от организованной материи, что мне оно кажется таким же свойством этой последней, как электричество, сила движения, непроницаемость, расширяемость и. т. д.“.

„Чувствительность—говорил другой французский материалист Гольбах—есть плод природы и свойств организованного тела, подобно тому, как сила тяжести, магнетизм, упругость и т. д. являются плодом природы или свойств некоторых других тел“.

Но что такое материя?

„Для нас материя есть то—отвечал Гольбах,— что возбуждает каким либо образом наши внешние чувства, и свойства, которые мы приписываем различным материям, основаны на различных впечатлениях или изменениях, которые они в нас производят“.

У Дидро имеется прелестные странички, дышащие боевой последовательностью материализма:

Па вопрос Д'Аламбера: „Не совсем понятно, как согласно вашей системе, мы образуем силлогизмы и выводим следствия“. Дидро отвечал: „Мы не выводим их: все они выводятся природой“.

А в другом месте:

„Мы—инструменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства—клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые ударяют сами по себе; вот что, по моему мнению, происходит в музыкальном инструменте, организованном так, как вы и я. Причиной, лежащей в инструменте или вне его, вызывается известное впечатление; от впечатления рождается ощущение, ... за ним следует другое впечатление, причина которого равным образом кроется вне или внутри инструмента, другие ощущения и голоса, выражающие их в естественных или условных звуках. Д'Аламбер: „Понимаю. Следовательно, если бы этот чувствующий и одушевленный инструмент был к тому же одарен способностью питаться и воспроизводиться, он жил бы и производил бы, один или вместе со своей самкой, маленькие одаренные жизнью и звучащие музыкальные инструменты. Дидро: „Без сомнения“.

Французский материализм, боевой, задорный, последовательный, безуступчивый имел, однако, один большой для нашего времени недостаток: он был механичен.

Так, у Дидро имеется такое положение: „...на всем расстоянии от Сатурна до вас, между телами существует только смежность а не непрерывность“.

И дальше: „Хотите-ли вы превратить гроздь пчел в одно единственное животное? Уничтожьте лапки, которыми они держатся; из смежных сделайте их непрерывными.. Все наши органы... ни что иное, как различные животные, между которыми закон непрерывности поддеживает общую симпатию, единство, тождество“.

Этот недостаток мог быть устранен только материализмом XIX в., впитавшим в себя диалектику великих идеалистов—Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Фейербах, современник Маркса и Энгельса, в вопросе о телесном и духовном, особенно ярко выразил материалистиче-

скую точку зрения: „Что для меня, или субъективно, есть духовный акт то само в себе, т.-е. объективно, есть акт материальный, чувственный“.

Принимая от ранних материалистов основное, что их отличает от идеалистов, и говоря, что „для меня материализм есть основа человеческой сущности и знания“, Фейербах разошелся с ними, поскольку они были механическими материалистами, и встал на диалектическую точку зрения, т.-е. признал мир, как процесс, „как вещество, которое находится в непрерывном развитии“ (слова Энгельса).

Маркс с Энгельсом, приняв материализм Спинозы, французских и английских материалистов и Фейербаха, внесли в него целый ряд поправок и дополнений, в результате чего получилось цельное, научное, боевое материалистическое мировоззрение.

Маркс в 1-м тезисе о Фейербахе пишет:

„Главный недостаток материализма—до Фейербаховского включительно—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно... Фейербах хочет иметь дело с конкретными объектами, действительно отличными от объектов, существующих лишь в наших мыслях. Но он не доходит до взгляда на человеческую деятельность, как на предметную деятельность“.

Иначе сказать, надо не только познавать мир, но и его изменять, а теорией заниматься не ради теории, а ради более успешного изменения мира, о чем и говорит II-ой тезис Маркса.

И тем, под материей понимается все то, что, действуя на наши чувства, вызывает в нас те или иные ощущения.

Материя—это все то, что мы можем увидеть, услышать, осязать, обонять, почувствовать вкус, если оно находится в пределах нашей досягаемости.

Эта материя, будучи в одном состоянии, обладает такими свойствами, а будучи в другом—иными, при чем первые свойства могут оставаться, но к ним приходят еще и другие.

Так, например, неорганическая материя обладает свойством находиться в движении, органическая материя—и двигаться, и ощущать, а высшие формы ее—также и мыслить.

Эти свойства материи—ощущать и мыслить—материалисты называют духовным свойством. Отсюда следует, что материя без духа может существовать и существует, дух же без материи—это чистой воды поповщина.

Отсюда также следует, что первые формы материи, про-

стые формы, не имеют духовных свойств, что материя без „духа“ старше по возрасту, чем материя с „духом“.

Когда нам говорят, что Бог или Разум или Абсолютный Дух существовал до материи, а потом либо сотворил ее, либо сам превратился в материю, мы требуем доказательства этого утверждения.

Идеалисты этого доказать не могли, не могут и никогда не смогут.

Когда же мы утверждаем, что материя всегда существовала, что ее никто—ни „Бог“, ни Разум и т. ц.—не создавал и создать не мог, что материя безначальна и бесконечна,—то мы это доказываем, беря в свидетели естественные науки, и физику с химией в первую очередь. Крупнейшие ученые, признанные всем ученым миром, открыли закон сохранения материи и энергии, согласно которому материя безначальна, ибо что-нибудь из ничего не может быть сделано, она бесконечна, так как что-нибудь превратить в ничто невозможно.

Когда солипсисты (субъективные идеалисты) нас уверяют, что мир нам только кажется и что доказать его существование нельзя, мы указываем, что, если собака, человек, муравей и воробей по разному ощущают дерево, то, ведь, все-таки все они ощущают и, значит, есть что то само по себе существующее, что кажется и человеку, и воробью; — указываем также, что ощущающая материя появилась позже, чем неощущающая (металлы, минералы, газы, и проч.); а раз это так,—а этого никто отрицать не может,—то кому могла казаться та неорганическая материя? Или мы будем уверять, что мир существует лишь с того момента, как появились тела с органами чувств? Но, ведь, это сущая бессмыслица.

Энгельс на вопрос, существует ли пудинг, рекомендовал отвечать не словами, а делом: взять и съесть его.

Существует ли овес сам по себе?

Нужно взять овсяное зерно, посадить его весной в землю и сказать, что через некоторое время появится колос с овсяными зернами. Здесь уже никто не может сказать, что мне казалось, ибо мои чувства с этим колосом в соприкосновение не приходили, так как и колоса, когда я зарывал зерно в землю, не существовало.

Итак, следовательно, материализм рассматривает мир как материю, обладающую различными свойствами, а дух — как одно из этих свойств.

Но какое отношение все это имеет к обществу, к истории человечества?

Почему мы свой исторический метод называем материалистическим?

Да потому, что история общества является в то же время и историей материальных и духовных явлений общественной

жизни, что духовные явления суть ничто иное, как продукт общественной материи.

Нам нужно точно определить понятия: „общественное тело“ и „общественная душа“ и выяснить их происхождение и характер действия друг на друга.

Под материей, в приложении к обществу, Маркс понимает все действия как между людьми, так и людей в отношении к природе.

Под действием надо понимать не только волевою деятельность, но и подсознательную, т.-е. все чувственные отношения (не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать).

Все отношения людей к природе (техника) и людей друг к другу (общественные отношения), являются общественным телом или материей общества.

Сюда относятся и трудовой процесс, и танцы, и уличные потасовки, и баррикадная борьба, и катания на лодках, и лазание на вершины гор, и приготовление обеда—одним словом, все то, что, приходя в соприкосновение с органами наших чувств, вызывает в нас ощущения.

Общество в различных своих состояниях имеет еще психические переживания и систематизированную психику, носящую название идеологий.

Ни психику, ни идеологии мы не можем назвать материей, так как ни мысли, ни идеи мы не можем ни слышать, ни видеть, ни обонять, ни осязать, ни узнавать их вкуса; они суть духовные продукты материального „тела“.

Мы слышим не идеи, не мысли, а звуки, мы, читая книгу, видим опять-таки не идеи, а значки, именуемые буквами, знаками препинания и т. д.

Сделав такое определение общественных „тел“ и „души“, мы указываем, что идеология и психика не нечто самостоятельное, это—не „божье дыхание“, а вполне зависимое от материи, продукт последней.

Люди действуют и мыслят; содержание действий определяется непрерывно изменяющейся природой внешнего мира и самих людей, а наше мышление лишь отражает как внешний мир, так и общество в их взаимоотношениях.

Танец—это материальное, а наука о танце—это духовное, это — отражение танца в наших головах. Международная борьба пролетариата—это материальное, а лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“—это отражение факта пролетарской солидарности в головах марксистов.

Пожар в театре—это материальное, настроение паники—духовное, т.-е. отражение в головах людей всех тех бедствий, которые сопровождали целый ряд пожаров.

Человеческая голова имеет своим содержанием только то,

что ей представлено материальным миром. Если футурист изображает женщин каким то существом с пучком змей на голове вместо волос, фиалками или васильками вместо глаз, с тростинкой вместо шеи и т. д., то получается нечто никогда в природе не существовавшее. Под такой картиной нужно обязательно сделать надпись: „Се женщина“.

Однако и здесь фантазия художника не смогла выйти за пределы материального данного, а использовала — правда, ни к селу ни к городу—змеи, цветы, тростинку...

Мы, материалисты-марксисты, указываем, что благодаря действиям людей, материальный мир раскрывается перед нашими глазами все новыми и новыми своими сторонами, сознание же наше отражает либо стихийно (психика), либо планомерно этот самый материальный мир; мы утверждаем, что только делами, действиями, только в отношениях людей к людям и людей к внешнему для них миру открывается поле действия нашему разуму.

В начале было дело, а потом мысль и слово.

Обратное утверждают идеалисты: „В начале было слово“. Они говорят, что разум толкает людей к тем или иным действиям, что человек только потому и превратился в „царя животных“ что он одарен высшим разумом. Об этом нам придется говорить в следующих главах, а пока укажем, что наше мышление может отражать материальный мир по разному:

- 1) вполне точно—Абсолютная истина;
- 2) относительно точно (не совсем точно)—Относительная истина;
- 3) искаженно—Ложная истина.

Происходит это потому, что материальный мир все время находится в движении, непрерывно изменяется, и наше сознание отражает не то, что есть, а то, что уже было.

Чтобы избежать столь неправильного отражения мира, нужно изучать его в движении, и в настоящем искать ростки будущего и тем самым предвидеть это будущее.

Во-вторых, материальный мир представляет собою чрезвычайно сложный клубок всевозможных сил, которые взаимно действуют друг на друга.

Мы, обычно, не в силах охватить своим взором мир во всех его проявлениях и отражаем в своих головах только часть их.

В-третьих, мышление является свойством людей, которые живут в разных условиях и действуют тоже по разному.

Если наши предки смотрели на Марс простым небооруженным глазом, то и представление их о Марсе было не тем что у современных астрономов, вооруживших свои глаза могущественными телескопами.

В-четвертых, уже создавшиеся симпатии мешают людям

отражать мир таковым, каковым он является на самом деле, и они на него как бы закрывают глаза.

Например, наш верующий крестьянин, скованный по рукам и ногам религиозными предрассудками, порою и слушать даже не хочет тех людей, которые ему доказывают, что земной шар дошел до современного состояния в течение многих и многих миллионов лет. Буржуазия, например, глубоко убеждена, что коммунизм—это чепуха, а русское государство, во главе которого стоит пролетариат, это случайность, историческая ошибка, сплошное недоразумение.

Теперешней буржуазии и невыгодно, и страшно глядеть в лицо истории, и она надевает на него маску, ибо в глазах истории она видит собственную гибель.

Материалисты-марксисты, указывая, что „общественная душа“ является свойством и продуктом „общественного тела“, не останавливаются на этом, переходят к изучению анатомии тела, ставя вопросы:

- 1) что в теле играет роль фундамента (базиса) и
- 2) что—надстроек;
- 3) как на „тело“ влияют духовные его проявления в лице психики и идеологии.

В дальнейшем мы постараемся дать ответы на поставленные вопросы, сознательно уходя в своем изложении и от того порядка, который принят в книгах по историческому материализму.

Мы свое изложение приспособим к тем запросам, которые предъявляет нам современная идейная молодежь.

В изложении, поэтому, не встретится той схемы, которая обязательна для учебника.

Дальнейшие главы, наоборот, будут представлять собою только очерки по отдельным вопросам, ответа на которые ищет наш читатель с точки зрения марксизма.

5.

Роль потребностей.

Когда мы подходим к вопросу: что является движущей силой, определяющей факт развития человеческого общества и его направления, то обычно наша молодая аудитория отвечает на этот вопрос так: по пути вперед нас толкают наши потребности.

И действительно, когда читатель вспоминает известную речь т. Троцкого, в которой последний называл лень (потреб-

ность меньше работать) рычагом культуры или когда мы прочитываем известное блестящее сочинение Поль Лафарга „Право на ленность“, в котором он говорит по существу тоже, — у читателя и у нас может сложиться представление, что человеческие потребности являются первичным движущим фактором (действующей силой) нашего развития.

В повседневной жизни мы можем многократно наблюдать, как наши потребности толкают нас к тем или иным действиям. Нам, например, не хочется таскать воду со двора, и мы проводим в квартиры водопровод. Нам не хочется иметь дело с керосиновой лампой, заправлять ее, протирать стекло, подрезывать фитили, и мы стараемся провести в свои комнаты электрические провода и т. д. В нас и в наших семьях сильна потребность быть сытыми, и мы работаем порою сверх сил, лишь бы удовлетворить этой потребности. Таких примеров можно привести очень много. Не потребности ли толкают общество по пути развития, не они ли вызвали к жизни паровозы, доставляющие нас из Москвы в Петроград в несколько часов, автомобили, сберегающие нам время, доменную печь, избавляющую нас от грязной и тяжелой работы при ямах, в которых разогревалась когда-то железная руда?

Мы, марксисты, отвечаем, что потребности хотя и являются движущей силой нашего развития, но они во-первых, не могут определять путь развития, а, во вторых, прежде чем влиять на общество они должны явиться результатом другой силы.

Что такое потребность живого организма? Это есть свойство последнего. Живой организм именно потому и живой, что он имеет потребность двигаться, принимать пищу, выбрасывать из себя переработанную пищу и т. п.

Потребности имеются и у растения, и у червяка, и у собаки, и у человека. Однако, мы видим, что червяк не достигает той высоты развития, которой достиг человек. То же и с растением, и с собакой. Если бы потребности являлись первичной движущей силой развития, то мы наблюдали бы, как развивается согласно новым потребностям тот или иной вид животного и растительного царства.

Теперь мы и спросим: почему человек с потребностями быстро шагает по ступеням лестницы культуры, тогда как весь остальной растительный и животный мир тоже с потребностями остается почти на одной и той же ступени.

Наша мыслящая молодежь, в точности поступающая согласно слов т. Ленина: „Безнадежный идиот, кто верит на слово“, обычно указывает, что бабочки в зеленой местности, имея потребность в крылышках зеленой же окраски, постепенно переокрашиваются именно в этот цвет.

На это мы, марксисты, ответим ссылкой на дарвинизм.

Этот последний отмечает крупную роль в образовании разных разновидностей и видов живого мира—роль естественного отбора. Бабочки оказываются перекрашенными в зеленый цвет не потому, что у них появилась такая потребность, а в силу большей приспособленности к окружающей среде именно зеленых бабочек, и меньшей—черных, красных и прочих. И действительно, если воробей полетит на охоту, он больше всех переключает как раз тех бабочек, которые бросаются в глаза, а зеленые, сливающиеся с травой, ветками и листьями, останутся нетронутыми. Они, в свою очередь, дадут зеленое потомство и, в конце-концов, мир бабочек в зеленой местности с обилием бабочкиных врагов превратится в зеленый. Там же, где врагов у бабочки мало, мы найдем и красных, и синих и прочих цветов.

Потребности в живом организме являются лишь свойством последнего и признаком жизни, определить же развитие они не могут, так как сами, как мы уже сказали, являются результатом (произвольным) каких то (а каких именно?—Об этом скажем ниже) причин, а не появляются самопроизвольно.

Выступая против тех ученых, которые в основу развития человеческого общества кладут потребности, мы указываем, что люди должны вперед узнать, испробовать то, к чему потом является потребность, а за тем уже достигать, добиваться ее удовлетворения.

Мы спрашиваем: оттого ли человек стал жарить мясо, что у него была потребность питаться именно жареным мясом, или, наоборот, именно потому, что он ел жареное мясо и у него появилась потребность в нем.

Мы рисуем такую картину: после лесного или степного пожара дикари наталкиваются на полусгоревшего буйвола, нагибаются на него и поедают.

После нескольких таких случаев они замечают, что после жареного мяса человек легче себя чувствует, что жареное мясо легче переваривается и т. д. Тогда они, если умеют пользоваться огнем, уже сознательно делают мясо жареным.

Вперед было дело, а потом появилась потребность.

Потому-ли появился синемаграф, что у людей появилась потребность в нем? Или наоборот: изобрели его, и мы стали ходить в театры-кинемо?

Едва-ли кто станет утверждать, что в нас уже была потребность в синемаграфе, а потому мы изобрели его.

Однако,—говорят многие слушатели,—мы еще не изобрели такого штопора (пробочника), которым можно было бы в один момент без всякого усилия откупоривать бутылку, но у нас уже имеется потребность в нем, и мы стараемся его изобрести?

На такой вопрос мы отвечаем: Но, ведь, штопорами мы уже пользовались. и речь идет лишь об его усовершенствовании.

Ведь в нас нет потребности изменить штопор так, чтобы им можно было колоть дрова или распиливать бревна?

Вот здесь-то мы и подходим вплотную к самому важному вопросу. Мы спрашиваем: почему потребности в нас вырастают не произвольно, не случайно, как бог на душу положит (воспользуемся выражением верующих людей), а как-то закономерно?

Если бы потребности направляли общество по тому или другому пути, то мы не могли бы наблюдать той закономерности и в целом одинаковости развития разных обществ. Мы знаем, на пример, что и в Азии, и в Африке, и в других частях земного шара люди жили сначала коммунистически, затем коммуна-род стал представлять собою совокупность отдельных семей, в некоторых отраслях труда совершенно независимых от рода, а потом уже стали самостоятельными и отдельные лица, обособившиеся и от семьи.

Если думать, что именно потребности двигают общество. то сам собою вырастает вопрос: почему же эти потребности не возникают произвольно, случайно, беспричинно? И если они сами определяются какими-то причинами, то что это за причины?

Может быть, однако, человек появился на земле с врожденными потребностями? Если это так, то конечно, нам не придется отыскивать причины этих потребностей, так как они даны уже в готовом виде природой или, как верующий человек скажет, богом.

Разбираясь и в этом вопросе, мы указываем, что действительно, и человек, и собака, и дождевой червь уже имеют потребности: пить, есть, двигаться, отдыхать.

Но, ведь, не можем мы эти потребности назвать причиной таких потребностей, как ездить в трамвае, читать книгу, ходить в театр!

И червяк имеет потребность питаться, а вот до какогонибудь блюда с соусом он свою потребность не довел.

Почему же в человеке развились и продолжают развиваться потребности все новые и новые?

Мы говорим, что человек есть продолжение другого животного (человек произошел от обезьяны), что человекоподобная обезьяна как-то, случайно взявши несколько раз дубину в руки и тоже случайно повторивши ею одно и тоже движение, стала уже не случайно пользоваться дубиной, а затем ее обделывать, улучшать, приспособлять к себе. С этого момента, при известных благоприятных условиях, обезьяна уже стала превращаться в человека. Она могла не скрываться на деревь-

ях от некоторых животных, она получила возможность больше времени проводить на земле, у нее стало быть, не так часто верхняя пара конечностей (наши руки) употреблялась в качестве подтягивающего орудия, поддерживающего на ветке дерева тело, зато чаще она употреблялась, как орудие размаха (поднимать и опускать дубину). Обезьяна чаще, в силу употребления передних конечностей в виде рычага, стояла и ходила на задней паре. В результате укорачивались руки, выпрямлялся позвоночник.

Употребляя повторно, многократно дубину, обезьяна-человек получила потребность, которой у нее не было до сего времени: иметь при себе дубину и пользоваться ею. Когда люди, имея дело с лпанам (гибкое растение), каким-то образом стали их употреблять в качестве веревок, у них появились потребности пользоваться этим орудием труда.

Случайно наткнувшись на хлебные колосья и употребив зерна в пищу, люди стали уже сознательно отыскивать злачные растения. Но в них еще не было потребности постоянно употреблять хлеб. Лишь когда люди овладели новыми производительными силами (обработка земли с помощью заостренной палки, лопаты или сохи), лишь следовательно, когда при известной технике они перешли к новым предметам питания, у них появилась потребность постоянно потреблять хлеб.

Но они съедали поджаренные зерна, не имея потребности в лепешках из муки. Однако, пользуясь камнями и обдывая их, они могли случайно растереть двумя камнями горсть зерен и полученную крупу употребить в пищу. Делая это повторно, много раз и замечая, что лепешка из крупы легче пережевывается, лучше переваривается, не так тяжело ложится на желудок, люди стали постоянно перемалывать зерно в крупу, а затем и в муку, и в них создалась новая потребность: питаться мучными лепешками.

Однако, эта потребность не могла бы превратиться в какую-то устойчивую потребность, толкавшую бы людей на делание муки, если бы они не овладели миром в такой степени, чтобы превращать зерно в муку без затраты сил сверх нормы (нормы того времени), т. е., если бы они не овладели новыми производительными силами в виде камней-жерновов.

Развивающаяся техника, т. е. покорение внешнего мира, овладение его силами привело людей к потребностям носить кожаную обувь, одежду из тонкой и легкой ткани, ездить (на лодках, пароходах и теплоходах и так далее.

Иметь потребности должен, следовательно, каждый живой организм, но рост, изменение и характер изменения этих потребностей определяются ростом, изменением и характером изменения техники, под которой мы понимаем отношение человека к природе, и производительных сил.

Однако, мы находим и другие потребности, которые не могут быть выведены непосредственно из техники.

Например, потребность работать в профсоюзе или в политической партии, потребность борьбы против эксплуататорских классов, потребность изучить жизнь общества и т. п.

Вот имея в себе такие потребности, не идем ли мы в боевые отряды, не вызываем ли мы тем самым классовую борьбу, революции? Не наши ли общественные потребности приводят к тому или иному состоянию общества?

На эти вопросы мы ответим лишь повторением ранее сказанного, но уже касательно общественных отношений.

Почему рабочие имеют потребность к классовой борьбе? Да потому, что уже имеются определенные общественные отношения: класс рабочих, класс буржуазии, первый — эксплуатируемый, второй — эксплуататор. Между ними уже происходят столкновения и в ряде повторных столкновений выковывается потребность к борьбе, диктуемая теперь осознанием того факта, что без борьбы тебя твой враг еще больше будет эксплуатировать.

Эти общественные потребности тоже рождаются не произвольно, а закономерно, и определяются они в конечном счете производственными отношениями, которые носят название также и трудовых отношений.

Вот, когда люди при слабой технике, т. е., при малом использовании производительных сил, жили коммунистическим обществом, добывая средства к существованию совместным трудом, иначе сказать, когда их производственные отношения были коммунистическими, то и общественные потребности людей в этом обществе тоже были коммунистическими: всякий имел потребность жить вместе со своими родичами, соплеменниками, не было потребности выделиться и зажить самостоятельно, независимо от своего рода, т. е. от своей коммуны.

Но когда производительные силы были умножены, стали могущественны в такой степени, что некоторые работы (трудовые процессы) могли быть совершаемые отдельными группами людей, и когда, вследствие этого, внутри рода появились как бы многоликие частные собственники в виде семей, то появились новые потребности: некоторую часть жизни проводить, замкнувшись, в своей семье, самостоятельно от рода — появились потребности составлять для себя подходящую семью.

Когда же появилось экономическое неравенство между отдельными семьями, и когда одни превращались в господ положения, а другие — в подчиненных, и когда между теми и другими стали все чаще повторяться столкновения, при чем часто семьи одной группы объединялись для борьбы с семьями другой группы, — вот тогда могла появиться — и, действительно,

появилась потребность объединяться, классовая борьба вступила в русло организованности.

В силу всего сказанного, мы можем по вопросу о потребностях человека в обществе сказать следующее: они являются свойством человека, признаком его жизни, и развиваются, отмирают, превращаются в новые под влиянием появляющихся, изменяющихся, превращающихся в новые, производительных сил и общественных отношений, в основе которых лежат производственные отношения.

Появившиеся потребности, если мы их почему-либо удовлетворять не можем, заставляют нас действовать с целью добиться удовлетворения. Раз возникнув, потребности, при известных условиях, являются движущей силой развития общества.

Читателю, может быть, кажется, что он попал в какой-то заколдованный круг? С одной стороны, новые потребности являются результатом техники и общественных отношений, с другой стороны, они же являются и причиной.

Однако, достаточно приглядеться к окружающей нас жизни, чтобы убедиться, что никакого заколдованного круга нет.

У нас граждан Советской республики пятого года ее существования—имеются потребности питаться хлебом и другими сельско-хозяйственными продуктами. Эти потребности заставляют нас вести агрономическую агитацию и пропаганду, выписывать из-за границы тракторы и семена; изменять даже общественные отношения (в данном случае, отношения пролетариата и крестьянства, горожан и сельчан), давая большой простор крестьянству (замена разверстки налогами, свобода торговли и т. п.) В данном случае именно потребности толкают нас на такие действия.

Но мы, в свою очередь, спросим: эти потребности изменяют ли по существу технику и общественные отношения?

Нет, мы ради удовлетворения своих потребностей, стараемся использовать по существу те же производительные силы, что и раньше, когда наши потребности удовлетворялись в отношении хлеба более или менее нормально. Вот если бы в нас вдруг, независимо ни от техники, ни от общественных отношений, проснулись какие-нибудь потребности, которые бы общество стало удовлетворять, специально для этого выдумавши соответствующие орудия производства и людские отношения, тогда можно было бы говорить о заколдованном круге: техника с общественными отношениями вызывает новые потребности, а эти последние в свою очередь приводят к новым (по качеству) техники и человеческим отношениям. При таком положении даже и заколдованного круга нет, а имеются налицо две, или больше самостоятельных сил, которые борются одна с другой и, в случае победы одной из них, наши

потребности, наша техника и экономика вступают на другой путь. А в результате—отсутствие планомерности, наличие произвола. На самом же деле жизнь идет по одному пути, закономерно, а отнюдь не по произволу то одних, то других сил. И это развитие идет так: техника, изменяясь, изменяет и общественные отношения, и общественные потребности; общественные отношения, в свою очередь, изменяясь, изменяют потребности иметь те или иные отношения; раз возникнув, потребности требуют своего удовлетворения и заставляют для этого людей применять те действия, которые по существу они уже применяли, но применяли слабо, неумело.

Потребности толкают нас лишь к совершенствованию, к улучшению той техники, тех общественных отношений, которые вызвали к жизни эти потребности.

Техника же и общественные отношения не только совершенствуют наши потребности, но и вызывают новые.

(Для тех читателей, которые уже знакомы с известным гегелевским законом, воспринятым Марксом—Энгельсом, о переходе количества в качество и обратно, не трудно догадаться, что только этот закон и позволяет нам разомкнуть заколдованный круг: потребности толкают к уменьшению или к накоплению в технике и общественных отношениях „количества“, техника же и общественные отношения изменяют потребности и количественно и качественно).

6.

Роль разума.

Если не потребности являются изменяющим жизнь рычагом, то не является ли таковым наш разум?

Ведь не будь у человека разума, он никогда бы не достиг тех ступеней культуры, на которых стоит современное человечество.

Не будь человеческого разума, не было бы ни электропługов, ни аэропланов, ни даже простого топора или булав.

Говоря о роли разума, мы пойдем тем же путем, каким шли, определяя роль потребностей.

Мы укажем, что разум есть у всех животных, имеющих мозг, но этот разум находится в зачаточном состоянии, у человека же он развился в сильной мере.

Если разум является рычагом развития, то почему он не развивает и не изменяет лошадей, собак, зайцев и прочих животных? Почему только человек с помощью своего разума дошел до автомобилей и подводных лодок?

Зададим мы и еще один вопрос. Почему те лошади или собаки, над которыми мы работаем, обладают более высоким ра-

зумом, нежели дикая лошадь или волк? Не потому ли, что мы своей работой над ними заставляем этих лошадей и собак усиленно, что называется, шевелить мозгами?

Если мы будем тренировать свои мозги, как тренируют гребцы-спортсмены свои руки и корпус, то, ведь, наш разум разовьется так же, как развивается и сила мускулов у гребца.

Но что тренировало наш первобытный мозг,—мозг человекоподобной обезьяны—и привело его в теперешнее состояние? Нам снова придется вернуться к технике. Мы скажем, что пока обезьяна не пользовалась регулярно орудиями труда, пока она не начала делать их,—все ее действия были в конце-концов до утомительности одними и теми же—из поколения в поколение, из года в год и даже изо дня в день. Тут мозг обезьяний работает в одной и той-же плоскости, как и руки, которыми она хватает, хвост, которым она цепляется за ветки, клыки, которыми она разгрызает пищу и т. п. Вместо нашего разума у обезьяны и особенно у низших животных на-лицо инстинкт, выражающийся в привычных действиях. Наоборот, когда обезьяна начала делать орудия труда (новое дело), а затем их совершенствовать,—не работал ли ее мозг с этого момента над все новыми и новыми делами, не попал ли он в обстановку разнообразной тренировки?

Некоторые объясняют развитие разума тем, что люди, изобретая новые орудия, овладевая природой, получают все больше свободного времени, позволяющего уделять больше времени деланию орудий.

Такое объяснение, конечно, не выдерживает никакой критики. Вообразим, что первобытный человек, уже начавший делать орудия, получил каким-то образом в свое распоряжение много свободного времени. Будет ли он сидеть над деланием орудий труда или хотя бы раздумывать, как их надо делать? Конечно, дело совсем не в этом. Дело только в том, что человек на заре своей жизни непрерывно работает, если не спит, в работе применяет орудия труда, в работе (трудовом процессе) изменяет их, изношенные заменяет другими, следовательно, делает их, отвоевывает этим самым все новые территории в природе, а мозг, непрерывно участвуя в этом процессе, воспринимая все новые и новые кусочки жизни развивается, тренируется и, в конце-концов, вытренировывается до современного состояния.

Покоряя природу, непрерывно воздействуя на нее, изменяя ее, человек не только усиливает свои руки, беря дубинку, ускоряет ход своих ног, подставляя под них ходули, утончает свой слух слуховыми трубками и аппаратами, увеличивает свои глаза телескопами и микроскопами, но и совершенствует свой мозг, приспособляющийся к восприятию все

новых и новых явлений, развертывающихся со все нарастающей быстротой.

Но не только техника (отношения людей к природе), но и общественные (людей к людям) отношения вызывают изменения в нашем разуме, толкают его к развитию.

Когда, например, появляются впервые классы, и люди попадают в условия борьбы не только с природой, но и друг с другом, в пределах своего же рода; когда эта борьба превращается в постоянное явление, наш разум начинает реагировать (отзываться), на различные моменты этой борьбы, на новые моменты, до сего времени места в жизни человека не имевшие. Когда классовая борьба усложняется, когда способы борьбы становятся чрезвычайно разнообразными, когда отношения людей друг к другу становятся крайне запутанными, не развивается ли наш мозг, не более ли высоким становится наш разум, непрерывно отзывающийся (реагирующий) на бесконечную цепь явлений общественной жизни, цепь, в которой несчетное количество звеньев, одно на другое не похожие или будучи одинаковыми с виду, имеют различное содержание?

Говоря только о человеке, мы указываем, что разум, как и потребности, является обязательным свойством его, непременным признаком человека, но развивается разум только под действием техники и общественных отношений. Оба этих фактора (рычага) определяют и направление, в котором развивается разум.

Легче всего это проследить на примерах.

Представим себе первобытных людей, многократно наталкивавшихся на способ делания огня и, наконец, овладевших им: они трут дерево кусок о кусок. Пойдет ли разум в поиски за иными способами добывания огня? Нет, он пойдет в указанном ему направлении: человек начнет уже сознательно приспособлять кусок дерева к другому куску так, чтобы огонь появился раньше или чтобы на работу по добыванию огня уходило меньше времени или силы. Он додумается и до так называемой сватики (палочка с палочкой скреплена крестообразно, и им придается вращательное движение). Однако, до нашей зажигалки он не додумается, так как изобрести ее можно, идя в другом направлении. Когда люди, не раз случайно высекая огонь, ударяя камень о камень, овладели и этим способом добывания огня, они уже могли додуматься, идя в новом направлении, и до нашей зажигалки (конечно, без бензина, без металлического корпуса), приспособив по соседству с двумя ударяемыми один о другой кремнями легко воспламеняемый предмет. Разум ничего нового (по существу), иного по „качеству“ изобрести не может; он только работает над совершенствованием того, что уже дано в практике человека.

Если мы возьмем изобретения даже такого изумительного „изобретателя“, как Эдиссон, то и здесь найдем подтверждение наших слов. Он в молодые годы приспособляет современный ему телеграфный аппарат для передачи слов в двойном количестве. И затем в области телеграфной техники он добивается одного улучшения за другим. Он усовершенствовал телефонный аппарат, который до Эдиссона был годен лишь для небольших расстояний. В свою очередь, знаменитый „Юзовский микрофон“, — говорит инж. П. Вознесенский, — посредством которого мы можем слышать шаги мухи так громко, как будто топает лошадь, представляет лишь видоизменение угольной диафрагмы Эдиссона“.

Эдиссону не удалось бы — да и в голову ему никогда бы не пришло — изобрести фонограф, если бы люди не пользовались еще до Эдиссона диафрагмою, которая, наблюдаемая им в телефонном аппарате, и привела к мысли о записи посредством диафрагмы.

Изобретенный Эдиссоном кинематограф есть, в сущности говоря, продолжение фотографии и перенесение ее (во времени с'емки) в движение.

Проследим также, как и почему люди овладели электричеством и магнетизмом. В. И. Лебедев в „Очерках по истории точных наук“ говорит: „Янтарь у древних народов, благодаря своему красивому цвету и блеску, служил для украшения. Из него делались, например, бусы: на таких бусах, должно быть, случайно и было замечено свойство янтаря притягивать соломенки, кусочки тканей и т. п. В обиходной жизни янтарь у греков назывался „электрон“, отсюда впоследствии и произошло слово „электричество“. У одного же римского поэта — Лукреция, жившего за несколько десятилетий до Р. Х., мы читаем, что в то время было известно свойство магнита притягивать железо. За пятьсот лет до Р. Х. индусский врач рекомендует пользоваться магнитом для вытаскивания железных наконечников стрел. В течение нескольких столетий магнетизм только наблюдали, случайно наталкиваясь на разные его проявления и свойства, пользуясь им очень ограничено. В 820 г. в „Книге милосердия“ Гебера мы читаем: „У меня был кусок магнитной руды, поднимавший 100 драхм железа. Я дал ему полежать некоторое время и поднес к нему другой кусок железа. Магнит его не поднял. Я думал, что второй кусок тяжелее 100 др., которые он прежде поднимал, и взвесил его. В нем оказалось 80 др. Значит, сила магнита ослабела: величина же его осталась прежней“.

Компасом при мореплавании начинают пользоваться около 850 г. Только в 1492 г. Колумб замечает отклонение магнитной стрелки от меридиана. Он пишет: „Всякий раз, когда, покидая берега Испании, я направлялся к Индии, я

замечал, как только от'еду на сто миль к западу от' Азорских островов, необычайную перемену в движении небесных светил, в температуре воздуха и состоянии моря. С великим тщанием наблюдая эти перемены, я нашел, что магнитная стрелка, склонение которой дотоле было к северо-востоку, перешла к северо-западу“.

В 1539 г. Ретикус указывает на возможность намагничивать через натирание. В 1544 г. Гартман открывает наклонение магнитной стрелки, сообщая герцогу Альбрехту: „Я нахожу, что магнитная стрелка уклоняется не только от полудни к востоку, но также вниз... Я подвешиваю стрелку, длиной в палец, так, чтобы она могла оставаться горизонтальной на острии. В таком случае ни один из концов не наклоняется к земле. Но как только я натираю один ее конец (магнитом), она не остается уже горизонтальной, а больше или меньше наклоняется вниз на несколько градусов. О причине этого я не могу ничего сообщить“.. Спустя же 32 года компасный мастер Норман все еще исследует вопрос о наклонении стрелки, определяя лишь точнее градусы наклоения. Лебедев в указанной нами книге по этому поводу говорит, „что за тысячелетний период были произведены исключительно случайные наблюдения и притом по преимуществу в области земного магнетизма. Можно без преувеличения сказать, что за тысячелетний период не было произведено никаких существенных открытий не только в области электричества, но и в области магнетизма“.

Знаменитый физик Джильберт (1540—1603 г.г.), современник Галилея, обратив внимание, что кроме янтаря при трении электризуются также и алмаз, сапфир, аметист, опал и горный хрусталь, и что эти последние притягивают почти все твердые тела, указал на различие между электрической и магнитной силой.

В 1698 г. Уолл описывает явление искры при разряде: „если кто-либо приближает палец на небольшое расстояние к янтарию, то слышит треск, сопровождаемый искрой. Меня удивляет, что при этом палец получает удар, довольно чувствительный... Этот свет и треск напоминает гром и молнию“. Так оказалась „изобретенной“ и искра.

Вскоре после этого стали пользоваться шелком, как веществом, не имеющим свойства проводимости. Но и здесь не разум—творец, и здесь человек не „додумался“, а натолкнулся. Физик Грей производил над электричеством опыты, подвешивая шарик один раз на пеньковую, другой раз на шелковую нитку. В одном случае опыт удался, в другом—нет. Тогда Грей стал готовить новый опыт с другим физиком Виллером, и как раз к началу опыта шелковая нить оборвалась,

Виллер предложил ее, как легко рвущуюся, заменить металлической проволокой. Опыт удался так же, как и при пользовании пеньковой ниткой.

Так, совершенно случайно, было узнано, что шелк не обладает свойством проводимости электричества.

Физик Дю-Фэ (1698—1739 г.) открыл (а не „выдумал“) два рода электричества, из которых каждое отталкивает однородное с ним и притягивает противоположное.

И здесь виноват случай. Дю-Фэ пишет: „Случай помог мне открыть другой принцип..., который проливает новый свет на электрические явления. Этот принцип состоит в том, что существуют два рода электричества, в высокой степени отличных один от другого: одно я называю „стеклянным электричеством“, другое — „смоляным“. Первое получается при натирании стекла, горного хрусталя, драгоценных камней, шерсти животных и др.; второе — при натирании смолы, яптаря, копаловой камеди“.

Дальше изобрели способ пользоваться электричеством на большем расстоянии; но и здесь не без случая обошлось, и сам изобретатель Мушенброк (1692—1761 г.) так был испуган своим опытом — случаем, что сразу же видно, как мало повинен был его разум в открытии так называемой Лейденской банки. Мушенброк пишет:

„Хочу сообщить вам новый и странный опыт, который советую самим никак не повторять. Я делал некоторые исследования над электрической силой и для этой цели повесил на двух шнурах из голубого шелку железный ствол, получивший через сообщение, электричество от стеклянного шара, который приводился в быстрое вращение и натирался прикосновением рук. На другом конце (левом) свободно висела медная проволока, конец которой был погружен в круглый стеклянный сосуд, отчасти наполненный водой, который я держал в правой руке, другой же рукой я пробовал извлечь искры из наэлектризованного ствола. Вдруг моя правая рука была поражена с такой силой, что все тело содрогнулось, как от удара молнии. Хотя сосуд из тонкого стекла обыкновенно сотрясением этим не разбивается и кисть руки не перемещается, но рука и все тело поражаются столь страшным образом, что и сказать не могу; одним словом, я думал, что пришел конец... Если поставите сосуд на металлическую подставку, помещенную на деревянном столе, и коснуться металла кончиком пальца, извлекая искру другой рукой, то также получается очень сильный удар“.

Вслед за этим начали этот опыт усложнять, пропуская электричество через нескольких людей, взявшихся за руки и образовавших круг, и Уатстон добился, что электричество пробежало расстояние в 12.000 футов.

Чтобы закончить с примерами из области электричества, сошлемся на знаменитое открытие Гальвани. У Лебедева мы читаем: „Случилось так, что врачи прописали больной жене Гальвани укрепительный суп из лягушачьих лапок. И вот однажды, когда на столе лежало множество лягушек, с которых была содрана кожа, и Гальвани производил здесь же опыты с электрической машиной, он вдруг заметил, что, когда один из его учеников дотрагивался ножом до обнаженного нерва лягушки, она приходила в странное содрогание“.

Сам Гальвани по этому поводу говорит: „Препарировав лягушку, я положил ее на стол, где на некотором расстоянии стояла электрическая машина. Случайно один из моих ассистентов дотронулся до нерва лягушки концом скальпеля,—в то же время мускулы лапы содрогнулись, как бы от конвульсии. Другой из помощников, который обыкновенно помогал мне в опытах по электричеству, заметил, что это явление происходило только тогда, когда из кондуктора машины извлекалась искра. Я был занят в это время совсем другим, но когда он обратил мое внимание на это, я пожелал попробовать сам и открыть его причину. Всякий раз, когда я дотрагивался скальпелем до нерва лягушки, а кто либо другой извлекал искру из машины, то же явление повторялось так же, как и прежде“. Гальвани стал предполагать, не производит ли атмосферное электричество такое же действие, как и электрическая машина. С целью проверить свое предположение, он соединил проволокой нерв лягушки с изолированным железным шестом, выставленным на крышу, а другой конец проволоки от лапки провел в землю. В результате во время молнии и даже при грозových облаках в лягушке замечались содрогания. Дальнейшие опыты показали, что существует электричество, присущее и организму животных.

Можем ли мы после этого говорить о разуме, как первоначальной движущей силе, толкающей человечество по пути прогресса (движения вперед)?

Человек с помощью разума лишь обобщает накапливающийся опыт, лишь формулирует (выражает в точных фразах) те законы мира, на которые наталкивался человек в своей практической деятельности. Разум действует всегда в том направлении, которое ему указывает техника и общественные отношения.

Если наши чувства воспринимают действие окружающей нас материи, то разум из всех явлений, путем отбирания общего и выделения частного, отличного, выводит причинную связь, то-есть, выясняет что является причиной и что следствием, формулирует законы мира. Причем, чувственная деятельность есть, в значительной степени, практическая деятельность, за-

включающаяся в трудовой (производственный) процессе, в котором человек добывает себе средства существования.

Во время такой деятельности человек наталкивается на новые материальные силы, возникают новые отношения человека к природе, то-есть, новая техника (выражаясь кратко). В пределах этой техники разум делает свое дело: сортирует части опыта, обобщает, различает, выводит законы и т. д. За эти пределы наш разум не выходит и выйти не может, пока в практической деятельности человек не натолкнется на что-либо новое и не откроет тем самым разуму новое поле деятельности.

Не следует забывать, что та умышленно создаваемая практическая деятельность, которая в мире науки носит название „опыт“, тоже не может быть выдумана человеком произвольно, и без соответствующей, уже имеющейся техники, никакие случаи, приведшие Гальвани к знаменитому открытию, ни к чему бы не привели. Чтобы Гальвани сделал свое открытие, нужно было, что бы уже применялась электрическая машина, чтобы было известно свойство острия собирать электричество (громоотвод), должно было быть известным свойство проводимости электричества у металла. Овладение определенными силами природы возможно только при наличии пользования до этого определенными же другими силами. Техника развивается закономерно, и разум прочищает намеченный путь тоже закономерно, а не по своей прихоти.

До сих пор мы говорили о зависимости развития разума от техники, вопроса же о том, как определяется направление разума общественными (людей к людям) отношениями, мы коснемся в специальных главах, посвященных различным идеологиям.

Пока же дадим такие примеры. Не была ли „выдумана“ советская форма государства? Ведь еще ни одного государства советского до нас не было. Однако, вспомним 1905 г., когда советы депутатов образовались сами собой, когда одно время Петроградский совет был как бы вторым правительством, и нам станет понятным, откуда взялась советская форма правления.

Возьмем парламенты. Может быть они придуманы каким нибудь политическим деятелем или правителем? Нет, и здесь парламент вырос из случайного вначале, из маловажного по своему значению собрания провинциальных делегатов и даже управителей.

Или марксизм! Продукт ли он одного лишь марксова разума, или в нем мы находим развитие высших достижений различных, часто прямо противоположных теорий, с одной стороны, и построение совершенно новых теорий (теория государства), толчком к которым служили и факты из обществен-

ной жизни (Парижская Коммуна)? Может ли разум независимо от практики выдумывать нравственные заповеди, своды законов и пр., если бы этих заповедей и законов не было налицо в обществе, но только в неоформленном, в неосознанном виде,—в виде общественных отношений.

Из дальнейших глав мы увидим, что такого самостоятельного развития разума не было, нет и быть не может.

Он лишь отражает нашу технику и общественные отношения, развиваясь самостоятельно лишь в указанном ему направлении, опять таки, делая свои, так называемые, „открытия“, лишь опираясь на выводы, полученные из прошедшей практики, и комбинируя их.

Сами опыты, производимые в лабораториях и т. п., есть та-же практика, но проводимая со специальными научными целями.

7.

Государство, право, личность.

Прежде, да и теперь (хотя и в меньшей степени), высказывались взгляды, что вся наша общественная жизнь зависит от той или иной формы политического управления.

Если Китай почти не развивается, далеко отстал от европейских государств, то объяснение этому следует искать в существующей там своеобразной монархии.

Если Англия, наоборот, ушла в своем развитии значительно дальше Испании или Франции, то и здесь причиной служат политические формы общества. И так далее. Эта „государственная теория“ тесно связана с теорией, определяющей личность и закон, как рычаги общественной жизни, самопроизвольные факторы развития.

Достаточно перелистать страницы любого учебника истории Европы со средних веков и до нашего времени, чтобы понять, как грубо ошибаются подобные теоретики.

И действительно, еще несколько столетий тому назад вся Европа представляла собою ряд феодальных стран, где власть над обществом была поделена между крупными землевладельцами, а над ними стоял то тот, то другой из них же. Постепенно этот, стоявший над своими соседями-управителями только как самый сильный из сильных, превратился в неограниченного управителя, которого хотя и величали первым из первых, но фактически таковым он был лишь за иррешительным столом, а в делах государственной важности он был абсолютным, с неограниченной властью монархом.

Затем, вырастают либо республики, либо монархии с сильно ограниченными правами короля. За последние годы мы

наблюдаем, что каждый раз, как пролетариату удается, хотя бы на время, захватить власть в свои руки, вводится советская система.

Если формы государства являются главным, сам по себе движущим фактором, то почему наблюдается стройная последовательность в смене их? Почему мы не находим большого разнообразия и пестроты как в развитии, так и в современном состоянии формы правления разных европейских стран?

Мы также говорим, что государство есть ни что иное, как классовое общество с аппаратом насилия в руках господствующего класса *). Каждому классу у власти соответствует в общем и целом определенная форма государственного аппарата. Например, когда подавляющая часть общества занималась земледелием, города же вмещали в себе самый ничтожный процент населения, когда широкого общественного разделения труда еще не было, и какая-нибудь часть страны (по размерам нашей губернии или даже уезда) могла обходиться, не входя в сношения с другой, — в это время, конечно, не могло возникнуть большого государства с единой армией, денежной системой, с единым судом и т. п. Наоборот, должны были существовать небольшие государства, каковыми и были все те феодальные владения, хозяевами которых были крупные землевладельцы, чеканившие каждый свою монету, имевшие каждый свою армию, свой придворный штат, свой суд, издававшие каждый свои законы...

Небольшой размер государств объясняется только соответствующими производственными отношениями, т.-е. отсутствием широкого общественного разделения труда, наличием замкнутых форм хозяйства (каждое хозяйство внутри себя само изготовляет все главное, что ему нужно).

Тот факт, что дворяне являются владельцами громадных богатств и потому господствующим экономически классом, ставит их, т.-е. первого из них, на королевский, герцогский, графский и тому подобный трон.

Со времени, когда общественные отношения усложняются, когда общественное разделение труда приводит к широкому обмену, когда возникают постоянные внешние торговые сношения, тогда на место отдельных феодальных маленьких государств приходит единое „феодальное“ государство с абсолютной, неограниченной властью монарха.

*) Определение государства, как классового общества, вызывает недоумение. Недоумевающие полагают, что с марксистской точки зрения государство есть что-то вроде политического аппарата: ВЦИК+СНК+Исполкомы+Г. П. У. и т. д.

Не имея возможности вдаваться в подробности вопроса, сослюсь на следующие слова Энгельса в «Анти-Дюринге» (гл. II. отд. III): «Современное государство в Западной Европе есть только организация, которую придает себе буржуазное общество...».

Опять дворянин-земледелец — первый из „благородных“ — на верхушке общественной лестницы, так как еще не выросла, не окрепла буржуазия, так как нет еще организующей силы для городского населения, так как крестьянство расплывлено и организованной массой неспособно вести борьбу.

Но вот выросла буржуазия, которая не хочет оплачивать расходов двора и чиновников столицы и провинции. Она хочет жить, ей нужны свободы для приложения к делу наживы своего накопленного и накапливаемого капитала.

На место неограниченной монархии приходит ограниченная, конституционная или прикрытая республиканским плащом монархия, но не наследственная, а „благоприобретенная“, с президентом, тем же монархом.

Эта форма правления в наибольшей степени удовлетворяет буржуазии, так как выборная система позволяет ей, с помощью избирательной системы, подкупов избирателей, ораторов, газет и т. п., под вывеской всенародного голосования держать власть в своих руках и издавать выгодные и нужные ей законы, в то же время иметь крепкую монаршую (президентскую) власть, которая будет расправляться с национальными и классовыми врагами в острые моменты борьбы.

Пролетариат создает свою форму правления, при которой вся власть сосредоточивается в руках его и союзных с ним классов населения (диктатура пролетариата и крестьянства), классовые же враги должны подчиняться и не иметь в своих руках оружия.

Определенные государственные формы правления всегда возникают на почве определенных же производственных отношений, хотя и не всегда соответствуют им. Вначале такое соответствие обязательно, но впоследствии производственные отношения убегают вперед, государственный же аппарат развивается медленно и приспосаблиется к развивающимся общественным отношениям крайне туго.

Когда говорят о роли государства часто имеют в виду роль отдельных гениальных и талантливых правителей в лице царей, министров, законодателей и прочих „великих“ личностей.

Так, например, ссылаются на Петра I, который будто бы толкнул Россию на путь торговли и промышленности. Указывают на Наполеона, перекроившего карту всей Европы. За последние же годы многие искренно полагают, что не будь тов. Ленина с т. Троцким, не видать бы нам, как своих ушей, пролетарской революции.

Известный утопист (фантазер) — социалист Фурье, выдумав план социалистической жизни, обращался с ним ко всем крупным управителям и политическим деятелям, надеясь, что им его план понравится, и они перестроят на социалистический лад всю общественную жизнь.

Еще не так давно русские социалисты-революционеры шли на борьбу с отдельными министрами царя, жертвывая своей жизнью в расчете, что убьют хищника министра и легче будет дышать крестьянам, интеллигентам и рабочим.

Все это — чистойшей воды идеализм и утопизм, так как личность хотя и играет не малую роль в жизни общества, но переделать ее (жизнь общества) на свой лад никакой личности, как бы она ни была велика, не удавалось.

Действительно ли Петру I удалось переделать Россию на торгово-промышленный лад? Мы знаем, что он много содействовал развитию и торговли, и промышленности. Нам известно, что именно стремление завязать регулярные торговые сношения с Западом привели Петра к Неве и толкнули его на создание морского флота.

Но почему в нем родились такие стремления? История нам говорит, что после изнурительных войн, которые вел Петр I, особенно резко обнаружилась бедность государственной казны; с другой стороны, Петр, побывав за границей в целях улучшения в России военного дела, „навсегда остался под обаянием ее (Европы) промышленных успехов“, как пишет в „Курсе русской истории“ Ключевский и, наконец, в России уже были зачатки промышленности, торговлей же русские купцы занимались задолго до Петра.

Вот какова была обстановка, в которой проводил свои реформы Петр I.

Пример с Наполеоном тоже подтверждает наш взгляд, что личность, хотя бы и очень великая, не может повернуть общественную жизнь на произвольный путь, что мероприятия этой личности диктуются и самой жизнью или, как говорит наука, объективными условиями.

Наполеон, во главе французской армии, прошел всю Европу, смецал монархов больших и малых, насаждал республики и т. д. Но в Наполеоне ли здесь дело?

Та же история нам показывает, что буржуазная Франция, освободившись от векового гнета французского дворянства с его монархией и чиновничеством, с великим подъемом и верой в свои молодые силы шла против своих врагов и конкурентов (Англия) с целью добиться первенства в Европе. Ее буйная армия, окрыленная широкими открывающимися перед ней перспективами, легко одерживала победы над полуразвалившимися феодальными государствами, получая поддержку от местной буржуазии, рвущейся на простор.

Поверни Наполеон свои способности против молодой революционной буржуазии, и никогда бы ему не войти в историю с именем „Великого“.

То же и с нашим Лениным. Величие этого вождя никто не может отрицать. Но какие лозунги он выкинул? Надуман-

ные ли в своем кабинете или те, которые верно отражали общественные отношения, классовое соотношение?

Нам не зачем заглядывать в книги по истории русской великой революции, так как мы сами были участниками ее и помним, какими лозунгами вдохновлялись рабочий класс и крестьянство в штатских и военных одеждах. Мы помним, как неудержимо тянулся крестьянин к помещичьей земле, как страстно рвались с фронта наши солдаты, проклиная буржуазную войну, как твердо настаивал пролетариат на проведении 8-ми часового рабочего дня и как быстро нарастало стремление убрать „10 министров капиталистов“.

Что же говорил т. Ленин? Какие лозунги он выбрасывал?

„Вместо войны наций мы призываем к войне классов“, — говорил он и тем самым отчетливо формулировал мысли и желания тех демонстрантов, над головами которых развевался плакат: „долой министров-капиталистов!“.

„Вся земля — крестьянам“, — бросал огненные слова т. Ленин, и крестьянство видело в нем своего вождя.

„Захватив власть, мы тотчас же предложим мир всем народам“, — продолжал т. Ленин, и армия ему рукоплескала.

— Думы т. Ленина были думами трудящихся масс.

Ничего не надумал наш великий вождь, все он взял из самой жизни, и, видя соотношение классовых сил, он призывал к революции, к великому, русскому красному Октябрю.

Не будь т. Ленина, русский пролетариат выдвинул бы другого вождя и рано или поздно был бы в России „Октябрь“.

Крупная личность только тогда переходит в историю с прибавкой „Великая“, когда она правильно учитывает ход истории, правильно представляет развитие в будущее, когда она умеет наметить направление, в котором жизнь идет, те способы, которые устраняют препятствия с этого пути, и не только наметить, но и повести свой класс по этому пути.

Личности, пытавшиеся повернуть колесо истории назад, не считаются „Великими“, ибо они делали безнадежное дело, обреченное на погибель, дело отмирающих или беспочвенных классов.

И сколько бы придворные историки ни величали Екатерину Вторую „Великой“, беспристрастная история будет лишь насмешиливо щурить свои глаза, встречаясь с такой кличкой реакционнейшей из реакционеров императрицы.

Как ни велик казался в свои дни Керенский, а в историю он войдет как позер-болтун.

Но Наполеоны и Петры I, Марксы и Плехановы, Кромвель и Ленин останутся великими личностями для будущих поколений.

Чем был велик Маркс? Тем именно, что он не только обратил внимание на появившиеся уже ростки будущего социалистического строя и на те язвы, которые разрушали организм капиталистического строя, но и изучил то и другое, — а

изучивши, прозрел будущее и повел пролетариат к этому будущему: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь—во имя борьбы с эксплуатацией, во имя социализма!“.

Чем велик Плеханов? Тем, что еще на заре нашего рабочего движения он понял и сказал, что революция в России будет только как пролетарская.

Никто бы не изучал ни Маркса, ни Плеханова, если бы они писали „выдуманное“, учили не законам жизни, а чему-то своему, „оригинальному“, или даже просто противожизненному. И мы уже видим, как снова тянется наш молодой читатель к Плеханову, но не к тому, который писал о войне до победного конца над Германией, не к тому, который звал к гражданскому миру, т.-е. к содружеству рабочих с буржуазией, а к тому старому Плеханову, вождю русских рабочих, провидцу рабочего движения, одним словом, к Великому Плеханову. Личность не бывает великой во всех отношениях, она только в той части окружена ореолом величия, которая отражает научно, точно, с великим прозрением общественные отношения, и ведет по тому пути, по которому должно идти общество. Но мы знаем, что личность, если она обладает большим умом, сильной волей и большой активностью (деятельностью), может ускорить движение общества вперед или замедлить его. Мы таким образом, и в отношении личности наблюдаем то же взаимодействие, что и в отношении потребностей или разума (науки, изобретений...): общественные отношения выдвигают личность, они же толкают ее на определенные действия. Но будучи выдвинута ими, она в свою очередь воздействует на общественные отношения, способствуя их развитию или задерживая его.

— Но и здесь, по существу говоря, никакого эклектического взаимодействия нет, так как личность может влиять на общественные отношения только в известных пределах и в определенном направлении, но по существу переделать эти общественные отношения не может.

Наполеон мог пройти победоносно через всю Европу, лишь восприняв лозунги буржуазии; попытайся он вести армию под лозунгами старой феодальной Франции, и он был бы сметен. Попробуй Маркс написать десять „Капиталов“ в защиту капиталистического общества, и напиши бы мы его имя в списке буржуазных экономистов второй половины прошлого века, весьма вероятно в первых рядах, но без ореола славы, хотя это был бы тот же Маркс с громадным черепом и огненным сердцем.

Личность, как мы видим, играет подчиненную роль, и она определяется общественными отношениями и техникой. Наконец, в той же плоскости, что государство и личность, стоит вопрос об определяющей роли законов.

Когда-то русские историки объясняли, что наша деревенская община, мир со сходом, возникли благодаря закону Петра I, который ввел подушную подать под круговую поруку всех сельчан. Вот с тех пор говорят эти историки в России и были заведены общинные порядки.

Веру во всемогущество закона мы наблюдали в течение всей нашей революции. Одни говорили, что с высокими ценами нужно бороться таксой (приказом, законом власти), другие, в поисках действительных мер борьбы с какими-нибудь неправильностями, приходили к выводу: „надо издать распоряжение или декрет“.

Вот такую веру во всемогущество закона мы, марксисты, называем идеализмом и критикуя последний, даем такие примеры: Мы издавали в свое время таксы с целью удешевить продукты, а в результате цены еще сильнее взвинчивались или же продукты исчезали с рынка. Германское правительство несколько десятков лет тому назад пыталось задушить рабочее движение, издав специальный закон против социалистов. И что же? Рабочий класс продолжал строить свою партию, и закон был спустя несколько лет отменен.

Мы проводим твердую тарифную политику, преследуя законом нарушения последней. А в результате? В результате этот твердый тариф был сломлен всякими обходами (премиями, низкой нормой выработки, счетами на извозчиков) еще до издания закона о новых формах оплаты.

Врангель, Колчак, Петлюра и прочие, подобные им, издавали законы целыми ячками, но их никто не соблюдал: ни рабочие с крестьянами, ни даже буржуазия.

А вот наши декреты, над которыми так потешались, прививались в обществе; но и здесь нужно отметить, что целые десятки декретов были изданы, чтоб об них забыли уже на другой день. Наш основной закон (конституция РСФСР) непоколебимым сохранился до наших дней в главном, в существенном, многие же действовали и отмирали.

Мы должны выяснить причины, которые вели одни законы к смерти и забвению, а другие—к проникновению в самую гущу нашего населения.

Возьмем старые примеры. Петр I ввел подушную подать с круговой порукой. Говорят, что он этим самым вызвал к жизни русскую общину. Не наоборот ли?—спрашиваем мы. Именно потому, что община с миром уже существовала, Петр I мог провести подушную подать, используя с этой целью общинный аппарат.

И действительно, история подтверждает это.

Наполеон I заменил старые законы новыми, которые называются „Кодекс Наполеона“. Этот кодекс легко проник в жизнь, о старых же законах быстро забыли.

Сравнивая наполеоновский кодекс со старыми законами, мы видим, что в этом кодексе налицо все те законы, которые необходимы для буржуазии вообще и для торгово-промышленной буржуазии в частности. А если мы вспомним, что Наполеон был вождем революционной буржуазии, которая впервые высвободила из-под самодержавного сапога землевладельца-дворянина свою шею в революцию 1789 г., что она в эту революцию боролась именно против законов „старого режима“, нам будет понятен тот радостный прием, который буржуазия оказала кодексу Наполеона. Если бы Наполеон попробовал издать свой кодекс до революции, во времена властвования помещиков-дворян, этот кодекс был бы сожжен на костре и, скорее всего, вместе с самим Наполеоном.

Каждому овощу свое время, каждому закону — тоже.

Мы издали Советскую конституцию, и она действует по сие время. И это понятно. После октября господствующей частью общества стали пролетариат и крестьянство; в Советской конституции отражены наши общественные отношения, она говорит о власти рабочих и крестьян. Такая конституция не может отмереть или бездействовать в обществе, где сила в руках трудящихся. Но вот, если бы нас одолел Колчак, Врангель или другой какой-нибудь генерал или Антанта, наша конституция моментально перестала бы существовать и даже обелиск с Советской конституцией, что стоит в Москве на Советской площади, был бы уничтожен и сравнен с мостовой.

Победы Колчаков являются, ведь ничем иным, как изменением общественных, классовых отношений, а каждому соотношению классов соответствует определенная (по существу, а не в деталях) конституция.

Дальше.

Мы заменили продразверстку продналогом.

Могли ли мы этого не делать и продолжать взыскивать излишки по продразверстке?

Нет, конечно. Не могли. Во-первых, при продразверстке сельский хозяин теряет интерес к своему хозяйству, сокращает посевную площадь, заменяет трудоемкие культуры более легкими. Общество от этого беднеет. Если бы мы вздумали держаться за продразверстку еще года два, Россия превратилась бы в совершенно бесхлебную, бесхозяйственную страну, нас бы сломали первые же атаки какого-нибудь белого или антантовского генерала, и наш закон о продразверстке был бы отменен. Во-вторых, если бы и не было генерала, крестьяне и рабочие не стали бы спокойно смотреть, как из-за бесконечного действия закона, который пришла пора отменить, погибает российское хозяйство.

Тогда закон о продразверстке был бы отменен на ближайшем же Съезде Советов. Не закон управляет обществом, а об-

щество в процессе классовой борьбы — законами, и если последние не отражают интересов сильных, господствующих классов, таким законам не суждено жить, если они все же живут, то только на бумаге, давно забытые.

Вот, например, нашим промышленным предприятиям было запрещено продавать свои изделия. Однако, многие из заводоуправлений такой продажей занимались, а теперь и вообще продавать свои изделия фабрикам и заводам разрешено.

Природу гони в дверь, она влетит в окно. То же и с общественной жизнью. Мы можем ее задерживать, сгибать в три дуги всякого рода законами, а она все же пойдет своим путем, выпрямится, разорвав эти законы и призвав к жизни другие, удовлетворяющие ей.

Итак, законы живут только те, которые правильно отражают общественные отношения, которые оберегают благополучие господствующих классов. Надуманные же, не соответствующие общественным отношениям законы быстро отмирают.

Однако, законы не только отражают общественную жизнь, но и изменяют ее, но только в известных пределах.

Например, законом о создании В. Ч. К. мы безусловно ускорили разгром внутренней контр-революции. Наоборот, теперь, когда контр-революционные заговоры внутри нашей республики являются редким исключением, когда нам уже не нужны чрезвычайно быстро и жестоко карающие органы, когда, вдобавок, местные органы, которые во всех государствах и при всяких правительствах часто творили беззакония, будут продолжать свои необдуманные или даже злонамеренные поступки под прикрытием грозных революционных букв „В. Ч. К.“, — нам уже надо отменить этот чрезвычайный орган что и сделал СНКом.

Одни законы могут ускорять движение жизни общества, если они правильно учитывают его будущее, и, наоборот, другие законы влияют на общественные отношения, как задерживающая сила. Но велики ли пределы такого влияния законов на общественную жизнь? На этот вопрос мы отвечаем так: законы могут влиять поддерживающе или ослабляюще на различные классы только в пределах интересов определенных уже господствующих классов. В буржуазном обществе, например, могут действовать законы, которые поддерживают господствующий класс, буржуазию, против пролетариата и дворянства, или такие, которые имеют видимость законов, ослабляющих господствующий класс, но в конечном счете все же укрепляющих его. Чтобы пояснить последнюю часть фразы, мы укажем на те буржуазные законы, которые являются как бы уступкой дворянству или рабочему классу. Но эти уступки ведут к укреплению господствующего класса, так как они, сделаны ради союза, например, с дворянством против более

опасного врага—пролетариата. Или, наоборот, как это бывало в первые десятилетия господства буржуазии, когда буржуазия издавала законы в пользу рабочего класса, с целью либо умерить его революционные настроения, либо превратить его в своего временного союзника против более сильного в данный момент врага—дворянства. В этих пределах закон может воздействовать на общественные отношения, количественно (а не качественно) изменяя соотношения классовых сил.

Наоборот, ни в каком буржуазном государстве немислимо существование законов, а следовательно, и их воздействие на общественные отношения, если бы они (эти законы) были направлены против буржуазии за пролетариат или за дворянство. За пределы данных общественных отношений законы распространять своего влияния не могут, им предоставлено определенное поле действия.

8.

Расы — нации.

Когда-то очень большим влиянием пользовалась точка зрения „расового чутья“. Во время последней войны, особенно в Германии, это течение снова всплыло на поверхность общественного океана.

Теоретики этой точки зрения определяли „расовое чувство“, как решающий общественный фактор.

Кельты, германцы, романские народы, славяне и проч. обладают, будто бы, каждый своей „природой“, стремятся к своим политическим формам правления, строят свою экономическую жизнь каждая на свой особый лад.

Немецкий профессор Карл Лампрехт, например, писал на втором месяце мировой войны: „Известно, как иной раз, казалось, обострялись отношения Швейцарии или в не меньшей мере Голландии, Дании, Норвегии, к германскому государству. Сегодня все это забыто. Сказывается кровь“. В другом месте он говорит: „Если представить себе конкретно положение вещей, то настоящая война явится последней борьбой германства и латинского славянства против вторгающегося восточного варварства, и одна прямая линия ведет нас от битв против гуннов и мадьяр и турок к развернувшимся событиям современности“.

Итак, по словам „расовых“ теоретиков, империалистическая война велась не ради завоевания капиталом России, Турции, Балкан, Китая, Афганистана, а ради господства определенной расы, как особенной, самим господом богом одаренной.

Итак, оказывается, война велась не между буржуазными государствами, из которых каждое хотело поживиться за счет

другого, а между германской расой и латинским славянством.

Как связать с этой теорией тот факт, что славяне, болгары, воевали со славянами сербами и русскими в союзе с германцами, а романская Франция, рука об руку педшая против Германии с кельтской Англией, теперь после войны готова своему недавнему союзнику горло перегрызть?

Очевидно, не ладно скроена „расовая“ теория.

„Кельты, одна из самых неспособных рас, какие когда-либо существовали“, германцы же, наоборот, „воистину государственная раса, творчески одаренная“. Так писали немецкие „расовые“ теоретики. А между тем, из войны кельты (Англия) вышли менее потрепанными, нежели „творчески одаренные“ германцы. К тому же мы знаем, что, если в Германии родились и жили такие великие люди, как: Гете, Шиллер, Гейне, Бетховен, Гегель, то и Англия может похвастать не менее крупными именами, как: Мильтон, Шекспир, Адам Смит, Уайт.

Те „ученые“, которые придают расовым или национальным отличиям решающее значение, обычно говорят о врожденных свойствах расы или нации.

Блуменбах, например, пишет:

„Общезвестно, что еврейская народность много столетий как расселилась по всей земле и, несмотря на это, сохранила свой народный тип чистым и к тому же характерным. Этот удивительный факт давно уже занимает естествоиспытателей и физиологов“.

Посмотрим, насколько утверждение Блуменбаха действительно, т.-е. верно ли, что евреи сохранили свой народный тип.

При этом, с самого же начала укажем, что русские евреи не являются типичным примером, так как в течение многих поколений царское правительство держало их на особом положении, не выпускало их (кроме евреев из буржуазии или спекулянтов) за пределы черты оседлости, не позволяло им смешиваться, сливаться с остальной частью общества. А потому русские евреи жили своей замкнутой жизнью, передавая из поколения в поколение свои черты, свои „национальные“ свойства. И пока мы будем говорить только о физическом постоянстве еврейства.

В Нью-Йорке (в Северо-Американских Соедин. Штатах) были измерены носы у 2836 евреев и у 1284 евреек, и что же оказалось. На каждые сто человек евреев приходилось около 58 человек с прямыми или греческими носами, около 28 человек с тупыми, плоскими и широкими носами, а 14 человек — с кривыми носами.

Наши черносотенцы обычно рисуют еврея с кривым, горбатым носом. а вот в Нью-Йорке таких евреев очень мало:

14 из сотни. Да и в России подобные же исследования привели к определенному выводу, что евреев с кривыми носами мало, остальные же имеют и прямые, и тупые, и широкие носы. Где же постоянство физических свойств еврейской „расы“?

Один исследователь Фишберг указывает, что „баварские евреи в процентном отношении дают больший контингент ястребиных носов, чем их единоверцы где-либо в другом месте“.

Каутский же прибавляет, что „широкие носы, обычно, чаще встречаются среди евреев Северной Африки, нежели среди евреев Восточной Европы“ и что „тупой нос наиболее встречается у тех евреев, которые живут среди славянского населения, для которого этот тип носа обычен“.

Перейдем к другому „расовому“ отличию евреев: будто бы они обычно брюнеты.

И в этом отношении было произведено в том же Нью-Йорке специальное обследование 4235 евреев, среди которых 54 процента оказались брюнетами, а 46% — блондинами и шатенами. Другие исследования показали, что „в общем можно сказать, что еврей-блондины встречаются, за очень немногими исключениями, в странах, где местное население в значительной пропорции белокурое. Как доказательство этого — большое число белокурых евреев в Англии (25%) и в Германии (30% детей с белокурыми волосами); с другой стороны, в Италии, где христианское население исключительно брюнеты, менее чем 5% евреев светловолосых, а в Северной Африке процент еще незначительнее“.

Где же, спрашиваем мы, однородность и постоянство в еврейском народе?

Указывают также на особенную форму черепа у евреев. По этому поводу мы приведем такую таблицу (в процентах).

Найдено у евреев:

	На Кавказе.	В Европе.	В Северн. Америке.	В Аравии.
Длинноголовых .	—	10,3	50,7	85,9
Среднеголовых	28,2	65,3	41,6	14,1
Короткоголовых	71,8	24,4	7,7	—

Итак, на Кавказе совершенно не встречаются длинноголовые, а в Аравии, наоборот, совершенно нет короткоголовых. В Европе, где живет среднеголовое население, и евреев среднеголовых приходится 65 человек на 100 чел., в Северной Америке большинство людей с длинными головами, и евреи в большинстве встречаются длинноголовые.

Указывают также на чрезмерную плодovitость еврейско-

го народа. Что же оказывается на самом деле? Имеются подсчеты по Румынии числа рожденных живыми на тысячу:

	Во всем населении.	У евреев.
1871—1875 г.	34	46,5
1881—1885 „	41	46,8
1901—1905 „	39	32,6

О чем говорят цифры этой таблицы? Они указывают нам, что 50 лет тому назад, еврейские женщины рождали больше живых детей, нежели все женщины Румынии, но спустя 10 лет рождаемость живых детей у евреек осталась почти на старом уровне, а у всех женщин страны повысилась. Но прошло еще 20 лет, и еврейки стали рожать меньше, чем все женщины Румынии.

В течение каких-нибудь 30-ти лет, значит, положение вещей резко изменилось.

Имеются подсчеты и по Пруссии (в Германии).

В Пруссии перевес рождений над смертными случаями достиг на каждую тысячу населения:

	У евреев.	У инаковерующих.
1885 г.	10	12
1895 „	7	15
1905 „	3	13
1908 „	3	15

У евреев, следовательно, перевес рождений над смертными случаями все падает, у не-евреев же, наоборот, повышается.

Говорить о плодовитости евреек теперь уже не приходится. В Берлине каждая тысяча способных к родам евреек рожала:

в 1880 г.	112 детей.
„ 1895 „	75 „
„ 1900 „	67 „
„ 1905 „	64 „
„ 1910 „	54 „

Итак, рождаемость за тридцать лет сократилась больше чем в два раза. Немецкий ученый Феликс Тейльхабер по этому поводу пишет, что „одна треть берлинских евреев сама собой вымирает. Если такое развитие сохранится, берлинские евреи угрожают вымереть уже через 2—3 поколения, т.е. 80—120 лет“.

Ссылаются еще на одну черту евреев, — на их акцент. Однако, при чем здесь постоянные расовые свойства?

Русский крестьянин, постоянно живущий в местности, где говорят на „о“, попадая в другую местность, долго еще продолжает „ока́ть“, хотя все вокруг него „акают“.

Евреи тех государств, где их гонят, преследуют, не пускают в „христианские“ или „магометанские“ дома, живут волей-неволей вместе, в одних кварталах города, в черте оседлости. Сами они говорят на своем еврейском жаргоне и от других слышат ту же речь, тот же акцент. Ну, конечно, от этого акцента отделаться не так легко.

Но вот в тех странах, где евреи пользуются правами гражданства, они постепенно усваивают то произношение, которое звучит среди преобладающей части населения.

Мы и теперь встречаем многих евреев без акцента и не знающих еврейского языка.

Итак, мы видим, что евреи не обладают постоянными физическими „расовыми“ свойствами, что их организм изменяется в соответствии с определенными условиями физической среды. Длинноголовые евреи с черными волосами и черными глазами, попадая в Англию и прожив там в течение нескольких поколений (а не сразу, конечно!), превращаются в англичано-подобных светлорусов с светлыми глазами, средними черепами. Происходит это отчасти под влиянием физической среды, т. е. географических, атмосферических и т. п. условий. Отчасти же и потому, что чужестранцы (в данном случае евреи) невольно усваивают манеры, привычки, образы преобладающей части населения. Наконец, и потому, что евреи женятся на не-еврейках и обратно, а в результате смешения крови изменяются, как евреи, так и живущие с ними не евреи, берущие себе в жены евреек.

Тип русского, например, человека, очень сильно изменился за последние несколько сотен лет. Когда-то русского человека изображали очень темным шатеном с карими глазами и большим прямым носом, а теперь, наоборот, его признаками является русость (светлый шатен и даже блондин) светлые (изредка карие) глаза и отнюдь небольшой нос. За эти несколько поколений русские люди вошли в тесное общение с мордвой, черемисами, чужью, татарами и т. п. и с одной стороны, сами изменились в сторону последних, с другой же, тех изменили в свою сторону.

Итак, теория постоянства расы не выдерживает никакой критики, по крайней мере в отношении физических признаков расы.

Теперь мы остановимся на главном, на том „расовом чутье“, о котором мы упоминали в начале этой главы, о тех, следовательно, духовных свойствах различных рас и наций, которыми будто бы определяется быт каждой из этих рас и наций. Возьмем примеры из жизни. Мы знаем тех же евреев из буржуазии (банкиры, фабриканты, купцы), из ремесленни-

ков и даже из фабрично-заводских рабочих (рабочих евреев в России вообще мало, все больше ремесленники).

Может ли кто-нибудь утверждать, что духовные качества всех их одинаковы. Нет, конечно! Еврей-банкир или фабрикант, это—хищник из класса крупной буржуазии, это—заклятый враг трудящегося населения, эксплуатирующий рабочих на фабриках, спаивающий крестьян и грабящий их ростовщическими сделками и ссучками по низким ценам сельско-хозяйственных продуктов, заставляющий за бесценок работать на себя ремесленника в течение 14—16 часов в сутки. Его духовные качества—типичные настроения, мысли, политические взгляды хищнического крупно-буржуазного класса. Еврей-ремесленник, это мелкий собственник, всю жизнь мечтающий обзавестись хорошей мастерской, а может быть, и фабрикой. Его эксплуатирует крупный капиталист, и, когда приходится очень туго, ремесленник готов отчаянно бороться с крупной буржуазией; наоборот, когда дела его начинают улучшаться, он обзаводится лишними подмастерьями и выгоняет из них столько поту, сколько только в силах, стремясь путем эксплуатации „выйти в люди“, т.-е. стать крупным буржуа.

Духовные качества еврея-ремесленника беспрестанно меняются: то он кричит против эксплуатации, говорит о братстве и равенстве, то, наоборот, защищает эксплуатацию, насмехается над лозунгами братства и равенства, кивая на природу, которая, мол, никакого равенства не знает, и самим богом установлено, чтобы сильный жил за счет слабого, как и ястреб за счет голубя.

Еврея-ремесленника можно встретить сегодня в рядах коммунистов, а завтра—в рядах меньшевиков или даже кадетов.

Ремесленник принадлежит к классу мелкой буржуазии, и духовные его качества те же, что и у типичного мелкого собственника: ни туда, ни сюда; и туда, и сюда: флюгер! Обратное представляет собою рабочий еврей, тот, конечно, который уже сросся с пролетарской семьей, а не какой-нибудь случайно или только что заброшенный на фабрику бывший ремесленник. У него духовные качества прямо противоположны качествам ремесленника и особенно крупного буржуа. Политические его взгляды: „Долой власть буржуазии!“ Экономические взгляды: „Долой эксплуатацию!“

А ведь все они—евреи. Где же постоянство „расовых духовных качеств“?

Нам скажут, что все евреи обладают большой способностью к жизни, выходить из трудных положений, „устраиваться“.

Предположим, что это так. Но при чем здесь „расовые“ свойства? Разве горожанин не легче приспосабливается к жизни, чем крестьянин? Разве громадный город не представляет боль-

ших возможностей „устраиваться“, чем деревня? Конечно, да. И поскольку мы это признали, то не оттого ли евреи лучше приспособляются, чем не-евреи, что они жили и живут именно в городах, что в России, например, царское правительство евреев в деревню не пускало, не разрешая им приобретать землю и, значит, заниматься сельским хозяйством?

Безусловно прав Каутский, который в книге „Еврейство и раса“ (из нее мы и взяли вышеприведенные примеры и советуем читателю ее прочесть) пишет:

„Нужно просто наблюдать, как действует теперь городская обстановка на людей, как под ее влиянием изменяется селянин, и затем принять во внимание, что евреи—единственный народ на земле, составляющий ровно два тысячелетия чисто городское население, и тогда объяснение еврейской особенности явится само собою. Она есть особенность городов, доведенная до крайности“.

И духовные качества, как мы видим, являются не вечным свойством расы или нации, а приобретаются в зависимости от тех или иных условий общественной жизни.

Если бы расы действительно обладали чем-то постоянным и определенным и если бы от этих расовых особенностей зависела общественная жизнь, то как могло бы развиваться общество?

Неизменный фактор (двигатель) не может действовать в сторону изменения жизни. Мы же видим, что все нации переходят от одной техники к другой, от одних общественных отношений к другим. Мы, русские, от домашнего замкнутого хозяйства перешли к ремеслу и торговле, а в последние до революции годы Россия была определено капиталистическим государством. Какая же экономика больше соответствует славянской (русской) расе (нации)? Натуральная, торговая или капиталистическая? В духовном отношении мы, русские славяне,— трудящиеся,—тоже пережили время поклонения „царю-батюшке“, затем отдали дань Керенщине, а теперь горой стоим за коммунизм (большевизм). Как же это так: раса-то одна и та же, а в духовном нашем мире одно состояние сменяется другим?

А в религии? Наши предки были „язычниками“ поклонялись Перуну, Яриле, Волосу, а затем, после насильственного их крещения в православную веру, они сумели связать православие с язычеством, сейчас молясь божией матери, а через час—дедушке домовому. Теперь же русские славяне являются преимущественно православными, но и „ереси“ играют не малую роль; в будущем же все мы — русские славяне — несомненно перестанем поклоняться и богу, и чорту. Как же это связать с постоянством славянской расы?

Затем, во всех европейских странах, заселенных романскими (Италия, Румыния), кельтскими (Англия), германскими, славянскими и т. д. народами, одинаково развивался капитализм, одинаково там боролись пролетариат с буржуазией, во всех европейских государствах происходили буржуазные революции, все европейские расы (в лице отечественных буржуазных классов) одинаково охотились за африканскими черкожими, американскими краснокожими, азиатскими желтокожими, одинаково грабили колонии, одинаково воевали за господство на суше и море.

Когда же появлялась надобность в союзнике, не говорили и не думали о расах, а вступали сегодня в союз с теми, с которыми вчера дрались и завтра, возможно, придется драться.

Как же можно после этого говорить о каких-то „расовых чувствах“, определяющих характер общественной жизни?

Не ясно ли, что раса является чем-то производным, определяемым физической средой, отношениями людей к природе (техника) и людей к людям (экономика)?

Послушаем по этому вопросу Каутского („Еврейство и раса“):

„О человеке в диком (природном) состоянии мы ничего не знаем. Даже примитивнейшие люди, известные нам, владеют уже некоторой техникой. Мы не знаем, населял ли человек в природном состоянии только одну определенную местность однородного характера или многие разнородные; не знаем, образовывал ли он тогда одну или несколько географических рас. Во всяком случае, в то время его расовый характер зависел всецело от природы. Технический и экономический прогресс порождают затем две различные тенденции. Усилившееся стремление и возможность к переселению ведут к тому, что иная раса расселяется мало-по-малу по различным областям. Другая природа новых жизненных условий действует в направлении дополнения старого расового характера новым, измененным наряду с старой расой или создания ряда новых, если вся раса выселяется. Изменение расового характера происходит частью непосредственно путем влияния природных факторов: жары, холода, сухости, влажности, света, темноты и т. д., а частью, косвенно, путем борьбы с этими факторами, упражнением одних органов, неупражнением других. В зависимости от высоты уровня техники и общественных условий эта борьба может принимать различные формы, и потому одна и та же область при различных способах производства может воспитать различные расовые характеры. Если, например, степь будет населена кочующими номадами, то у них разовьется там другой характер, чем в позднейшем насе-

лении, стоящем довольно высоко в техническом отношении. для того, чтобы помощью оросительных сооружений обратил степь в плодородную земледельческую страну и обрабатывать ее в качестве оседлых крестьян.

Благодаря техническому прогрессу и переселению увеличились расовые различия и образовались новые географические расы. Но, с другой стороны, достигая известной высоты, техника может задерживать образование таких рас. Чем более развивается техника, тем независимее становится раса от окружающей природы. Она может удержать свои особенности в различнейших местностях, по характеру не имеющих ничего общего с той областью, где раса образовалась. Мы встречаем, например, европейцев, китайцев, негров в различнейших частях света и климатах. Правда, со временем, при всей высоте техники раса не может вполне избежать влияния окружающего, разве еще влияния органической среды животной и растительной, легче всего изменяющейся от человеческого вмешательства. Но влияние геологических факторов, поднятие морей и образование суши, количество солнечных дней, жара и холод не могут быть никогда исключены. Однако, и сказанное тут относится только к собственно физическим расовым чертам. Даже временное переселение расы, ни в каком случае не изменяющее ее общего вида, если оно захватывает новую местность с новыми отношениями и вызывает новые впечатления, создает новые проблемы, может не остаться без влияния на духовную жизнь, а тем самым и на органы, свойства которых зависят в значительной мере от степени и характера их упражнения. Чем ревностнее работает раса над тем, чтобы парализовать влияние новой среды, чем более она сохраняет таким путем свои телесные расовые черты, тем значительнее, по новому, должны напрягаться и изменяться ее органы духовной жизни. Те же самые физические черты могут совмещаться с самыми различными духовными способностями и склонностями.

Возможность для расы переступать географические рамки, данные ей от природы, благодаря чему человеческие расы перестают быть географическими расами подобно разновидностям зверей в природном состоянии, ведет все более и более к тому, что в одной и той же местности встречаются, дружелюбно или враждебно, и вместе живут многие расы.

Отсюда проистекает новая возможность, существующая в природном состоянии только как исключение, возможность расового смешения; при известных обстоятельствах оно может повести к образованию новых рас, но

чаще уничтожает лишь старые и ставит на их место конгломерат различнейших элементов смешения. Такой процесс смешения рас тянется уже десятки тысячелетий, а может быть и сотни“.

По мере того, как человек овладевает природой, влияние природных условий становится все менее значительным. Вместе с развитием техники усложняется и производственная жизнь общества, последнее выделяет группы—профессии, занятые каждая своей работой, причем у каждой из них образуются особые и физические, и духовные качества. То же и у различных классов.

Ученый Ратцель говорит:

„В иных случаях, когда говорят „расы“, было бы лучше сказать „класс“. Разница оттенков в краске кожи чаще всего сопутствует, как вполне понятно, разнице в сословии. Посмотрите на градацию красок, существующую на одном и том же острове среди высших и низших классов. Первые еще Куком и Форстером отмечены, как более светлые, кроме того, благороднее и крупнее в фигуре. Форстер в своей восторженности думает, что эти дворяне настолько отличаются от простолюдины, что кажутся почти людьми другой породы. Совпадение более светлой кожи и более мягких черт лица с удобным бездеятельным родом жизни особенно подчеркивается им. Но не менее оказывается что-то утонченное... и в характере и развитии. Дворяне были начальниками и жрецами, волей и интеллигентней Полинезии, монополистами (единственными владельцами. Вл. С.) знания и на него опирающегося мышления“.

Итак, не раса, не нация обуславливают технику, хозяйственный быт и вообще общественные отношения, а, наоборот, эти последние вместе с географической средой создают расу, изменяют ее, превращают одну расу в другую.

Расовые свойства могут развиваться, если люди этой расы занимаются трудом, способствовавшим образованию ее.

Наоборот, если люди данной расы, прежде занимавшиеся, предположим, скотоводством, теперь стали ремесленниками, старые расовые свойства у них будут исчезать, а новые—появляться.

Когда мы читаем Библию, мы видим, что евреи на протяжении многих веков, описываемых книгами Ветхого Завета, вовсе не обладали определенными физическими и духовными качествами. Когда-то они были физически сильными людьми, до того сильными, что Наков мог побороть, по рассказам древних евреев, даже бога. Духовные их качества сводились к заповедям в духе: „Око за око, зуб за зуб“, заповеди во-

ниственного народа. У них считалось нормальным купить первородство у родного брата за чечевичную похлебку.

Со временем евреи становятся оседлым торговым и ремесленным народом, воинственность (оседлому торговцу не до войны) отпадает, физические и духовные качества изменяются.

Но вот уже две тысячи лет, как евреи, хотя и изменяются, но гораздо медленнее, чем другие народы, и объясняется это тем, что они как 2,000 лет тому назад, так и теперь, живут в городах, работают по городскому, укрепляя свои физические и духовные качества, приобретенные в пору расцвета городской жизни в еврейской стране.

С другой стороны, сам город меняется и укрепляет классовые свойства, уравнивая еврея-рабочего с немцем, русским, татаринном рабочими, еврея ростовщика с ростовщиками другой национальности.

Так борются укрепляющие и разлагающие расу начала.

Поэтому-то евреи, хотя и утратили во многом свои былые расовые свойства, все же отличаются от не-еврея, так как они развили в себе городские качества в большей мере, живя в городах около 2.000 лет, чем хотя бы русские, которые и теперь носят в себе много от земли, так как подавляющее большинство русских—землепашцы, а русские рабочие либо связаны с деревней хозяйством своей семьи, живущей в деревне, либо сами недавно только перестали быть крестьянами.

Теперь нам остается выяснить лишь два вопроса:

1) Влияют ли расовые отличия на технику и общественные отношения и 2) останутся ли нации и расы в будущем коммунистическом человечестве.

На первый вопрос мы ответим так же, как отвечали и по поводу влияния разума, „изобретений“, потребностей.

При одинаковой технике и при равных общественных отношениях одна нация может пойти вперед быстрее, чем другая, или медленнее; в одной нации классовая борьба может носить более упорный и ожесточенный характер, чем в другой.

Суровый климат Англии создал из англичан упорных, настойчивых, твердых людей.

Жаркий климат Испании, наоборот, развил в испанцах свойства легковоспламеняемости, горячности в действиях, непостоянство характера.

Если бы представить себе и Испанию и Англию в одинаковых технических и общественных условиях высокоразвитого капиталистического строя, то мы могли бы без ошибки сказать, что в Англии пролетарская революция была бы борьбой классов буржуазии и пролетариата, из которых каж-

дый методически бы использовал все имеющиеся в его руках средства, стремясь к победе упорно, настойчиво, без лишних действий. Наоборот, в Испании можно ждать самых неожиданных приемов в борьбе, смены побед и поражений, переходов от одной формы борьбы к другой. Здесь скажутся национальные различия.

Но как бы велики они ни были, обе пролетарских революции по существу будут одинаковыми: и английский, и испанский рабочие классы будут стремиться к диктатуре пролетариата, и английская, и испанская буржуазия будут заключать союзы против пролетариата и с чортом, и с его бабушкой.

Влияние национальных качеств не может распространиться за пределы, положенные техникой и экономикой. Германцы развили свою металлургию и далеко опередили Россию со Швецией, когда-то выплавлявших чугуна больше, чем вся Европа. В известной мере сказались национальные свойства: большая выдержка в характере, чем у русских, и большая его гибкость, чем у шведов.

Но проявить эти свойства в отношении металлургии германцам не удалось ни 1,000 лет тому назад, ни 200 лет, так как техника еще не была развита в такой мере, чтобы можно было обрабатывать германскую, плохого качества руду. Германия стала к моменту войны могущественной и экономически и политически державой, а до середины прошлого века она стояла позади и Англии, и Франции, и даже Австрии.

Только техника, способствовавшая соединить германский уголь с германской рудой, выдвинула Германию на первое место.

В пределах данного—выразимся философски—качества техники и общественных отношений, национальные свойства могут оказывать количественное влияние, но вывести общество за пределы этого качества, превратить его в новое по существу они не в силах.

Что же касается вопроса о существовании рас и наций в будущем обществе, когда классы отомрут, когда люди перестанут всю жизнь заниматься одним и тем же, т.-е. не станет узких профессий, то ответ на него вытекает из всего сказанного:

Люди будут жить в разных климатах, в разных физических условиях, а потому и различия у них, безусловно, будут. Но эти различия не могут быть велики, так как ни техника, ни общественные отношения не будут способствовать различиям, наоборот, повсюду уравнивающе.

Географическая среда.

Особенным успехом пользовалась в свое время теория, видящая в географической среде главный, первоисточный фактор развития общества в том или ином направлении. В подтверждение своей правоты сторонники „географической“ теории обычно ссылаются на различия в хозяйственном быту, в нравах, в религиозных воззрениях у народов, живущих в различных географических условиях.

Народы, говорят они, живущие в жарком климате, не развили той культуры, которую мы находим в обществах умеренного климата. Географическая обстановка у первых такова, что им не надо в поте лица своего обрабатывать землю, если последняя и сама снабжает человека продуктами питания растительного мира.

При отсутствии холодов им не требуются теплые постройки, они могут обходиться самой несложной одеждой; в этих странах не развита фабрично-заводская промышленность, характер населения неустойчивый, с переходами от одной крайности к другой.

Наоборот, у северян, которым приходится каждый кусок хлеба отвоевывать у природы, в суровом климате вести борьбу за существование, напряженно делать и совершенствовать орудия производства, у северян вырабатывается твердый характер, свойства неуклюбо идти к намеченной цели и т. д. В умеренном климате, где тоже требуется постоянно трудиться и создавать прибавочный продукт (на завтрашний день), но где природа легче поддается усилиям общества, вырастает сложная техника, развивается культура, вырабатывается в народе особый характер, отличающийся от характера жителей жарких стран и сурового севера.

Так говорят теоретики „географической“ точки зрения.

Дальше они указывают, что географическая среда африканской пустыни Сахары или азиатской Гоби создала из местных жителей кочевников, занимающихся охотой и торговлей. тогда как благодатный климат Греции, создал скотоводов, земледельцев греков. Та же Греция, окруженная морем, при наличии хороших бухт, превратилась в торговое мировое государство, тогда как Китай, забаррикадированный с одной стороны высокими горами, с другой — степью, с третьей — океаном, до сих пор остается как бы замкнутым государством.

Рассматривая Россию, как хозяйство, они указывают, что Астраханская губерния является поставщицей на всю Россию рыбы и соли, так как она расположена в низовьях Волги, а в киргизских степях имеется большое количество соляных

озер, из которых такие, как Баскунчакское или Эльтонское — одни из самых больших в мире.

Наоборот, Туркестан поставляет хлопок, а Крым — вино, так как здесь географические условия способствуют именно хлопководству и виноградарству.

Калмыки занимаются скотоводством, ибо они живут в степях с теплым климатом, при короткой зиме.

Скотоводство развито также и в горных местностях теплых стран, так как в холодные месяцы скот можно пастись в долинах, а в жаркие — на горах с сочной растительностью. И так далее.

Обычно указывают также и на различия в песне, музыке и т. п., которые поражаются разной географической обстановкой. Итальянцы создали веселые, легкие, жизнерадостные мелодии, германцы — ровную, сосредоточенную песню, норвежцы — угрюмую, сильную. Русские севера, как и финны, поют заунывно и протяжно, русские наших южных степей — залихватски, широко, просторно.

С внешней стороны, как-будто бы трудно что-нибудь возразить на эти доводы: примеры слишком убедительны и неопровержимы. Однако, вдумываясь в эти примеры, мы тотчас же находим ту основную ошибку, которая таится в учении о географическом факторе, как движущей силе.

Первым делом мы укажем на тот несомненный факт, что географическая среда сама по себе неизменна, если измерять изменения жизнью многих человеческих поколений.

Мы знаем, что вообще географическая среда, как и все в мире, изменяется, что весь волжский бассейн, включая и московскую губернию, был когда-то дном морским, теперь оно поднялось, и мы москвичи, живем на Валдайской возвышенности, а волжане среднего плесса — на Жигулевских возвышенностях.

Но эти изменения в отношении периода жизни человеческого общества в его разных хозяйственных, политических и др. формах крайне ничтожны, и мы можем географическую среду смело назвать неизменной.

Но как спрашивается, одна и та же среда сама по себе могла бы вызвать к жизни Англию ремесленную, затем Англию мануфактурную, дальше — Англию капиталистическую, машинную и, наконец, будущую коммунистическую?

Как могла, спросим мы, различная географическая среда Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии и Японии вызвать к жизни один и тот же уклад производственной жизни: все эти страны в данный момент являются капиталистическими странами.

Вот Индия, Египет, Китай, Южная Африка до последнего времени находились в периоде натурального (земледельчески-

ремесленного) хозяйства, а теперь и там растут фабрики и заводы, развивается рабочее движение.

Весь капиталистический мир переживает время классовой борьбы пролетариата с буржуазией, общественные отношения в нем в основном, в основном, одни и те же в различных его частях; а между тем в Англии дожди, в Италии жаркое солнце, в Англии туманы, в Италии прозрачный воздух, синее небо, синее море. В Германии—сосны и ели, в Японии—бамбуковые деревья. Япония—вся среди моря. Германия тремя сторонами соприкасается с сушей.

Та же Волга у нас в России, что и сто лет тому назад была, а ведь на место барок, которые тащили бурлаки, пришли пароходы с теплоходами, рядом с парусной лодкой бежит моторная. Жили тогда на Волге—реке помещики и поролы крестьян, а теперь Волга—матушка смотрит и не надвигается новым, никогда невиданным и не снившимся порядком. А ведь той же осталась Волга—река, даже обмелела, как-будто не хочет носить на своей спине трехэтажные теплоходы, выстроенные на Коломенском заводе, появившемся, лишь недавно на почве Рязанской губернии, никогда не знавшей никаких ни двигателей, ни станков, ни дыма фабричного.

В чем же дело?

Как-будто и мы, марксисты, правы, и те какую-то правду говорят.

Теперь мы и перейдем к существу вопроса воспользовавшись прекрасными страничками из книги Плеханова „Основные вопросы марксизма“.

Плеханов пишет:

„Свойства географической среды определяют собою характер как тех предметов природы, которые служат человеку для удовлетворения его потребностей так и тех, которые производятся им самим с той же целью. Там, где не было металлов, туземные племена не могли собственными силами выйти за пределы того, что мы называем каменным веком. Точно так же и для перехода первобытных рыболовов и охотников к скотоводству и земледелию нужны были соответствующие свойства географической среды, т. е. в данном случае — соответствующая флора (растительный мир—Вл. С.) и фауна (животный мир—Вл. С.). Л. Г. Морган замечает, что отсутствие способных к приручению животных в западном полушарии и специфические различия во флоре обоих полушарий причинили большие различия в ходе общественного развития обитателей. Вайц говорит о краснокожих Северной Америки: „У них совсем нет домашних животных. Это очень важно потому что в этом обстоятельстве заключается главная причина, вынуждающая их оставаться

ся на нисшей ступени развития. Швейнфурт сообщает, что, когда в Африке данная местность оказывается перенаселенной, то часть ее жителей выселяется, причем она иногда меняет свой образ жизни в зависимости от географической среды: „Племена занимавшиеся до тех пор земледелием, становятся охотничьими, а племена жившие от своих стад, переходят к земледелию“.

По его же словам, жители богатой железом местности, охватывающей и значительную часть Центральной Африки, „естественно стали заниматься добыванием железа“.

Но это еще не все. Уже на самых нисших ступенях развития человеческие племена вступают во взаимные сношения, обмениваясь друг с другом некоторыми из своих произведений. Этим раздвигаются пределы географической среды, влияющей на развитие производительных сил каждого из этих племен, и ускоряется ход этого развития. Но понятно, что большая или меньшая легкость возникновения и поддержания подобных сношений также зависит от свойств географической среды; еще Гегель говорит, что моря и реки сближают людей, между тем, как горы их разделяют. Впрочем, моря сближают людей только на сравнительно более высоких стадиях развития производительных сил; на более же низких — море, по справедливому замечанию Ратцеля, очень сильно затрудняет сношение между разделенными им племенами. Но как бы там ни было, а несомненно, что чем разнообразнее свойства географической среды, тем благоприятнее она для развития производительных сил.

„Не абсолютное плодородие почвы, — говорит Маркс, — а ее дифференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства.“

Итак, свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил...

Географическая среда имеет большое значение не только на первобытные племена, но также и на так-называемые культурные народы. „Необходимость установить общественный контроль над известной силой природы для ее эксплуатации в больших размерах, для ее подчинения человеку посредством организованных человеческих усилий, — говорит Маркс, — играет самую репительную роль в истории промышленности. Таково было значение регулирования воды в Египте, в Ломбардии, в Голландии или в Персии и в Индии, где

орошение посредством искусственных каналов приносит земле не только необходимую воду, но в то же время и ил, минеральное удобрение с гор. Тайна промышленного процветания Испании и Сицилии при арабах заключается в канализации“.

Учение о влиянии географической среды на историческое развитие человечества часто сводилось к признанию непосредственного влияния „климата“ на общественного человека: предполагалось, что одна „раса“ становилась под влиянием „климата“ свободолюбивой, другая—склонной терпеливо подчиняться власти более или менее деспотического монарха, третья—суеверной и потому зависимой от духовенства и т. п. Такой взгляд преобладает, например, у Божия. По Марксу, географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой расы“.

Мы рядом примеров постараемся показать, что нужно понимать под подчеркнутыми нами словами.

Возьмем Донецкий бассейн. Географическая среда Донбасса теперь та же, что и несколько сотен лет тому назад, но если теперь он является самым заселенным районом юга России, то прежде, наоборот, его обходили, как местность с плохой (солончатой) для питья водой, малопригодной для земледелия почвой и т. д. В недрах и, местами, на поверхности земли и тогда и теперь имелись в Донбассе колоссальные количества угля и железной руды. Прежде Донбасс не представлял собою чего-нибудь выдающегося, а теперь он стал одним из крупнейших центров русской и мировой промышленности. Отсюда следует, что географическая среда непосредственно не влияет на общественную жизнь, что она оказывает влияние на изменение общества, только посредством чего-то другого. Чтобы Донбасс превратился в каменноугольный и металлургический район, необходимо было, очевидно, наличие известного общественного состояния. Машины, без которых почти невозможны добыча угля и выплавка, прокатка металла, должны были находиться в руках капиталистов-собственников; в шахтах и на заводах должны были работать пролетарии, т.-е. те люди, которые не имеют в собственности ни машин, ни заводов, ни других орудий и средств производства, и потому вынужденные продавать свою рабочую силу; между заводчиком и рабочими должны стоять всякого рода коммерческие, технические, административные лица—инженеры, управляющие, мастера и т. п.

Вне таких производственных отношений немисливо превращение Донбасса в промышленный район в классовом обществе. Мы и видим, что сначала такие производственные

отношения создались в мануфактурном периоде, когда мелкие ремесленные мастерские стали превращаться в крупные, похожие на наши фабрики, и эти отношения были перенесены в те области, которые по своим географическим свойствам представляли большой простор для уже появившихся производственных отношений.

В свою очередь, эти последние могли получить широкое распространение лишь при наличии крупных, накопленных торговой буржуазией капиталов и развившейся техники. Именно потому, что общество, пользуясь отдельными, весьма усовершенствованными, детальными инструментами ремесленного периода, создало машину, как комбинацию из отдельных инструментов, можно было крупную ремесленную мастерскую, (мануфактурное заведение) превратить в фабрику, поставивши в помещение машину и приставив к ней рабочих.

Без машин, без пролетариата, не имеющего никаких источников поддерживать свое существование, кроме продажи своей рабочей силы,—ни угледобытие в широком размере, ни выплавка чугуна в количестве многих сотен миллионов пудов не могли бы развернуться в Донецком бассейне.

Одна и та же географическая среда, следовательно, по разному действует на общество в зависимости от тех или иных производственных отношений и тех или иных производительных сил, которыми овладел человек.

Наши лесистые местности когда-то служили местом охоты за четвероногими животными и птицами, в них искали ягоды, собирали грибы и в очень ничтожном количестве валили лес для стройки хат и на топливо. Но вот прошли столетия, появились в руках человека стальная пила, приводимая в движение электрической силой, сложные машины, употребляемые теперь на лесопильных и деревообрабатывающих заводах, химия сделала громадные успехи в деле деревообработки, выросли буржуазия с рабочим классом. И во что превратились те же лесистые местности? Там беспрерывно стучит топор, лошади вывозят лес к станциям железных дорог, к сплавным рекам, на самые заводы. Валиют осину: она нужна спичечным фабрикам; валиют строевой лес: он необходим для судостроительства, для постройки домов и фабрик, мостов и дебаркадеров; из древесины изготовляют бумагу; из дерева мы достаем смолу, деготь, скипидар и много других продуктов. И все это—в таком громадном количестве, что некоторые лесные районы представляют собою уже не те мирные, захолустные места, куда изредка ступала нога охотника или крестьянина, приезжавшего в лес за дровами, а фабрично-заводские центры, с дымящимися трубами, с шумящими машинами, с эксплуататорами-капиталистами и эксплуатируемыми рабочими, с забастовками, победами и поражениями. Географическая сре-

да способствовала этому, она оказалась подходящей для применения новых технических средств, на почве которых выросло капиталистическое общество.

Та же географическая среда с тем же обилием леса раньше, когда техника была далеко не такой сложной и совершенной, когда и производственные отношения поэтому были соответственно иными,—та же географическая среда способствовала охоте, некоторым лесным промыслам, развитию которых содействовали тогдашние слабо развитые производительные силы и простые, несложные общественные отношения.

Возьмем еще такой пример. В Астраханской губернии много соляных озер. Теперь Баскунчакское и Эльтонское озера связаны железной дорогой через Саратов и Астрахань со всей Россией, а через Владимировскую пристань с главной нашей водной артерией—Волгой. На берегу Волги построено много мельниц, перемалывающих соль в разные сорта, на Баскунчаке стоит химическая лаборатория, в озере с утра до вечера работают киргизы-рабочие, а корабли пустины—верблюды перевозят соль к вагонам.

А еще не так давно в этих соляных озерах лечились больные киргизы, на практике испытавшие целебные свойства рапы,—и только, верблюды и близко не подходили к „мертвым“ озерам. Подальше от них держалось степное население: вода соленая, растительность чахлая. Изредка завернут к озерам, наберут на несколько месяцев соли для личного потребления и уезжают прочь.

Машина теперь применяется в любой области, и если сама географическая среда „солена“, то и машина делает „соленое“ дело.

В прежние времена производительные силы были ничтожны, человек все делал голыми, слабо вооруженными руками, общество состояло из отдельных, друг от друга слабо зависимых семей, общественного разделения труда почти не существовало, не было и постоянного обмена. При таких условиях соляные озера не могли явиться пунктами, к которым прокладывают железнодорожные пути, отправляют туда специальные самопрокидывающиеся вагонетки и т. д. Следовательно, географическая среда влияет на общество по разному, каждый раз в зависимости от наличия тех или иных производительных сил, той или иной организационной формы общества.

Жившие когда-то по берегам Волги наши предки мирно и спокойно занимались земледелием и рыбку ловили. Но изменилась техника, стали иными и общественные отношения. И мы видим, как расслоилось население по волжским плесам. На юге—рыболовство, севернее—соледобывание, еще

выше—работают маслобойные заводы (Саратов), еще выше (Самара)—пшеницу перемалывают, а там, на севере Волги, лес рубят, распиливают, грузят, сплавляют. Нет ни мира, ни покоя. Все кипит, шумит, беспокойно суетится. Новая техника с новыми общественными отношениями вызвали к жизни в когда-то однородной (внешне) географической среде ее области, которые здесь или там обещали широкое применение новым обществом новой техники. Прежде рыбы для местного населения было достаточно и в Астрахани, и в Самаре, и в Твери. Теперь же, когда новая техника (пароходы, моторы, невода, сети, снасти, оборудованные промысла и т. п.) могла превратить примитивное рыболовство в массовое, на всю Россию, эти технические средства применяются там, где рыбы хватит для массового вылавливания, то-есть там, где подходящая географическая среда. Поэтому-то именно Астраханский край, а не Тверской и не Самарский, является поставщиком рыбы в массовых количествах.

Если мы, следовательно, возьмем капиталистическое общество, вызванное к жизни сложной, могучей техникой, то на нем мы хорошо проследим, как влияет географическая среда: в Петрограде много металлических заводов, так как через Балтийское море (географический момент) приходит хороший и дешевый уголь, а для постройки и ремонта морских и речных судов требуется много металлических изделий; в Вологодском крае изготавливается много коровьего масла, так как там хороши пастбища (географический момент) для удойного скота; в Костромской губернии или в Архангельской заготавливают лесной материал, ибо там и лесу много и славные реки удобно протекают, и легко вывозить морем лес за границу; в Туркестане—хлопководство, в Крыму и на Кавказе—виноградарство и табаководство, в Астрахани—бахчеводство (много воды и солнца). Но если бы общественные отношения были бы такими как 100 лет тому назад, когда крестьянин дальше своей волости и носа не казал, когда в городах и пригородах не чадили фабричные трубы, когда из Москвы в Петроград ездили на лошадях,—разве стали бы туркестанцы заниматься хлопководством сверх того, что им необходимо для личного потребления, или кавказцы—разводить большие табачные плантации? Для чего? Для кого? Думается, что этих примеров более чем достаточно, чтобы понять смысл и признать правильной мысль, выраженную Марксом и изложенную Плехановым, что „географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил...“.

Поэтому нас не удивит, что Греция, окруженная морем, изобилующая бухтами и некоторое время стоявшая впереди

всех торговых мореходных государств, теперь не может быть даже сравниваема по флоту ни с Англией, ни с Францией, ни с Германией, флоты которых кажутся великанами перед пигмеем греческим флотом. В Греции с некоторого времени техника почти остановилась в своем развитии, а без нее греки не могли использовать полностью сил морских стихий. тогда как даже в Германии, только севером управляющейся в море, морская торговля развилась, а немецкая буржуазия даже мечтала стать царицей морей,—и все потому, что развитая техника дала возможность широко использовать и те немногие бухты и судоходные реки, которые были в пределах Германии.

10.

Общественные отношения.

До сего времени мы лишь критиковали ненаучные теории идеалистов, выдвигавших разум, духовные свойства расы, личность и т. п., в качестве независимой силы развития общественной жизни мы также опровергли и географическую теорию материалистов в духе Бокля; признали мы неверной и теорию потребностей, которую отчасти можно признать тоже материалистической.

Нам теперь нужно противопоставить этим теориям свою, научную, марксистскую.

Мы изучаем мир с целью его изменить, покорять, превращать его в исполнителя наших желаний.

Мы когда-то не знали законов природы, а потому были рабами ее. Теперь мы во многом уже превратились в организаторов внешних сил природы, но человечество никогда не будет останавливаться на полпути в деле покорения ее. Однако, чтобы одерживать победы над внешними материальными силами, необходимо их знать, необходимо изучить те способы борьбы, применяя которые мы сможем одолевать не очень охотно идущую к нам в услужение природу.

И поскольку перед нами стоит громадная, безграничная, беспредельная задача покорения материальных сил, перед нами встает и другая задача: покорить мир не ради буржуазии, а ради всего человечества, и приблизить к научному изучению природы не десятки тысяч буржуазии, а десятки и сотни миллионов желающих учиться, изучать, исследовать, изменять мир. Эта задача неосуществима, пока 99 человек из ста находятся в подчинении у господствующего класса—дворянства или буржуазии. Нам, в интересах как настоящих поколений (нас самих), так и грядущих, необходимо изменить общественные классовые отношения, переделать всю общественную жизнь.

на новый лад. Но переделывать с толком, успешно можно только в том случае, если знаешь то, что требует переделки, и свои собственные силы, которыми мы будем переделывать. Но что понимать под общественной жизнью?

Мы, марксисты, отвечаем на этот вопрос так:

Общественная жизнь это жизнь людей, которые всегда находились, находятся и будут находиться в различных постоянных отношениях друг к другу.

Мы, следовательно, должны изучать общественные отношения. Но так как отношения людей в обществе бывают самого разнообразного порядка, то, очевидно, мы должны найти в обществе одни отношения, как главные, другие как второстепенные, одни, как независимо от других возникающие, другие — как производные.

Возьмем ряд примеров:

Когда люди спорят друг с другом, образуют церкви, секты, вольные общины по вопросу и в связи с тем, была ли Мария матерью бога Христа (Богородица) или матерью человека Христа (Христородица), — то какие отношения мы наблюдаем между православными церковниками и сектантами? Мы наблюдаем религиозные отношения. Эти религиозные отношения мы наблюдаем в христианском храме, в иудейской синагоге, в магометанской мечети, где поп, раввин, мулла играют верховную роль, молящаяся публика — подчиненную, хор, служителя и все проч. — тоже свою определенную роль. Все эти отношения между людьми складываются на почве религиозных верований, религиозного культа и правил.

Когда мы видим дико несущуюся к немецким магазинам и домам (во время войны, напр.) темную массу погромщиков, испускающих вопли: „бей немцев“, когда мы наблюдаем как турецкие курды, спускаясь со своих гор к армянским поселкам, бьют и вырезают армян, когда мы проезжая в царские времена по Польше, не можем добиться от инного поляка ни слова по русски, хотя он и знает русский язык, — мы попадаем в известной степени в область национальных отношений. Одни говорят, что лучше нас — англичан или немцев или русских — никакого другого народа не существует, другие уверяют, что есть и еще такие-то приятные им нации.

Одни — участвуют в погроме, другие — хоть и не участвуют, но сочувствуют, третьи — борются с погромами.

Люди на национальной почве вступают друг с другом в определенные отношения.

Возьмем политику. Когда одни требуют неограниченной монархии, злобствуют против коммунистов и устраивают не только заговоры, а целые боевые походы на Советскую Россию, другие мечтают о старой Государственной Думе и тоже шипят на Советскую Россию, тоже занимаются открытой и

подпольной организацией и агитацией против коммунистов, третий—изо дня в день твердят: „Учредительное Собрание“, настраивают против Советской России Европу и ведут кулачское крестьянство взрывать железнодорожные мосты,—когда, наконец, рабочие и неимущие крестьяне, группирующиеся вокруг коммунистической партии отражают палеты генералов и банкетов,—мы здесь наблюдаем политические отношения людей в обществе. Одни идут к коммунистам, другие—к меньшевикам, третьи—к анархистам и т. д.

Одинаково политически мыслящие люди объединяются друг с другом (содружеские отношения) в партию, чтобы партийно организованно бороться (враждебные отношения) с людьми другой партии.

Когда кадетские профессора пытаются изгнать блузников-рабочих из рабфаков и пригласить в университет бело-подкладочников маменькиных сынков, а наши красные профессора, наоборот, привлекают к науке именно блузников,—то здесь мы опять-таки наблюдаем определенные политические отношения между людьми одного класса (кадеты—буржуазия) и людьми другого (красные профессора—пролетариат).

Если мы наблюдаем, как мешалы захлопывают двери своих квартир перед девушкой, родившей ребенка вне законного брака, как провожают ее всякими ругательскими названиями,—здесь мы входим в область нравственных отношений.

Когда одни говорят, что старших должно всегда слушаться, другие утверждают, что иногда можно и по своему поступить, а третьи защищают полную свободу личности:—делаю, как сам хочешь,—то и на этой почве создаются определенные отношения, отношения нравственности: отцы выгоняют из дому своих детей, дети сами часто порывают со своими родителями и т. д.

Все отношения, которые складываются вокруг того или иного понимания „должного“, т.-е., что прилично, что неприлично, что должно делать, что не следует, нехорошо, не должно делать и т. п. являются этическими (нравственными) отношениями.

Особые отношения создаются и на почве искусства. Футуристы пишут свои стихи по своему, пролетарские поэты создали свою манеру письма, а рядом с ними творят, строго следуя заветам Пушкина, поэты старой школы. Каждый объединен в свою организацию, каждый окружен последователями или просто сторонниками, у каждого—свой противник. А на выставках картин мы можем натолкнуться на группу посетителей ожесточенно нападающих или защищающих то или иное течение в живописи. Это—отношения на почве искусства.

Наконец, особые отношения между людьми складываются

и в производственном процессе, т.-е. во время добывания обществом средств к существованию.

Если мы очищаем лес под пашню всем родом, всей общиной и делаем одно и то же дело, — то это будут одни производственные отношения; если мы разделили между собою работу, и часть нас рубят деревья, другая — оттаскивает их и т. д., — тут уже иного рода трудовые (производственные) отношения. В мастерской ремесленники, каждый подмастерье и сам мастер могут делать разное дело, причем мастер, владелец ремесленной мастерской, к тому же выполняет роль и организатора, который каждому работнику дает работу, учит, исправляет, наказывает, поощряет.

Тут уже производственные отношения не только на почве разделения труда, но и на почве подчиненности одних работников другому работнику — собственнику. В мануфактурном предприятии мы можем найти тоже детальное разделение труда, но организатором производственного процесса будет хозяин мануфактурист, сам физическим трудом не занимающийся.

Наконец, на фабрике при тех же отношениях мы можем найти и значительное отличие, когда фабрикант сводит свои организаторские функции только к назначению организаторов — управляющего, инженеров и т. д. Все это — производственные отношения, так как капиталист требует от управляющего, чтобы фабрика приносила прибыль, управляющий требует от заведующих цехами и от инженеров, чтобы они нажимали на мастеров, а те в свою очередь на рабочих. Целая система, цепь отношений в самопроизводственном процессе.

Нам, следовательно, приходится изучать различные общественные отношения, выяснить их роль в жизни общества, узнать, произвольно ли создаются всякого рода отношения или же, наоборот, характер и даже самый факт существования определенных отношений зависит от каких-то других причин. Поясним. Религиозники — церковники уверяют, что без веры и бога все люди станут безнравственными. Значит, по их мнению, нравственность порождается религиозностью. Другие утверждают обратное: что нравственные люди обязательно религиозны. Кто прав? А может быть и никто не прав?

В первую очередь нам, конечно, надо исследовать разные общественные отношения в их зарождении и узнать, под чьим действием они появились в обществе.

Тогда нам станет ясным, какие из общественных отношений можно отнести к разряду „дедов“, какие — к следующему поколению „отцов“, а какие — к третьему поколению „внуков“.

Или, как говорит Маркс, что в общественном здании является базисом (основанием) и что надстройкой.

Общественные отношения нам придется, значит, рассматривать как дом, в котором на фундаменте высятся постройка

из многих этажей, причем, как известно всем, вперед закладывается фундамент, а над ним — надстройка, и базис без этажей можно себе представить, хотя в данном случае, будет только зечаток будущего дома, этажей же, ни на что не опирающихся, никто еще не знает.

Для облегчения вопроса мы возьмем из целого ряда общественных отношений только те, которые занимают наиболее видное место: 1) производственные, 2) политические, 3) нравственные, 4) религиозные.

Могут ли, например, совершенно независимо от других отношений возникнуть политические отношения? Конечно, нет!

Почему бы спрашивается, стали люди записываться в политические партии, вести друг с другом политическую борьбу, если бы их на это не толкали материальные или духовные интересы. Когда один капиталист, эксплуатируя рабочих, встречает с их стороны сопротивление, он часто получает поддержку или сочувствие со стороны других капиталистов.

Ведя борьбу вкуне со своими друзьями {по классу, капиталист в конце-концов сознает необходимость организаванной борьбы и создает с ними помимо экономических союзов также и политическую партию, в которую входят наиболее энергичные, деятельные, подготовленные члены класса буржуазии.

Следовательно, политическая борьба и первоначально — стихийная и затем — организованная, появляется на почве производственных отношений, в которых в указанном нами примере рабочие играют роль эксплуатируемых творцов богатств буржуазного общества, а капиталисты — роль эксплуататоров.

Мы знаем, что пролетариат в первые десятилетия своего существования вел только экономическую борьбу, совершенно не интересуясь политикой.

Но, когда одно его экономическое выступление за другим терпело поражение, благодаря вмешательству государственного аппарата (полиция, казаки, шпионы и т. п.), пролетариат, ведя борьбу с хозяином, втягивался в борьбу и с государством. Впоследствии он уже осознал необходимость связать экономическую борьбу с политической, и создал свою, рабочую политическую партию.

В первобытно-родовом коммунизме ни о какой политике не могло быть и речи, как не будет ее и в грядущем коммунистическом обществе. Но когда первоначальный род начал расслаиваться на отдельные семьи, из которых каждая имела в своем владении землю, хату, коров, птицу и прочее, когда одни семьи становились зажиточнее, а многие — беднели, когда зажиточные начали нанимать на поденные, сезонные и даже постоянные работы сородичей из бедных семей, когда, следовательно, создались такие производственные отношения между

отдельными семьями, что одна господствует, другая—подчиняется,—с этого времени возникает политическая борьба. Богатые, не только сами по себе борются с бедными, но стараются использовать в своих интересах и тот общественный аппарат, который обслуживает все общество (весь род, все племя...), тем самым создавая государство. Бедные семьи, эксплуатируемая часть населения, втягиваются тем самым и в политическую борьбу, хотя долгое время и не предполагают, что занимаются политикой, а не только экономикой.

Забитое русское крестьянство мало думало о политике и, можно сказать, совсем о ней ничего не знало и знать не хотело, хотя и вело, в сущности говоря, политическую борьбу, когда жгло усадьбы, убивало управляющего помещьем и т. д.

Но когда самодержавное государство куццов и дворян, поддерживая ростовщиков, обирая народ поборами и „казенками“, пуская в ход жандармерию, полицию, земского начальника со старшиной, показало воочию, что дело не в одних помещиках, кулаках и ростовщиках, но и в государственном аппарате, крестьянство стало заниматься политикой, проводя в думы трудовиков, в учредилку—эсеров, а затем—и коммунистов (они одни не допустят помещиков в отобранные у них усадьбы).

Тут, как мы видим, политическое сознание пробудилось не только на почве экономики, но и под влиянием действий помещичье-торгового государства.

Политическая борьба возникает всегда под напором определенных—тех или иных общественных отношений, и самостоятельно, независимо от них она появиться не может.

Политическое же наше сознание (наши политические взгляды) в свою очередь вырастает на основе политической борьбы, как бы отражая ее.

Отношения людей на почве нравственности, оценки, что „должно“ и что „не должно“, тоже складываются не независимо, не сами по себе, а вырастают из производственных и других отношений.

Если пролетариат гонит от себя штрейкбрехеров, если самая клячка у него считается позорной, то именно потому, что в производственном процессе рабочие соединены машиной, фабрикой в одну семью, в коммуну, в коллектив, что предательство одного бьет по всем, тем более, что против пролетариата стоит предприниматель, злой его враг, пользующийся каждым разладом в рядах рабочих.

Если в первобытных родовых обществах кочующих охотников не считалось безнравственным убивать стариков и больных, задерживающих род в его охотничьих походах, то только потому, что производственные отношения первобытно-коммунистические и личность перед родом (коммуной) совер-

шенно ступевывается; если бы кочующий род задержался в походе из-за больных и стариков, он погиб бы, весьма возможно, целиком от голода.

Сознательные рабочие у нас в Советской России считают позором (безнравственным) устраивать забастовки в государственных предприятиях. Почему? Да потому, что здесь производственные отношения таковы, что и администраторы и управленцы являются ставленниками Советской власти, а не буржуазии, что политические отношения здесь не буржуазные, а советские, что забастовки могут только ослабить нас и усилить буржуазию, сначала политически, а затем и экономически.

Из сказанного вытекает, что отношения людей на почве нравственности не могут появиться самостоятельно, независимо от других отношений.

Перейдем к религиозным отношениям людей в обществе.

Буржуазия Франции в 1789 г. шла войной против королевской власти, под знаменем атеизма (безбожия). Когда власть утвердилась за буржуазией, последняя заключила тесный союз с церковью и стала яростно выступать против „безбожников“ социалистов.

Откуда такой крутой переворот? Ответить не трудно. Королевская власть защищалась вкупе с церковью, самодержавная власть была властью дворян и попов. Буржуазия, выступая против землевладельцев, должна была вступить в борьбу и с попами. Но если попы идут под знаменем бога, то буржуазия в борьбе с попами неминуемо приходила к отрицанию бога, ибо поп силен в глазах суеверного населения именно как служитель бога. Отсюда—атеизм молодой, рвущейся к власти, буржуазии. Наоборот, буржуазия, укрепившись на государственном троне, тотчас же, как увидела молодой, революционный класс пролетариата—своего врага и конкурента,—она заключила союз с бывшим своим врагом, церковью и признала (на словах) существование бога.

Возьмем другой пример. У нас в России имеется не мало религиозных сект, являющихся горячими противниками православной церкви. Изучая происхождение их, мы видим, что первоначальный состав сектантских общин был из трудящихся элементов общества, возмущенных насилиями со стороны православной государственной церкви.

На почве экономики и политики возникли определенные общественные отношения, прикрытые плащом религиозных разногласий. Итак, религиозные отношения людей в обществе не могут возникнуть независимо от других общественных отношений.

Из всех общественных отношений независимо от других появляются только производственные (трудовые) отношения.

Производственные отношения, это — та первичная зародышевая клетка, из которой развивается сложный организм общественных отношений во всем их разнообразии.

Люди должны были добывать себе средства к существованию и вступать друг с другом в те или иные отношения.

Так в родовом-коммунистическом обществе люди скопом охотились, совместными усилиями строили плоты, на которых переправлялись на другой берег реки или озера.

В период натурального (домашнего, замкнутого) хозяйства трудовые отношения были иными: некоторые работы совершали всей коммуной (выгон скота на пастбище с общестественными пастухами, освобождение площади из-под леса, под пашню и многое другое), а другие работы — силами семьи, причем каждая семья внутри себя делала одно и то же. Эти производственные отношения можно назвать коммунистически-семейными.

Когда появилось ремесло, как занятие профессионалов-ремесленников, мы находим в обществе особые производственные отношения: в ремесленной мастерской один работник может выполнять одну работу (кроить), другой — другую (шить), третий — третью (руководить работой, исправлять ошибки). Причем в этой же мастерской ученик находится под началом у подмастерьев и мастера, подмастерья подчинены мастеру. Это — частно-собственнические отношения, построенные на разделении труда и владении мастером средствами производства (сырье, помещения, орудия труда и т. д.).

В капиталистическом обществе производственные отношения носят иной характер и, к тому же, до чрезвычайности сложный. Тут и группы рабочих, выполняющих одну работу, тут и рабочие в каждой своей профессии, отличной от профессии другого, тут и производственные с подсобными, квалифицированные с необученными рабочими, здесь целая цепь подчиненности, начиная от низшего рабочего и кончая инженерами с фабрикантом. В деревне тоже на поле помещика работают купленные батраки, над ними стоят погоняльщики, а над погоняльщиками старший приказчик, а самую вершину занимает помещик. И здесь одни рабочие косят, другие — жнут, третьи — за лошадьми и скотом ухаживают. Все эти производственные отношения появились независимо от нравственных или религиозных взглядов людей, независимо от политических отношений в обществе, независимо от расовых или национальных свойств.

Капиталистические производственные отношения мы находим и в Германии, и в Италии, и во Франции, в Англии, даже в Индии, Египте, в Южной Африке. А, ведь, в этих странах живут люди разных наций и рас, поклоняются разным богам и имеют разное политическое устройство при громадном различии в географической среде.

Если бы нравственность, религия, политика порождали свойственные им производственные отношения, то в каждом обществе, где своя, отличная от других, религия, или нравственность, или политика и т. п., были бы и свои производственные отношения.

На самом же деле, в какую бы капиталистическую страну ни перенести фабрично-заводской город с его общественным и техническим разделением труда, с его электростанциями, металлообрабатывающими заводами, текстильными фабриками, какой бы национальности ни нанять рабочих, добрых или злых, нравственных или безнравственных, христиан или магометан или буддистов, эсеров, меньшевиков, кадетов или большевиков, — трудовые отношения будут одни и те же: на металлургическом заводе одни будут прокатывать проволоку, другие — разрезать ее, третьи — заострять, четвертые — прикреплять головку и т. д. В данном случае, производственные отношения будут отношениями разделения труда, связанными друг с другом целостным производственным процессом рабочих.

Вот в силу того, что производственные отношения зарождаются независимо от других общественных отношений и, появившись, вызывают к жизни политические, нравственные, религиозные и прочие отношения, мы их и называем базисом общественных отношений, а все остальные — надстройкой.

11.

Действуют ли надстройки на базис.

Выяснивши вопрос о независимости происхождения производственных отношений от всех других, мы еще не имеем права утверждать, что они главные, а остальные — второстепенные.

Мы узнали, что производство влияет на политику, нравственность, религию и пр., что все общественные отношения вытекают из производственных.

Перед нами теперь стоит другой вопрос: а действуют ли они в свою очередь на производственные отношения? Нам опять необходимо вернуться к фактам и от них получить тот или иной ответ.

Возьмем политические отношения. При царском правительстве русская промышленная буржуазия выражала неудовольствие политикой власти, ибо эта власть поддерживала помещиков, небольшую часть крупных промышленников и „измепитое“ купечество. Оно мешало развитию в России капитализма и тем самым задерживало рост капиталистических производственных отношений. Перед освобождением крестьян

от крепостной зависимости та же буржуазия просила царя сделать крестьян свободными, так как капиталистические производственные отношения развиваются легче, менее болезненно, если на фабрике работает в качестве рабочего не крестьянин, а свободный рабочий, самое существование которого зависит от того, купят ли на фабрике его рабочую силу или нет, и который не будет ломать машин из страха получить расчет. Буржуазия в интересах развития капиталистических производственных отношений просила, а порой и требовала, царское правительство изменить политику. Ошибалась ли буржуазия или поступала правильно? Конечно, не ошибалась. Ведь нам известно, что когда политическая власть со Франции (в 1789 г.) попала в руки буржуазии, эта поведняя, пользуясь политическим аппаратом, быстро развила фабрично-заводскую промышленность и, следовательно, фабрично-заводские производственные отношения.

Мы по Советской России можем хорошо проследить влияние политического фактора на экономику.

Когда мы запретили декретами свободную торговлю и силою политического (государственного) аппарата провели этот декрет в жизнь, частная промышленность почти совершенно замерла, капиталистические производственные отношения не только не могли дальше развиваться, но начали даже отмирать. Наоборот, стоило было нам объявить новую экономическую политику, как тотчас же начали выполнять из разных целей подполья фабриканты-арендаторы, и дело уже дошло до того, что нашим народным судам приходится карать этих хищников за самую отвратительную эксплуатацию ими рабочих. Капиталистические производственные отношения под влиянием нашей новой политики начинают оживать. Несомненно, что политические отношения влияют на производственные.

Возьмем теперь нравственные отношения.

Влияют ли они на производственные?

Опять обратимся к фактам и они дадут нам утвердительный ответ.

На той советской фабрике, где рабочие вместе с заводоуправлением проникнуты коммунистической нравственностью, выражающейся в сознании долга перед пролетариатом, перед всем трудящимся населением, перед рабочим классом всего мира, работать не покладая рук хотя бы и на тощий желудок, делать то дело, на которое способен, не разворовывать народного имущества, проводить трудовую дисциплину,—на такой фабрике производственные отношения будут организованными, товарищескими и т. п. Наоборот, если на фабрике много лиц со шкурнической мелко-буржуазной (моя хата с краю,—ничего не знаю) нравственностью, которые никакого долга, ни-

каких обязанностей перед своими товарищами, перед всем рабочим классом, перед Советской страной не признают и имеют в сознании своем только один долг: перед собой да перед своим семейным гнездом,—на этой фабрике производственные отношения будут на наш взгляд самые неприглядные, с вечной склокой, руганью, с прогулами, с перерывами работ; производственные отношения будут малобуржуазно-анархичными. В данном случае, нравственные отношения, несомненно, влияют на производственные отношения.

Несомненно, также, что в тяжелые годы бесперывных боев, голода, сыпняка, холода, наше производство не скатилось еще ниже под гору, в значительной мере, в силу того нравственного под'ема, который выражался в русском пролетариате в сознании долга отстоять единственную в мире власть трудящихся. Отношения людей на почве долга, нравственности, как мы видим, в какой-то степени влияют на производственные отношения. История нам дает много примеров тому, как изменяются производственные отношения и под влиянием религиозных отношений.

В Англии, например, подневольная буржуазия пошла революционной войной против дворянства, причем одни во главе с Кромвелем шли под знаменами протестантизма, а другие (дворяне) с королем впереди, исповедуя католицизм. В зависимости от победы той или другой стороны буржуазные производственные отношения могли начать развиваться либо быстро, либо, наоборот, медленно, преодолевая те препятствия, которые им ставило дворянство (крупные землевладельцы). Буржуазия победила, причем религиозный фанатизм пуритан сыграл не малую роль: многие пуритане шли в армию Кромвеля не ради своих буржуазных интересов, а во имя „новой“ религии.

Тоже мы наблюдаем и во Франции с ее знаменитой Варфоломеевской ночью, когда католики-дворяне перебили массу гугенотов,—торговцев, ремесленников. Во Франции в этом случае победили католики-помещики, на стороне которых было много фанатиков-католиков, никакого отношения к землевладению и к королевским подачкам не имевших.

На Востоке (Турция, Персия, Афганистан и пр.) против колониальных империалистических производственных отношений местная буржуазия выступает с благословения своих мул (шопы у магометан) во имя Ислама, что безусловно увеличивает ряды ее армий.

В средние века европейские властелины, в погоне за азиатскими богатствами, устроили целый ряд грандиозных походов на Азию, причем эти походы носили название крестовых; власть имущие хотели привлечь к этой типичной войне простой народ, указывая ему на необходимость отвоевать „гроб господень“ у „нечестивых“.

Обманутые шли с крестами на своих одеждах, наполняя армии европейских грабителей и создавая настроение религиозного фанатизма. Награбленные богатства способствовали накоплению капиталов, открытию новых ремесленных мастерских. Производственные отношения под влиянием крестовых походов развились быстрее.

И здесь мы видим, что влияние религиозных отношений на производственные несомненно.

Очевидно, мы попадаем в заколдованный круг взаимодействия: первые отношения действуют на вторые, а вторые—на первые. Здесь читателю необходимо знать, что среди буржуазного ученого мира существует и еще не так давно пользовалось большим влиянием особое течение, которое указывало, что мир развивается во взаимодействии различных сил общества. С этим согласны и мы марксисты. Но в остальном, что утверждают теоретики взаимодействия, мы решительно расходимся. Они, например, говорят, что каждая общественная сила, как и человек, и его душа, воля, сознание, существуют сами по себе, друг от друга они не происходили, что мир движется благодаря борьбе и содружеству этих совершенно самостоятельных сил.

Мы же утверждаем, что все эти силы являются свойствами единого бытия, т.-е. материи, что воля человека или его сознание есть свойство человеческого тела, что материя в одном своем состоянии имеет свойство думать, желать, любить, ненавидеть, материя же в другом состоянии этих свойств не имеет, что, следовательно, все эти свойства являются производным от единого, от материи, что без тела человека и души быть не может, что без общества никакие ни право, ни нравственность существовать тоже не могут, и что общество вначале только производит, а потом уже начинает создавать нравственные заповеди, и проч., и проч.

Мы, марксисты, называем себя монистами (от греческого слова монос, т.-е. единый), а теоретиков взаимодействия—электиками или плюралистами (от латинского слова плюралис—множественный), также как и всякого рода поповщину, под ученым ли колпаком она скрывается или откровенно облачается в рясу, мы называем дуализмом (от латинского слова двойственный: тело и душа, причем тело без души может существовать также, как и душа без тела).

Мы, монисты, утверждаем, что материя едина, но свойств у нее много, и что все эти свойства и произведения и зависят от материи.

Но поскольку мы отвлекаемся от вопроса, кто кого произвел, когда мы берем уже появившиеся отношения людей друг к другу, и поскольку мы признаем, что одни отношения

действуют на другие и обратно,—не повторяем ли мы то, о чем толкуют теоретики взаимодействия?

На этот вопрос можно ответить только с помощью диалектического материализма.

Тогда читатель увидит, что мы, хотя и признаем взаимодействия различных общественных отношений друг на друга, однако, одним из них придаем решающее значение по самому существу дела.

В следующей главе мы и будем говорить о диалектике, которая вместе с материализмом составляет сердце марксизма, и без усвоения которой никто не может себя назвать марксистом.

12.

Диалектика.

Еще сто лет тому назад крупнейшие ученые мира держались религиозной точки зрения на происхождение мира. Они говорили, что видов растений и животных, что звезд, планет, минералов и т. д. имеется столько, сколько их создал бог.

Живший в XVIII в. Линней писал: „Мы насчитываем столько видов, сколько пар животных вышло из рук творца“.

Они указывали, что человек или лошадь или дуб существуют с тех пор, как божья воля их вызвала к жизни, что все эти виды природы по существу не изменились к нашему времени, перемены же происходили, происходят и будут происходить маловажные, суть дела не меняющие, т.-е., что человек как был человеком, так им и останется, пока не вмешается божья воля.

В те времена и в голову не приходило задаваться вопросом: от какого вида животных произошел человек или лошадь и т. п. Ответ был готов: бог сотворил в готовом виде.

Многие ученые обходились и без слова „бог“, но держались той же позиции, что человек появился на земле, как-то вдруг, катастрофически, в один прекрасный день.

Если этих ученых спрашивали, как образовались Кавказские горы, они отвечали так: произошла подземная катастрофа (говорят также—„катаклизм“), часть земной коры приподнялась, а в результате—горный хребет.

Или: произошел подземный провал и образовалось на поверхности земного шара озеро, глубокая пропасть, низина и т. д.

Получается так, что мир изменяется катастрофическим порядком, вдруг, какими-то скачками, революционно. Ученые естественники, стоявшие на такой точке зрения, не занима-

лись изучением развития мира и были озабочены лишь одним: классифицировать весь мир, т.-е. все минералы, все растения, всех животных и т. д., распределить по полочкам, иначе сказать, по классам и тем самым дать ясное представление о мире, каким его создал бог.

В этой области они сделали громадное дело, а современная наука пользуется работами таких крупных деятелей „катастрофической“ точки зрения, как Линней или Кювье. Но это течение могло господствовать только в обществе, которое развивалось очень медленно, изучало природу в том виде, в каком она находилась, почти не изменяя ее.

Однако еще в XV в., когда работал великий Леонардо-да-Винчи, была найдена Америка, экспедиция Магеллана открыла человеческому взору новую громадную область земного шара с новым небесным миром южного полушария, и эти завоевания не могли не дать общественной мысли нового материала для изучения.

Талантливый Боннэ (1720—1793 гг.) не мог удовлетвориться формулой Линнея, так как видел, что древние животные не похожи на живущих теперь.

В объяснение этого факта Боннэ ссылался на наличие в жизни земного шара целого ряда грандиозных катастроф, производивших крупные перемены в жизни земли.

После каждой катастрофы, уничтожавшей прежних живых существ, появлялись новые, отличные от первых.

Но откуда они могли взяться? Боннэ отвечает так:

„Высшее всемогущество заключило в первом зародыше каждого организованного существа последовательный ряд зародышей, соответствующий ряду катастроф, которые должна была претерпевать наша планета, при чем эти зародыши, сотворенные вместе с миром, недоступны вредным влияниям веков и стихий“*).

Правда, наука в лице Эразма Дарвина (1731—1802 гг.) вскоре выступила против зародышевой теории Боннэ и отметила,

„что если зародыши всех родственных животных, живших раньше, живущих сейчас и имеющих жить после нас, заключались в одном зародыше, то тогда придется допустить существование зародышей (далее следуют подлинные слова Эразма Дарвина—дедушки знаменитого Дарвина. Вл. С.) меньшей величины, чем дьяволы, искушавшие св. Антония, а они были настолько малы, что могли совершенно свободно в числе 20.000 танцевать беспшабашную сарабанду на кончике самой тонкой иглы“*).

*) См. популярную книжку И. А. Арямова «Развитие научного мировоззрения». Изд. Пензенского Госиздата. 1920 г.

Но, возражая против гипотезы (предположение) Бонне, наука по существу еще придерживалась его точки зрения, а самая теория катастроф господствовала вплоть до Ч. Дарвина, и последний ее крупнейший теоретик Кювье (1769—1832 гг.), утверждавший обязательность признания, „что известные формы существовали с самого начала вещей, не выходя за определенные границы, и все существо, принадлежащих к одной из этих форм, составляют виды“.

И еще: „Странные события потрясали неоднократно живой мир нашей планеты. Бесконечное множество существ делались жертвами таких катастроф. Одни из них обитатели суши, были поглочены волнами, другие, населявшие морские глубины, выносились вместе с дном морским, внезапно поднимавшимся, наружу. Эти виды навсегда исчезали...“.

Деятнадцатый век—это век машин, фабрик, заводов, больших магазинов, мировой торговли, одним словом, век капитализма. Если прежде крестьянская семья, имевшая овец, сама стригла их, сама пряла и ткала, шила одежду из шерсти и своими овцами в общем была вполне довольна, то теперь, когда развилось машинное производство шерстяных изделий, крестьянин стал поставщиком шерсти на фабрику, т.-е. на рынок. А этот рынок предъявлял свои требования и предпочитал хорошую шерсть, тонкую, определенного цвета.

Крестьянин переставал быть довольным своими овцами с грубой шерстью и предпочитал обзаводиться и даже сам делать (выращивать, выводить) тонкорунных овец и баранов.

И раньше было замечено, что от белых самца и самки и ягнята рождаются белыми, что от черного самца и белой самки может получиться поколение ни черное, ни белое. Но прежде мало обращали на это внимания, теперь же, подгоняемые требованиями рынка, стали сознательно, умышленно изменять породы животных. В Голландии в течение нескольких десятилетий рогатый скот из крупно-рослого был превращен в низко-рослый, в Англии свинью, когда-то быстро бегающую и поворотливую, превратили в известную всем йоркширскую, едва-едва передвигающуюся, на свою бабушку очень мало похожую; из дикого голубя создали много разновидностей домашнего голубя, то же с курами и петухами, с собаками, с лошадьми и т. д. Землепашцы стали изменять природу растений, культивируя хлебные злаки, огородные растения, садоводы вывели черную розу и черный тюльпан, врачи могут делать человека идиотом или, наоборот, заставить его лучше соображать, прививая кусочки цитовидной железы или вырезая часть ее, и т. д.

При таких условиях уже никак нельзя утверждать, что весь мир во всех его частях и формах установлен богом. Нет, оказывается и сам человек, может эти формы устанавливать.

изменяя до неузнаваемости старые формы и превращая их в новые.

Наиболее яркое отражение все это получило в замечательных трудах Дарвина, который говорил, что мир беспрерывно изменяется, что растения и животные приспособляясь к внешнему миру, тем самым изменяют себя. Приспособившиеся выживают и дают новые поколения, неприспособившиеся—вымирают и исчезают с лица земли. Борьба за существование и естественный отбор—вот суть дарвинизма.

Но процесс подбора, борьба за существование протекает беспрерывно эволюционно, также эволюционно изменяется и мир. Постепенно зебра могла измениться в лошадь, волк в собаку, обезьяна в человека, хлебные растения с крупными и грубыми зернами в современные рис, пшеницу и т. п.

На место теории катаклизмов, катастроф, революций, скачков пришла новая теория—эволюционная, непризнающая скачков—катастроф. Марксизм перенял от немецкого философа идеалиста Гегеля третью точку зрения, которая примиряет и теорию катастроф и теорию эволюции.

Эта точка зрения носит название диалектики.

По существу говоря, ее можно было бы назвать эволюционно-революционной.

Гегель указывал, что все в мире развивается постепенно (эволюционно), но затем эта постепенность прерывается, наступает момент скачка, катаклизма, революции, а вслед за скачком снова начинается процесс постепенного развития (эволюции).

Гегель приводит пример с водой, которая эволюционно (постепенно) охлаждается, а затем, сразу (скачком) превращается в лед.

Подобных примеров можно привести бесчисленное количество. Возьмем историю человека. Ребенок—плод—эволюционно развивается 9 месяцев, затем наступает скачок (роды), ребенка отделили от матери, разорвав пуповину, и с этого момента он снова растет эволюционно до определенного возраста. Если это—девочка, то мы видим, как появление менструаций вызывает в ней резкую, скачкообразную (сразу) перемену; в новом своем состоянии девочка постепенно дозревает до выхода замуж, самый акт превращения девушки в женщину является актом превращения и физического и духовного состояния девушки в какое-то новое. Подобные же скачки мы найдем и в первом появлении у женщины ребенка, а в дальнейшем—и в прекращении у нее менструаций. Если мы возьмем хотя бы больного сыпным тифом, то найдем в нем три фазы развития. Первая—постепенное развитие болезни, вторая—скачок, иначе сказать, кризис, третья—постепенное выздоровление (или разложение тела). В обществе тоже мы

наблюдаем, как за эволюцией следует революция, дающая начало новой эволюции. До февраля 1917 г. постепенно накапливалось недовольство царским правительством, в феврале оно было сразу (революционно) сметено, затем Россия пережила эволюционный процесс буржуазной власти наряду с постепенным прояснением в головах трудящихся, за которым последовал новый скачок—октябрьская революция.

Марксизм, таким образом, является теорией, признающей право на существование и эволюции и революции. Мало того, он утверждает, что скачок (в природе)—революция (в обществе) может наступить только после известного постепенного развития.

И, действительно, что такое скачок,—и почему он наступает и почему он не может при нормальных условиях не наступить.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны указать, что вообще движение возможно только при наличии не менее двух сил.

Таких сил в мире имеется бесчисленное множество и все они в силу той или иной связи между собою образуют движение. Определенное отношение различных сил мы называем качеством. Если мы возьмем один атом углерода (С), два атома водорода (H_2) и два атома кислорода (O_2)—то получим определенное качество, которое носит название муравьиной кислоты. Если мы возьмем общество, где крупная буржуазия имеет в своих руках политическую власть, пролетариат же является эксплуатируемым классом, а все остальные классы в той или иной мере содружествуют или враждуют с буржуазией и пролетариатом, то такое общество будет особым качеством, т. е. капиталистическим обществом.

Как может развиваться муравьиная кислота и капиталистическое общество?

Мы указываем, что развитие возможно и количественное и качественное.

Если муравьиная кислота является соединением трех сил: CH_2O_2 , то она так и останется муравьиной кислотой, если мы сохраним пропорциональность ее частей и будем брать все атомы в двойном количестве: два атома углерода, по 4 атома водорода и кислорода, изменится только количество муравьиной кислоты.

То же и с капиталистическим обществом. Если бы и крупная буржуазия и пролетариат и другие классы развивались во всех отношениях пропорционально, то оно оставалось бы капиталистическим.

Изменения в качестве возможны лишь в том случае, если отдельные его элементы будут развиваться не одинаково. Попробуем в нашем примере с муравьиной кислотой (CH_2O_2).

число кислородных атомов оставить неизменным (O_2), а число атомов углерода и водорода удвоить (C_2H_4), то получим $C_2H_4O_2$ — уксусную кислоту, т.-е. новое качество.

Это новое качество, однако, не появится, если мы к CH_2O прибавим один атом углерода и один атом водорода. Количественные изменения только на известной ступени дают новое качество.

Гегель так формулирует этот закон развития:

Количество переходит в качество.

Мы, в целях уяснения, эту формулу изменим:

Качество путем количественных изменений превращается в новое качество.

Если мы возьмем то же капиталистическое общество, называя его качеством, то увидим, как появится новое качество — общество диктатуры пролетариата — через количественные изменения.

Силы пролетариата количественно нарастают, силы буржуазии тоже растут, но не так быстро.

Наступает какой-то момент, когда количества сил обоих классов одинаковы. В этот момент наступает скачок, общество перестает жить старой жизнью, переживая какой-то кавардак, мутацию (так выражаются естественники), когда прекращается производство, чиновники перестают регистрировать „входящие и выходящие“, приостанавливается нормальное движение по улицам, вырастают баррикады, такают пулеметы, развеваются знамена. В случае победы пролетариата власть переходит в его руки, он перестает быть эксплуатируемым классом. Появилось новое качество — общество диктатуры пролетариата.

Первое качество (капиталистическое общество) можно выразить $\frac{Б}{П}$ (пролетариат под буржуазией), второе качество (диктатура пролетариата) — $\frac{П}{Б}$ (буржуазия под пролетариатом).

На грани этих двух качеств был скачок, когда постоянная связь между обоими классами порвалась.

Чтобы дело дошло до скачка (революции), необходимо было постепенное нарастание сил рабочего класса, т.-е. эволюция, причем это нарастание должно происходить в пределах одного и того же качества $\left(\frac{Б}{П}\right)$

Буржуазия может спокойно сидеть на спине маломощного и малосознательного пролетариата; по мере роста последнего буржуазии все труднее удерживаться на спине пролетариата; в последний период жизни качества $\left(\frac{Б}{П}\right)$ буржуазия удерж-

живается в качестве наездника только благодаря богатому наездническому опыту. Но пока П находится под Б, качество общества остается одним и тем же.

Эволюционный процесс является процессом длительным, скачок же—кратковременным.

Если говорить об обществе, то революция в нем мыслима только, как очень кратковременный процесс, так как в этой революции связи между основными элементами общества порваны, перерыв же связей означает и приостановку в производстве, без какого общества продолжительное время существовать не может.

Когда мы, общественники, употребляем слово „качество“, не нужно его понимать в том смысле, в каком физики употребляют слово „свойство“ (делимость, протяженность, непроницаемость и т. д.). Мы его употребляем в другом смысле.

Наличие противоречащих сил, находящихся в определенном отношении между собою—это и есть качество.

Если эти противоречащие силы пребывают в другом отношении,—на лицо другое качество.

Если в одном случае имеются одни силы, а в другом—другие, то здесь мы находим два разных качества.

Рабовладельческое общество—одно качество

$\left(\frac{\text{Рабовладельцы}}{\text{Рабы}} \right)$

Буржуазное общество—другое качество

$\left(\frac{\text{Буржуазия}}{\text{Пролетариат}} \right)$

Диктатуро-пролетарское общество—третье качество

$\left(\frac{\text{Пролетариат}}{\text{Буржуазия}} \right)$

Коммунистическое общество—четвертое качество

$\left(\frac{\text{Общество}}{\text{Природа}} \right)$

Все общества до коммунизма—пятое качество

$\left(\frac{\text{Природа}}{\text{Общество}} \right)$

Из одного общества в другое, т.-е. от одного качества к другому можно прийти только путем постепенного (эволюционного) количественного изменения тех сил, которые в своей связи образуют это качество и затем через скачок—революцию. Наступает новое качество, которое должно эволюционно развиваться, постепенно количественно изменяться, чтобы в свою очередь путем скачка стать новым качеством.

Поскольку мы говорим об обществе, мы должны помнить, что количественные изменения и качественные превращения

происходят в нем не только потому, что в нем имеются противоречащие друг другу силы в лице классов, но что в противоречии находятся и общество с природой.

Таким образом, становится понятным, что коммунистическое общество не будет мертвым, недвижимым, неразвивающимся. Наоборот, в нем именно общество, не разделенное на классы, не тратящее своих сил на межлюдскую, на межклассовую борьбу, с особенной силой обрушится на внешние силы природы, чтобы их подчинить себе.

Все только что сказанное о диалектике подводит нас вплотную к следующему боевому вопросу: имеем ли мы право пользоваться формулой „да—да“, „нет—нет“, или же должны ей предпочесть прямо противоположную: „да—нет“, „нет—да“.

Поясним. Трамвай идет от одной остановки к другой. Можем ли мы утверждать, что трамвай в данный момент своего движения находится именно в этом месте? Вдумчивый читатель ответит, что трамвай и находится и уже не находится в этом месте, так как движимое тело в движении покоя не знает.

Или другой пример. Я или т. читатель сохраняет ли все свои свойства в данный момент? Нет, конечно. Все мои свойства беспрерывно изменяются количественно, а временами в момент скачка и качественно.

Значит на оба вопроса мы должны дать не утвердительный („да—да“) и не отрицательный („нет—нет“) ответ, а утвердительно - отрицательный („да—нет“, „нет—да“).

Но как же нам в таком случае определить свои действия в борьбе с природой и враждебными классами?

Полезно или не полезно каждый день принимать пищу? Да или нет?

Надо бороться с буржуазией? Да или нет?

Выбирать в Учредительное Собрание или бойкотировать?

На проклятые вопросы дай ответы нам прямые. Плеханов в предисловии к „Фейербаху“ Энгельса разрешает, вслед за Марксом и Энгельсом этот вопрос так:

„Движение материи лежит в основе всех явлений природы. Движение есть противоречие. О нем необходимо судить диалектически, т.-е., как сказал бы Бернштейн, по формуле: „да—нет и нет—да“. Поэтому мы должны признать, что, пока речь идет у нас об этой основе всех явлений, мы находимся в области „логики противоречия“. Но молекулы движущейся материи, соединяясь одни с другими, образуют известные сочетания—вещи, предметы.

Такие сочетания отличаются большею или меньшею прочностью, существуют более или менее продолжительное время. а затем исчезают, заменяясь другими: вечно

одно движение материи, да сама она, неразрушимая субстанция.

Но раз возникло, в результате вечного движения. известное временное сочетание материи и духа не исчезло оно в результате того же движения, — вопрос об его существовании необходимо решается в положительном смысле“.

Мы и в этом вопросе, как видит читатель, оказались перед формулой „качества—количества“.

„Все движется, все изменяется“, говорили и древние мудрецы. Мы же—марксисты—вместе с Гегелем дополняем эту формулировку и указываем, что движение бывает разное: и качественное (от одного качества через другое в третью и т. д.), и количественное (от одной ступени данного качества через другую того же качества на его третью и т. д. ступень).

Плеханов говорит (там же): „Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно „основным законам“ мысли *) есть частный случай диалектического мышления“. Энгельс („Фейербах“) о том же пишет:

„Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, без сомнения, есть и своя консервативная сторона, каждая данная ступень развития науки или общественных отношений оправдывается ею в виду обстоятельств данного времени, но не больше. Ее консерватизм относителен; ее революционный характер безусловен,—к чему сводится все то безусловное, для которого в ней остается место“.

Но как же?—спрашивает наш молодой читатель—значит, покой все же имеется? Значит, все не только движется, но и порою находится в состоянии покоя?

Такой вопрос как нельзя лучше дает возможность показать, как строго, как точно следует формулировать всякий вопрос.

Как понять Плеханова с его „покоем“ и Энгельса с его „относительным консерватизмом“?

Первым делом спросим себя, о каком движении мы говорим: о движении качеств, от одного через другое к третьему? или о движении количественном в пределах одного качества?

Если мы будем говорить о первом движении, то мы, конечно, не станем закрывать глаза на тот несомненный факт,

*) По формуле «да—да» и «нет—нет». Вл. С.

что одно качество, определенное качественно сочетание молекул, прежде чем превратится, сдвинется в другое качество, будет находиться какое-то время в состоянии неизменном (качественно). Так, например, если рассматривать движение общества как смену первобытного коммунизма натуральным хозяйством, последнего городским ремесленным, а этого последнего капитализмом, то не ясно ли, что капитализм в Зап. Европе как был капитализмом перед войной, так и остался им и теперь. Значит, капитализм как качество—противоставляемому качества: городское ремесленное общество и общество диктатуры пролетариата—оставался неизменным, в состоянии „покоя“. Наоборот, если рассматривать движение как смену ступеней количества с его бесконечно великими и малыми величинами, то здесь—в пределах данного качества уже никакого покоя мы не найдем.

Когда меня спросят: имеет ли человек вес? Я отвечу: „да—да“, ибо идет речь о свойстве данного качества. Но если меня спросят: какой во мне вес в данный момент, то я дам ответ: „да—нет“, т.-е. 4 п. 10 фун. и не 4 п. 10 фун., ибо здесь речь идет уже о количественном движении, которое непрерывно, без мгновения покоя изменяется.

Хорошо ли, что дождь идет?

Вообще, „да—да“, хорошо, так как дождь является свойством данного качества, определенного качественно сочетания молекул в земле, в атмосфере, в зерне, в колосе, в человеке и т. д.

Но в частности: „да—нет“, и „нет—да“, так как три дни дождь идет, может быть, хорошо для зерна, а 10 дней—уже плохо, так как, одним словом мы рассматриваем вопрос в количественном отношении.

Но хорошо ли, что дождь идет в жаркое время года?

И на этот вопрос мы ответим согласно „качественно-количественной“ формулы. Мы сказали: если речь идет о дожде в отношении буржуазной дамочки, которой нужно быть в белых чулочках и туфельках в парке на людей посмотреть и себя показать, то дождь ей только помешает. Но для крестьян, поля которых задыхаются от отсутствия влаги, дождь является великим благом.

Почему даны разные ответы на один и тот же вопрос?

Да потому, что в обоих случаях на лицо два разных качества: одно—отношение между дождем и белыми туфельками барыни, другое—между влагой и хлебами.

Хорошо ли парламент, как учреждение, ограничивающее волю—бывшего неограниченного царя, представителя более реакционного, чем промышленная буржуазия, класса, или „долой парламент“? Как на этот вопрос должен ответить пролетариат? Если мы говорим о парламенте в обществе, качество которого

капиталистическое, и противопоставляем это общество качественно иному—феодалному или торгово-помещичьему, то мы скажем, что парламент вещь хорошая. Но если мы капиталистическое общество, как качество, противопоставим диктатуро-пролетарскому, как иному качеству, то парламент мы назовем вещь вредной.

Нужно ли идти в Думу или лучше бойкотировать ее? Опять таки, если качество трудящихся масс и рабочего класса, в первую очередь, таково, что они еще неспособны взорвать парламент извне, с улицы, путем хотя бы вооруженного восстания, то мы должны участвовать в выборах и даже идти в Думу, чтобы пользоваться ею, как трибуной, чтобы взрывать ее и изнутри.

Но если качество трудящихся вполне революционное, мы будем бойкотировать Думу и организовывать всеобщую забастовку и вместе с ней вооруженное восстание.

Закачивая о диалектике, мы дадим такую краткую сводку „свойств“ диалектики:

1. Все течет, все изменяется.

2. Все течет, все изменяется количественно в пределах данного качества и от качества к иному качеству.

3. Все течет, все изменяется в силу противоречия, как внутреннего (в самом, например, пролетариате между сознательными и менее сознательными), так и внешнего (между пролетариатом и буржуазией).

4. Все течет, все изменяется количественно в данном качестве (эволюционный процесс) и от одного качества в другое (революционный процесс).

Энгельс в Анти-Дюринге пишет: „При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом“.

5. Все течет, все изменяется и количественно и качественно, а потому надо пользоваться не одной из формул „да—да“ или „да—нет“, а обоими в зависимости от условий бытия.

1- 6. Как практический совет: смотри Ленина. „Еще раз о профсоюзах“:

„а) Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвления.

б) Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижения“ (как говорит иногда Гегель), изменении...

в) В третьих, вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критикой

(мерило, способ проверки. Вл. С.) истинны и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.

1) В-четвертых, диалектическая логика учит, что „абстрактной (отвлеченной от данных условий, не считающейся с ними, Вл. С.) истины нет, истина всегда конкретна (при данных условиях места и времени. Вл. С.)“, как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов“.

В противоположность диалектике метафизика рассматривает мир как сосуществование готовых вещей (или идей) и не признает факта превращения одной вещи в другую.

Теоретики катастрофической теории определенные метафизики, но и эволюционисты, не признающие скачков в природе, тоже метафизики, если они сохраняют последовательность.

Ведь если нет скачков, то нет ни появления предмета, ни его уничтожения, а значит весь мир состоит, состоял и будет состоять из тех вещей, которые имеются на лицо в данный момент, но только если вещь сейчас большая, то когда-то она была бесконечно малая, но все качественно, по существу та же самая.

Под метафизикой понимают часто „надуманность“, ответственную симуляцию, не считающуюся с жизнью.

В нашей литературе слово „метафизика“ употребляется в первом, строгом смысле этого слова.

13.

Взаимодействие в освещении диалектики.

В предыдущих главах мы уже подвели читателя вплотную к вопросу, как может обратно действовать на общественное тело его „душа“ и в каких пределах влияют на материальный базис и изменяют его материальные надстройки.

Нам теперь остается точно формулировать это положение, попутно пояснив его некоторыми примерами.

Укажем так же еще раз, что под общественной материей мы понимаем все отношения, т.-е. все действия между обществом и природой, с одной стороны, и между частями общества (между людьми), с другой. Это бытие, пользуясь термином Маркса. Под общественным духом мы понимаем общественные психику и идеологию, т.-е. сознание, в котором отражается общественное бытие.

Общество, как материальное тело, можно рассматривать как постройку, в которой имеется базис (основание) и надстройка (этажи).

Под базисом мы понимаем технику, то-есть те отношения людей к природе, в которые они вступают в производ-

ственном процессе, и соответствующие этой технике отношения людей друг к другу, т. е. экономикy. В качестве надстройки в таком случае окажутся все прочие отношения людей друг к другу,—кроме трудовых (производственных), т. е. отношения на почве политики, нравственности, религии и т. д.

Мы уже раньше видели, что наше сознание само из себя не может появиться, что различные законы и формулы, которыми пестрят разные ученые книги и учебники, в конечном счете есть выражение в словах, в нашем сознании закономерности природы и общества, что наше мышление черпает только из материального бытия, которое оно хорошо или плохо, так или сяк, классифицирует, обобщает, устанавливает в нем различия и т. п. При этом, нужно заметить, что материальное бытие раскрывает себя нашим глазам (вернее чувствам), как в процессе действия людей, так и процессе бездейтельного созерцания, причем, львиную долю так-называемых законов мы познаем в трудовом процессе.

Мы указывали, что, непосредственно соприкасаясь с внешним миром, мы открываем в нем новые качества, но в этом качестве мы можем чисто мыслительным—волевым—путем идти от одной ступени его количества к другой.

Так, например, если до 1400 г. существовало печатание карт и образов с деревянных досок, а Ж. Костер стал разрезать ксилографические доски на отдельные буквы, то Гутенбергу не надо было непосредственно из практики брать способ литья букв из металла, а Шафферу—из особого металла (меди).

До металлических вообще, и медных в частности, букв непосредственно из практики были открыты следующие качества:

1) Печатание с деревянных досок; 2) выливание из металла разных предметов. Чисто логическим порядком можно было и Гутенбергу и Шафферу додуматься до нового использования данных качеств, что и выразилось в пользовании вылитыми из металла буквами.

В практике мы открываем новое (качество), чисто логически мы разносторонне (количество) совершенствуем новый принцип.

Возьмем химию.

В теории флогистона принималось, что металлические известки являются более простыми веществами, которые, соединяясь с флогистоном, переходят в металлы, если же у последних отнять флогистон, то они снова превращаются в известки. Это качество (химическая определенная теория) оставалось пезыблемым, пока не было непосредственно из практики узнано, что известки тяжелее металлов, хотя последние по теории флогистона являются известками плюс флогистон, и пока на

практике же не был открыт кислород с его свойствами. Отсюда уже можно чисто логическим путем прийти к новой качественной теории, утверждающей, что переход в извести возможен при соединении с кислородом, а обращение в металл — при потере известиями кислорода.

Придя к тем же результатам в отношении серы и фосфора, Лавуазье опять-таки чисто логическим порядком мог дойти до всеобщности своей теории горения.

Перейдем к политической экономии.

Практика показала, что стоимость товара определяется трудом, затраченным на его изготовление и на изготовление всех средств производства, в том числе и сырья, вошедших в этот товар; труд же измеряется временем.

Та же практика указывала на разницу в результатах труда различных рабочих (обученных, чернорабочих и т. п.). Теорию трудовой стоимости можно было совершенствовать опять-таки путем логических рассуждений, и Маркс внес в нее поправку, подчеркнув, что труд должен быть общественно-необходимым и что труд квалифицированного рабочего нужно и можно сводить к труду простого необученного рабочего.

Другой пример: практика показала, что лучшие земельные участки приносят сверхприбыль. Появилась определенная теория дифференциальной ренты.

В дальнейшем она была развита очень подробно.

Было признано, что дифференциальная рента появляется не только в силу более высокого плодородия известных земель, но и в силу близости к железнодорожной станции, к судоходной реке, к густо-заселенному центру и т. д. Все эти дополнения суть количественное изменение той же качественной теории, и к этим дополнениям мы могли подойти и помимо непосредственной практики, опять-таки чисто логическим путем.

Сделаем общие выводы.

Приходя непосредственно в соприкосновение с внешним миром, мы делаем открытия: открываем способ добывания огня, открываем магнетизм, электричество, ренту, стоимость товара. Открывать мы можем и новое по существу (качество), и новые частности, детали (количество).

„Собственным же умом“, т. е. независимо от практики, от непосредственного общения с миром, мы в состоянии додумываться лишь до способов количественно изменять старые качества, до этого момента уже открытые.

Непосредственно из этого положения вытекает и ответ на вопрос, поставленный в заголовке этой главы.

Общество живет в непрерывном общении с природой; в борьбе с природой люди внутри общества находятся тоже в непрерывных отношениях между собою.

Жизнь общества является сплошным процессом действий.

Но общество не только действует, но и оценивает свои действия. В результате такой оценки создаются определенные идеологии.

Что такое нравственность, как не оценка наших действий с выводом: так должно поступать, а этак—не должно.

Рабочий класс, будучи эксплуатируемым классом и находясь в непрерывной борьбе с эксплуататорами, оценивает оба эти обстоятельства таким образом: должно бороться с эксплуатацией, как с великим злом.

Эта нравственная заповедь является ничем иным, как выраженным словами фактом (бытием) борьбы. За пределы качества, данного в бытии, нравственные формулы не выйдут, не могут выйти.

Тот же пролетариат, создавший заповедь нравственности определенного качества, может, опираясь на различные истины экономического, политического и пр. порядка, эту качественно целостную заповедь раздробить на целый ряд дробных, но того же качества заповедей—с землевладельцем и фабрикантом борись беспощадно, к средней буржуазии будь снисходительнее и т. п.

Эти дробные заповеди могут явиться простым выводом из целого ряда предпосылок—истин, открытых нами в различных областях общественных явлений.

Эти дробные заповеди, группируя вокруг себя общество в целом или в какой-нибудь его части, могут влиять и на государство, и на политику, и на трудовые отношения, либо содействуя их развитию, либо, напротив, замедляя.

Первое будет в том случае, если эти дробные заповеди верно отражают действительность, второе же—в случае искаженности отражения.

Возьмем такой пример. Пролетариат создает нравственную заповедь общего характера (качество): должно относиться дружелюбно ко всем, кто с рабочим классом.

Эту общую заповедь можно раздробить:

Относиться дружелюбно ко всем, кто:

- 1) был, есть и будет с пролетариатом;
- 2) был и есть с пролетариатом;
- 3) есть и будет с пролетариатом;
- 4) с пролетариатом без различия классового происхождения;
- 5) с пролетариатом, хотя бы и был его врагом раньше и т. д.

Возможны и другие изменения той же общей нравственной заповеди; например, дружественность в нисходящем порядке: а) старые большевики, б) большевики из бывших меньшевиков, в) большевики, недавно бывшие беспартийными, г) не большевики, но работающие с Советской властью, начиная от рабочих и кончая генералами Слещевыми.

Всем, знающим историю Р. К. П. и следившим внимательно

до последнего времени за перипетиями борьбы, хорошо известно, какую крупную роль играли такие дробные, детальные, частные заповеди, овладевшие не только партией, но и всем рабочим классом.

Относясь подозрительно к свежеспеченным большевикам, коммунистическая партия предохраняла себя и от мещанских влияний на программу и тактику и от провокации.

Ставя бывших меньшевиков в условия как бы испытуемых, партия оберегала свою неуклонную революционность.

Протягивая руку дружбы беспартийным рабочим, партия укрепляла единство рабочего фронта.

Приимая на службу Советской России генералов Слацевых, партия разлагала белую эмиграцию и враждебное офицерство, работающее в нашей армии. Но если бы партия стала товарищески пожимать руки генералам Слацевым, она бы внесла струю разложения в ряды партии и в ряды рабочего класса.

Читатель может спросить, какое отношение имеют все приведенные примеры к нравственности, когда их следовало бы отнести к области политики.

Мы еще раз, в таком случае, укажем, что все отношения как в экономике, так и в политике, так и в религии и т. д. могут расцениваться с точки зрения долженствования.

Такие оценки и есть нравственные.

Достаточно вспомнить те горячие споры, которые велись на заводах и фабриках по поводу возвращения ген. Слацева и отношения к нему Советской власти.

Одни говорили, что самый разговор с ним является безнравственным поступком; другие возражали, что для пролетариата нравственным бывает лишь то, что способствует победе рабочего класса и достижению коммунизма. И так далее.

Всем памятливы и те „нравственные“ соображения, которые приходилось выслушивать коммунистам, когда им пришлось прибегнуть к мерам насилия над меньшевиками и правыми эсерами: „Хорошо-ли сажать в тюрьму тех, кто когда-то сам отсиживался в царских тюрьмах и с кем вы сами, большевики, по этапу хаживали в места столь и не столь отдаленные“.

Во избежание неправильного понимания нашего определения нравственности, мы прибавим, что нравственный долг является долгом не по внешнему принуждению, а по внутреннему добровольному сознанию.

Итак, если все эти дробные нравственные заповеди правильно отражают действительность, они способствуют ходу жизни вперед, если же они ее отражают искаженно, то они будут лишь палками в колесах общественной колесницы.

Но и в том и в другом случае за пределы того качества, которое выражено в общей заповеди (относиться дружески ко всем, кто с рабочим классом), эти дробные заповеди не могут

вывести, ибо в тот период жизни рабочего класса, когда создалось указанное качество, пролетариат не может ни физически, ни духовно стать другом крупной буржуазии или врагом пролетариата иной страны. Это особенно ярко выделяется на примере с русским рабочим классом.

Возьмем теперь другую идеологию: религию.

Мы помним, как Колчак поставил на карту религиозность русского крестьянина.

Он заменил старый гимн новым—молитвою „Коль славен...“, он организовал целые полки имени Христа и, конечно, привлекал к себе немало искренних христиан, которые не прочь были свернуть голову „безбожникам большевикам“.

Здесь религиозные чувства содействовали политике Колчака, а в случае торжества последнего и буржуазной экономике. Но стоило было Колчаку сбросить с себя „демократическую“ маску, развернуть во всю ширь генеральскую карательную политику, благословить буржуазную экономику (эксплуатация рабочих, возвращение помещиков и т. п.), как экономический и политический факторы, толкавшие сибирских крестьян к большевикам, восторжествовали над религиозным, отталкивавшим крестьян от большевиков.

За пределы положенного экономикой и политикой качества религиозный фактор вывести не смог, но тормазом этому качеству он пока несомненно, является: крестьяне стояли бы в Советской власти ближе, если бы она устраивала торжественные богослужения, организовала блестящие церковные хоры, подыскивала на дьяконские места людей с дух захватывающим басом и т. д.

Итак, следовательно, идеология отражает общественное бытие и толкает, в свою очередь, людей на те или иные действия. Эта идеология всегда соответствует тому, что она отражает, т. е. общественному бытию, но соответствие может быть полным, и тогда оно способствует движению общества вперед, оно может быть ограниченным (отражать отмирающие отношения в обществе и не отражать новые, зарождающиеся), и тогда оно будет тормазом движению.

Общественное сознание через волю общества изменяет общественное тело только в пределах наличного, данного качества, ибо качество общественного сознания всегда соответствует качеству бытия (тела). Если качество общественного сознания изменилось, то только потому, что изменилось и качество бытия. Качество бытия—всегда причина, а качество сознания—всегда следствие, если отвлечься от количественных влияний.

То же самое приходится сказать и о влиянии надстроек в общественном теле на базис.

Они в своем качестве тоже должны соответствовать базису, что мы и показали в предыдущих главах.

Политические отношения в обществе обязательно соответствуют по существу, т.-е. качественно, общественной экономике, т.-е. производственным отношениям.

Качество государства тоже соответствует качеству экономики.

Но официально-политический строй не только соответствует экономике, но и влияет на нее, количественно изменяя.

Если советская власть является властью трудящихся, то в этом самом мы находим политическое выражение определенных производственных отношений (нет помещика и фабриканта, как экономических владык).

Однако принцип „вся власть трудящимся“ (качество) может быть на практике сужен или расширен, что несомненно, отзовется на экономике.

Например, в момент острой гражданской борьбы, когда часть трудовой интеллигенции и трудовой мелкой буржуазии выжидает развязки борьбы и даже уверена, что пролетариат будет побежден, — в эти моменты давать одинаковые политические права всем трудящимся, в том числе и чиновничьей интеллигенции, было бы для пролетариата лучшим донкихотством, так как политическое оружие при наличии у власти и враждебных контр-революционных группировок теряет нужную твердость и остроту, — этим оружием уже нельзя в полной мере способствовать развитию новых производственных отношений. Наоборот, если диктатуро-пролетарское государство встало на прочные ноги, если в этом убедилась и часть трудовой интеллигенции, если она поняла, что только совместной работой с пролетариатом можно улучшить положение общества и себя самих, — то лишать по прежнему политических прав эту интеллигенцию было бы невыгодно, так как своим недоверчивым отношением к ней мы задержали бы процесс ее сближения с нами, а в производстве получили бы от нее меньше, чем она может дать. Так политический фактор изменяет базис общественных отношений, не превращая его в качественно иной.

Мы уже раньше указывали, что наш разум только регистрирует (отражает), сортирует, исключает, обобщает тот материал который ему дает бытие.

Следовательно, и политический разум черпает из бытия, а не сам из себя.

Обыкновенно указывают, что в политических науках борются между собою целый ряд теорий, из которых каждая соответствует какому-нибудь бытию. Это, безусловно верно. Теории рабовладельческого государства, неограниченной монархии или крепостнической империи тоже отражают бытие, но

только бытие далекого прошлого. Сторонником этих теорий могут быть отдельные лица или отмирающие классы.

Но, ведь, мы, общественники, знаем, что личность сама по себе не может влиять на общество, что роль такой личности равна песчинке на морском берегу.

Мы знаем, что личность может играть роль только через массы людей, т.-е. через классы, сословия, армию, крупные или влиятельные группировки.

Мы, наконец, знаем, что отмирающие классы играют в обществе не самостоятельную роль, а роль пособника какого-либо жизненного класса.

А раз так, то теории, отражающие отжившее бытие, обречены на поражение в борьбе с другими теориями.

Но почему побеждают эти последние? Да только потому, что их поддерживают, за них борются те классы, те массовые группировки людей, которые составляют настоящую (данную) экономику.

Опять-таки, экономика, как базис, изменяет свое качество независимо от политики и других общественных отношений, политика же качественно измениться может только под влиянием новой качественной экономики.

Больше всего эти вопросы взаимодействия, волнуют современного читателя в связи с техникой, экономикой, политикой и т. п. Советской России.

И надо сказать, что эти вопросы особенно трудны, так как нельзя говорить о России, как о каком-то робинзоновском острове.

Приходится ставить вопрос о качестве этого мира, и не только капиталистического, но и колониального. Приходится учитывать и то положение, что самая постановка вопроса о „качестве“ чрезвычайно трудна, так как в лице мирового общества мы находим и какое-то единство, некий цельный „организм“, и одновременно ряд „организмов“, как бы единых тел, ведущих между собою ожесточенную борьбу.

Правда, то же мы имеем и в любом классовом обществе, но, если в последнем противоречия относительно просты, в мировом обществе эти противоречия до крайности сложны и не легко поддаются не только изучению, но даже простому наблюдению.

В нашем случае особенно важны также вопросы:

1) В какой степени техника капиталистического мира входит определяющим моментом в технику Советской России.

2) В какой мере экономика Европы является и нашей экономикой.

3) В какой мере наши надстройки влияют на их экономику, а наша экономика находится под воздействием их надстроек.

И много других вопросов.
Но это все относится не к методологии исторического материализма, а к его применению.

14.

Техника.

Мы уже определили раньше производственные отношения как базис общественных отношений.

Но во-первых, не все в идеологиях является отражением производственных и других общественных отношений: наша психика и наша идеология отражают также и технику.

Во-вторых, производственные отношения, хотя и служат базисом общественных отношений, однако сами изменяются не только количественно, но и качественно, и изменяются под влиянием техники.

Нам, следовательно, необходимо остановиться на роли техники в жизни общества и на причинах развития самой техники.

Мы уже указали, что техника—это активная связь людей с природой, но не обязательно в производственном процессе.

Поскольку мы будем определять экономику техникой, мы под последней будем понимать только производительные силы, т.-е. производственный процесс людей, пользующихся орудиями и средствами производства.

Наоборот, когда мы будем говорить о технике, отражаемой нашим сознанием, то в этом случае слово „техника“ мы будем понимать в широком смысле слова: связь и активная и созерцательная субъекта—общества (сознание) с объектом—внешним физическим миром (бытие).

Каким образом, производственные отношения могут измениться и качественно, и количественно, под влиянием техники—производительных сил?

На этот вопрос читатель найдет обстоятельный ответ в марксистских работах по развитию форм хозяйственного быта, а также и в большинстве работ по историческому материализму.

Нам придется лишь бегло иллюстрировать этот момент, чтобы перейти ко второму, нами поставленному вопросу.

Первобытное родовое коммунистическое общество. Примитивная техника. Люди в одиночку и маленькими группками не выживают. Отсюда лишь крупные группы в несколько десятков человек.

Производственные отношения—коммунистические, так как примитивная техника требует массового сотрудничества, охоты на зверей, рыб и за человеком всем родом, приспособления под жилища больших пещер, дежурства круглые сутки, поддержива-

ния огня опять — таки совместными усилиями и в порядке дежурств.

Период домашнего замкнутого хозяйства (коммунистически-семейный строй). Техника усложнилась. Некоторые работы могут быть выполнены небольшой группой лиц. Оставаясь внутри рода, выделяется в нем семья. Часть работ выполняется всем родом (техника все еще примитивна), другая часть — семьей (в этой части техника поднялась на более высокую ступень).

Развитие техники повлекло за собой разложение коммунистических трудовых отношений и превращение их в смешанно-коммунистически-семейные.

Городской ремесленный строй. Техника шагнула еще выше. Появились инструменты, которыми можно проводить весь производственный процесс одному человеку. Из семьи выделяются отдельные ремесленники, начинают кристаллизоваться, складываться классы. Со временем образуются целые семьи, занятые ремесленническим трудом. Производственные отношения теперь базируются на общественном разделении труда: земледельцы и ремесленники, деревня и город.

Обмен, как неперемное условие существования общества. Мануфактурный период. Техника — сложная. Сотни отдельных инструментов, богатый выбор сырья (шерсть, растительный материал, металлы, красящие вещества и т. п.). Многими специальными инструментами можно сделать только часть изделий. Изготавливать можно громадные массы изделий. Появляется большая мастерская с большим числом ремесленников, перерабатывающих большие массы сырья, путем широкого технического разделения труда.

Большая мастерская, масса сырья и т. д., не могут быть сосредоточены в руках каждого работника. Появляется будущий фабрикант, пока крупный частный собственник, владелец мануфактуры. Производственные отношения, следовательно, характеризуются частной собственностью на средства производства, широким техническим разделением труда, общественное разделение труда разворачивается вширь и вглубь, обостряется классовая борьба, громадные массы продуктов ведут к образованию громадного рынка, и так далее.

Капиталистический строй. Техника — машинная. Заводы, фабрики. Сотни и тысячи рабочих группируются вокруг системы машин (электрическая станция, молоты, станки, веретена и пр.).

На лицо целые коммуны в виде рабочих разных квалификаций, чернорабочих, служащих, сторожей. Завод — собственность фабриканта. Собственник окружен гвардией из управляющего, наблюдающих, инженеров, мастеров. Машина — вещь сложная. Система машин — еще сложнее. Производственный процесс с участием машин требует сложной системы исполнителей, надсмотрщиков, организаторов, ученых, консультантов.

Будущее коммунистическое общество. Техника весьма сложная и могучая как в промышленности так и в сельском хозяйстве. Электрофикация. Коммуны ведут хозяйство, вступая друг с другом в добровольную связь. Производственные отношения, следовательно, коммунистические. Система машин требует не профессиональных навыков, вырабатываемых долгими годами ученья и работы, а знакомства с отдельными звеньями (машинами, станками и прочее) системы машин; нужен не столько работник-производитель, сколько работник-наблюдатель, контролер. Коммунары получают, следовательно, возможность, записаться не одним постоянным делом, а разным. Значит останутся самые разнообразные виды труда, но не будет деление людей на профессиональные группы. Производственные отношения людей, таким образом, перестают быть отношениями профессионалов.

Так мы доказываем, что определенному качеству техники (производительных сил) соответствует и определенное качество экономики (производственных отношений)

Переходя к влиянию техники, понимая под ней всякие отношения людей к внешнему для них миру,—на нашу идеологию, мы должны указать, что техника отражается в нашем сознании как через экономику, которую она определяет через всевозможные общественные отношения и т. д., так и непосредственно.

Так, например, первобытная техника, характерная подчиненностью общества природе, вызвала религиозную идеологию, выразившуюся в поклонении душам животных и других элементов внешнего мира.

Все наши художественные произведения изображают различные картины внешнего мира, как они отражаются в нашем сознании. Современный футуризм в значительной доле есть нечто иное, как отражение в головах футуристов современной техники крупной промышленности с ее грохотом паровозов, автомобилей, криком заводских свистков, гулом металлургического завода и т. д.

В будущем, бесклассовом обществе все общественное сознание будет иметь содержанием в подавляющей части технику, следовательно, те отношения, в которых будут находиться люди к природе.

В классовом обществе, и особенно в капиталистическом, общественное сознание вертится преимущественно вокруг вопросов общественной борьбы: класса с классом, одного общества с другим, одной семьи с другой семьей и т. д.

Коммунистическое общество будет обществом без противоречий, без внутренней борьбы, без партий, без границ между Франциями и Германиями.

Но зато усилится борьба общества с природой; эта борьба и будет отражаться в людских головах.

Предисловие Маркса к „Критике некоторых положений политической экономии“.

Это предисловие является изумительным произведением во всей истории научной мысли. На протяжении каких-нибудь полутора страниц Маркс изложил в нем квинт-эссенцию материалистического взгляда на общество и его историю.

Знакомство с этим предисловием необходимо каждому пытливому читателю, а тем более коммунисту, почему мы и приведем полностью ту часть предисловия, в которой дана канва исторического материализма.

„Первый труд, который я предпринял для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр человеческой философии права; вступление к этому труду появилось в немецко-французских Ежегодниках (Deutschfranzösische Jahrbücher), издававшихся в 1844 г. в Париже. Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так-называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях существования, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII в., назвал „гражданским обществом“—анатомию же этого общества надо искать в политической экономии“.

Эти строки направлены Марксом против той точки зрения, которая выражалась в том, что Дух в процессе самосозерцания (созерцая самого себя) творит общественную жизнь; переводя это, на наш более удобоваримый язык, мы получим следующее: люди собственным разумом независимо от материальной жизни, надуманное претворяют в статьи закона и тем самым заставляют общество жить, как в законах написано или как устное (неписаное) право требует.

Маркс опровергает эту точку зрения, утверждая, что правовые отношения, и государственные, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из развития человеческого духа, а только из материальных условий существования. Какой смысл имеет слово „материальных“?

Мы уже раньше указывали, что под материей марксизм так же как и материалисты XVIII в., понимает все то, что вызывает в нас ощущение, если приходится в соприкосновение с нашими органами чувств. Отсюда не трудно вывести заключение, что надо понимать под „материальными условиями существования“. Это — все те условия, которые несут чувственный характер, т.-е. которые мы видим, слышим, ося-

заем и т. д., и в первую очередь те условия, в которых мы добываем средства своего существования.

Вслед за цитированным нами местом в „предисловии“ Маркс пишет:

„Изучение политической экономии, начатое мною в Париже, я продолжал в Брюсселе, куда я перекочевал по милости приказа Гизо о моей высылке. Общий результат, к которому я пришел и который, раз он был найден, служил мне руководящей нитью в дальнейших занятиях, можно кратко формулировать так:

В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независимые отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания“.

Здесь устанавливается разделение общественного тела на базис (основание) и надстройки, причем под базисом понимаются не материальные производительные силы, как неудачно истолковывают Маркса некоторые его последователи и критики, и не экономика (производственные отношения), как в своих статьях против Бельфора Бака говорит Каутский, а производственные отношения вместе с материальными производительными силами, которые соответствуют им.

Маркс не отрывает экономики от техники, так как производственные отношения людей это как раз те отношения, в которые люди вступают друг с другом, производя, трудясь, т.-е. приводя в движение внешние производительные силы и сами будучи производительными силами.

Маркс не отрывает и технику от экономики, ибо техника есть ничто иное, как трудовые отношения людей к внешним для общества силам.

Людей же мыслить вне общества нельзя, и Маркс это знал лучше, чем кто либо из его предшественников и современников. Поэтому Маркс и называет базисом в общественном теле производственные отношения с материальными производительными силами.

Этот базис складывается независимо от людей, независимо от их воли. Это положение нужно понимать не в том смысле, что люди бессильны изменять базис, что от людей ничего не

зависит. Наоборот, Маркс всегда звал пролетариат к борьбе за изменение общественной жизни, к борьбе за коммунистические отношения.

В знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе Маркс говорит:

„Философы лишь об'яснили мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы изменить его“.

Чтобы понять, что хотел сказать Маркс, утверждая независимость от людей их производственных отношений, нужно помнить, что он вел борьбу с идеализмом, как господствовавшим тогда течением общественной мысли; нужно помнить и то, что сильный тогда анархизм утверждал свободу человеческой воли.

Поэтому Маркс резко формулировал обратную точку зрения, но в различных своих работах не устал указывать, что всякие общественные отношения в известной доле складываются под влиянием человеческой воли, но эта воля имеет предел в воле других людей, других классов, других обществ; кроме того, этой воле поставлены границы и внешним для людей миром.

Иными словами, если я захочу прыгнуть на луну, то этого сделать я не могу, так как человечество не осилило еще природы в такой степени, чтобы при помощи ли крыльев или внутриатомной энергии делать такие головокружные прыжки. Здесь человеческой воле поставлены границы существующей техникой.

Но мы, коммунисты, не можем изменить и производственных отношений так, чтобы они сразу стали коммунистическими, хотя бы производительные силы уже были готовы для коммунистических отношений, не можем потому, что производственные отношения во всем мире классовые, что воле пролетариата противопоставлена воля других классов, а потому в результате отношения складываются не так, как желает тот или иной класс.

Производственные отношения, как объективно необходимая группировка людей в трудовом процессе, соответствуют определенной технике и составляют экономическую структуру общества (базис), над которой вырастают юридическая (правовая) и политическая надстройки.

Здесь, следовательно, идет речь о базисе и надстройках в общественном теле, в материи общества, в его бытии.

Этому телу соответствуют определенные формы общественного сознания, т.-е. „душа“ общества, иными словами, психика и идеология общества.

Эти формы общественного сознания не ведут независимого существования, но отражают общественное бытие, почему Маркс в другом месте и называет их надстройкой:

„На различных формах общественности, на общественных условиях существования возвышается целая

надстройка различных своеобразных чувств и, иллюзий, взглядов и понятий“.

Таким образом, когда Маркс берет общество в целом, то, определяя, что в нем тело и что душа, эту последнюю он называет надстройкой над телом.

И дальше, когда он анатомирует общественное тело, он под базисом понимает производственные отношения, соответствующие определенной технике, а под надстройкой — все остальные общественные отношения.

Устанавливая свое расхождение с идеалистами всех оттенков, Маркс дает свою знаменитую формулу об определении сознания бытием, которую применил к различным сторонам общественного сознания и наиболее, после Маркса, ярко выразил Энгельс.

„...мы отклоняем — пишет он в Анти-Дюринге — всякое желание навязать нам какую бы то ни было нравственную догму, как вечный, самодовлеющий, а следовательно, и неизменный нравственный закон, под тем предлогом, что и нравственный мир управляется своими неизменными, стоящими вне истории и вне народных различий принципами. Мы, наоборот, утверждаем, что все существовавшие до сих пор теории морали были, в последнем счете, продуктом данной экономической структуры общества“.

Относительно религии Энгельс тоже последовательно проводит изложенную Марксом в „Предисловии“ точку зрения.

В Анти-Дюринге он пишет:

„Все религии являются ничем иным, как фантастическим отражением в сознании людей тех внешних сил, которые господствуют над их повседневным существованием, — отражением, в котором силы земли принимают „надземные“ формы“.

Здесь отмечается отражение в общественной голове технического момента в широком смысле этого слова. А дальше он указывает, как религиозное сознание начинает отражать и экономику, с того момента, как эта последняя стала противоречивой, т.-е. классовой:

„Но вскоре, рядом с силами природы, на сцену выступают также социальные силы, которые в начале представляются людям такими же чуждыми и непонятными, и которые с такой же естественной необходимостью господствуют над людьми, как и силы природы. Фантастические образы, в которых в начале отразились только таинственные силы природы, получают при этом общественные атрибуты и делаются представителями исторических сил“.

Так устанавливает Маркс—Энгельс новый взгляд на развитие общества. Мы его называем не потому новым, что он

материалистичен: ведь и до Маркса многие историки объясняли историю с точки зрения материализма.

Новым он может быть назван потому, что марксистский материализм не только устанавливает примат (первенство) материи над духом, бытия над сознанием, но и потому, что он оперирует с материей, как со сложным единством (целым) и обнаруживает характер связи между материальным базисом и материальными надстройками.

До сего момента мы привели лишь первую половину знаменитой методологической части „Предисловия“, касающуюся материалистического понимания истории.

Дальнейшая половина касается диалектики общества.

Мы читаем:

„На определенной ступени своего развития материальные производственные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или употребляя юридическое выражение, с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и идеологическими формами — юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, в которых люди воспринимая в своем сознании этот конфликт и в которых вступают с ним в борьбу. Как мало можно судить об отдельном человеке по тому, что он сам о себе думает, так же мало можно судить о такой эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание нужно объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями“.

Здесь нам дан ответ, почему изменяются формы нашего мышления, различные общественные отношения, в том числе и производственные.

Базис не есть нечто безпротиворечивое целое. Наоборот в самом базисе мы находим силы, вступающие друг с другом в конфликт, в противоречие.

Когда техника развивается до таких форм, которым перестают соответствовать производственные отношения, наступает скачок, революция, после которой устанавливается соответствие экономики — технике.

В свою очередь, новый базис, т.-е. новое соотношение производственных отношений и производительных сил приходит в противоречие с настройкой, т.-е. различными общественными отношениями.

В результате,—переворот в этих последних и быстрое революционное изменение их в сторону соответствия базису. Общество живет в противоречиях. Противоречия двигают общество вперед. В этом — диалектика развития.

Эта часть прецисловия заканчивается следующим общим очерком истории человеческого общества:

„Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производственные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах старого общества.

Поэтому, человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как, при ближайшем рассмотрении, всегда окажется, что сама задача только тогда вывигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения.

В общих чертах можно отметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, но такого, который вырастает из условий общественного существования индивидуумов. Но производительные силы, развивающиеся в недрах буржуазного общества, создают в то же время материальные условия, необходимые для разрешения этого антагонизма.

Этой общественной формацией завершается, поэтому, пролог к подлинной истории человеческого общества“.

Так Маркс перенес диалектический материализм на общество; так сжато и отчетливо сформулировал он в „Предисловии“ новый метод, в приложении его к истории, пользование которым принесло неисчислимые плоды как в исследованиях самого Маркса, так и в работах его учеников.

Это „Предисловие“ являлось той путеводной нитью, руководствуясь которой марксисты выходили из самых запутанных лабиринтов общественной жизни и которой держались, часто не будучи даже знакомы с марксовым предисловием, многие буржуазные историки, поскольку они доискивались правильного освещения общественных вопросов и не могли такого дать при-

меняя методы идеалистических школ и течений механического материализма.

Это „Предисловие“ является тем историческим документом, который вечно молод, поскольку нам и нашим будущим поколениям придется разбираться в сложном клубке явлений классового общества.

Но в нем заключены и такие положения, которые действительны для всех обществ, всех времен и пространств, коммунистических и классовых, прошлых, настоящих и будущих.

Эти положения формулированы в словах Маркса о сознании, которое определяется бытием, о соответствии производственных отношений производительным силам, о характере развития общества, т. е. диалектике. Это—те истины, которые мы можем назвать абсолютными, вечными истинами, и к которым человечество пришло через длинный ряд относительных истин.

16.

Историю делаем мы сами.

Когда марксисты говорят о технике и экономике, о надстройках и базисе, у многих часто слагается какое-то механическое толкование марксизма.

В их понимании—все эти „экономики и техники“ являются чем-то вневещным, какими-то силами, действующими на общество со стороны, а когда т. Ленин указывает, что государственный капитализм—это мы сами, то такого слушателя эти слова приводят в тупик:

„А как же тогда с техникой? с экономикой? — спрашивают они.

Мы уже неоднократно на страницах этой брошюры определяли технику, как трудовые отношения людей к природе, а экономику, как отношения людей к людям в производственном процессе.

Нам в этом очерке хотелось бы наглядно показать, что означают слова, что историю делаем мы сами, а так же выяснить, как эта история делается в базисе и надстройках в их совокупности.

У Маркса в первом тезисе к Фейербаху имеются такие слова:

„Главный недостаток материализма—до Фейербаховского включительно—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно“.

В третьем тезисе Маркс говорит:

„Материалистическое учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания, и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания,—забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан...

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть правильно понято только в том случае, если мы представим его себе, как революционную практику“.

Мы привели эти цитаты с единственной целью показать, сколь ошибочно механическое толкование марксизма, приводящее к пониманию его, как фаталистического учения.

Попробуем очеловечить общественное тело с его базисом и надстройками, а также и общественное сознание.

Мы тогда найдем следующее:

В обществе—возьмем хотя бы Советскую Россию—имеется базис, т.-е. экономика соответствующая технике.

Что это за базис? Является ли он чем-то неразложимым абсолютно простым, как хотя бы тот атом, который естествоиспытатели считали неделимым.

Рассматривая советский базис, мы находим в нем целую лестницу экономик и техник.

И, действительно, где-нибудь на берегах Северного Ледовитого океана целые народы живут чуть ли не первобытно-коммунистическим обществом; вся крестьянская Россия частью все еще пребывает в состоянии натурального хозяйства, частью уже стала торговой Россией; в городах и селах мы встречаемся с ремеслом и мелкой промышленностью; в промышленных центрах царит крупная промышленность.

Мы, следовательно, в качестве базиса имеем ряд техник с экономиками, которые как бы возвышаются одна над другой.

Но что значит—базис натурального хозяйства?

Это значит (в нашей действительности) кочевники скотоводы, земледельцы, разбитые по самостоятельным семьям, из которых каждая производит сама для себя все то, в чем она нуждается, пользуясь слабыми производительными силами (напр., борона с деревянными зубьями). А что значит—базис торгового хозяйства деревни и городского ремесла? Это значит те же семьи, но работающие на рынок и встречающиеся на нем в качестве конкурентов, смотрящих на покупателей, как на дойную корову, и пользующихся более высокими производительными силами (напр., плуг, борона с металлическими зубьями, искусственное удобрение).

Базис нашего государственного капитализма—это мелкие фабрики с частными владельцами и рабочими на них, это

организованные в артели и союзы кустари, которых государство пытается привлечь к работе на власть и трудящееся общество, это—те концессионеры, крупные предприниматели, которые работают на договорных началах с государством.

И, наконец, у нас имеется социалистический базис в лице государства—собственника, крупных фабрик и заводов, рабочих, работающих на них, инженеров, управляющих, администраторов.

В каждом базисе—своя техника, т. е. особый, ему свойственный производственный процесс, а именно:

В натуральном хозяйстве занимаются скотоводством или земледелием примитивными орудиями труда, совсем или почти не пользуются научными советами и приемами; в хозяйствах, работающих на рынок, с природой справляются легче используя, например, землю под огороды, сады, бахчи, оранжереи, выращивая удоинный скот, тонкорунных овец, пользуясь специальными инструментами при изготовлении одежды, обуви, мебели, обоза, ткани и т. п.; кооперированные кустари приобретают более совершенные орудия труда, а мелкий или средний арендатор фабрики или завода ставит рабочих к станкам и машинам; на наших государственных промышленных предприятиях мы находим целые системы—и часто очень сложные—машин, при которых работают рабочие всевозможных профессий и квалификаций.

Экономика каждого базиса тоже своеобразна, отлична одна от другой.

На каждой крупной государственной фабрике (социалистическая техника) работают сотни и тысячи рабочих, связанных друг с другом и сотрудничеством (делает одно и то же дело), и разделением труда (один продолжает дело другого), подчиненных администрации и техническому персоналу, которые сами, в свою очередь, подчинены заводууправлению, главному правлению, ВСНХ, как органам Советской власти.

Эта экономика (отношения людей к людям, рабочих к инженерам и администрации, заводууправления к тем и другим в производственном процессе) носит характер, объективно говоря, содружества, ибо у аппарата в целом имеется—вопреки воле отдельных лиц—одна цель: усилить мощь всего общества, всего государства.

Экономика государственного капитализма, как мы его выше определили, носит иной характер: здесь люди в лице рабочих, технического персонала, управляющего, владельца находятся частью в содружестве, частью в враждебном отношении друг к другу; владелец старается выжать из рабочих как можно больше прибавочной стоимости, управляющий и администраторы помогают ему в этом, а рабочие к ним ко всем относятся как к своим классовым врагам.

В натуральной деревне, где хозяева обслуживают почти во всем сами себя, почти ничего не покупают на рынке, отношения людей друг к другу уже совсем иные: в семье царит „сам“, а все остальные пахотятся от него в полной зависимости, отдельные семьи самостоятельны одна от другой, но зависят от мира в общих вопросах (работы по орошению, установление обязательного севооборота и т. п.).

Мы видим, таким образом, что техника и экономика, это — сами люди в их трудовой связи с природой и с людьми. В каждом классовом обществе мы имеем одновременно несколько экономик и техник, которые, однако, представляют единство, так же как и лестница едина, хотя в ней имеются и низшие и высшие ступени, причем из всех техник и экономик в каждый данный момент эволюционного развития общества господствует одна какая-нибудь.

В Англии, например, мы можем назвать господствующей экономикой с ее техникой высокоразвитую капиталистическую. Поэтому мы часто говорим об экономике или технике какой-нибудь страны, как о чем-то вполне выкристаллизованном, однородном.

Все эти ступени базиса находятся в противоречии одна с другой, и капиталисты, например, не прочь целиком слотнуть мелкую промышленность, так же, как мелкие предприниматели признают все силы ада обрушиться на головы их могущественных промышленников-конкурентов.

Крестьянин, работающий на рынок, всеми силами борется с экономикой натуральной хозяйства, так как она мешает ему перейти к более совершенным системам хозяйства, чем трехполье, передель, чресполосица и т. п. Следовательно, люди одной экономики борются с людьми другой экономики, и эта последняя, таким образом, рисуется нам совершенно очеловеченной.

На почве каждой данной экономики и соответствующей ей техники, возвышаются различного рода надстройки, в виде правовых, политических, религиозных и проч. отношений между людьми.

Та часть общества, которая живет в определенной экономике, старается укрепить свои надстройки и не дать развиваться чужим, враждебным ей надстройкам.

Однако, в классовом обществе ни одна экономика не может стать единственной, почему и в надстройках мы находим не только господствующую, но и остальные все.

Так происходит борьба за те или иные формы государства, за различные законы, за ту или иную религию и т. п., причем в зависимости от победы людей данной экономики господствующими становятся и ее надстройки.

В любом буржуазном своде законов имеются статьи, со-

хранившиеся от старых времен, когда еще господствовала другая, теперь подчиненная экономика.

В любой религии, мы имеем остатки старых религиозных воззрений, старых обрядов. Современные христиане в то же время и язычники, поскольку они признают существование домовых, ведьм, леших, а в религиях отсталых народов (хотя бы наших калмыков), если они живут в обществе с более высокими экономиками, мы найдем элементы современных религий (у калмыков—христианства).

Люди данной экономики и соответствующих ей надстроек имеют определенное мировоззрение (идеологии) и свои идеологии защищают, пропагандируют, стараются сделать их всеобщими, тогда как люди других экономик борются с этими идеологиями, отстаивая свои.

На-ряду с общественной борьбой в таком разрезе, происходит борьба и в ином разрезе, которую мы называем классовой. В первом случае люди данного базиса выступают, пользуясь соответственными ему надстройками и идеологиями, против людей другого базиса, причем эксплуатирующий слой, командующая часть благодаря более высокой культуре ведет за собой эксплуатируемые слои, еще не выработавшие в себе классового сознания.

Во втором случае, люди объединяются по классовым признакам, и, обычно, слои данного класса более высокой экономики и руководят слоями этого же класса отсталых экономики и техники.

Вот почему, в частности и у нас в России, во главе всех эксплуатируемых встал рабочий класс, а командные посты занимают рабочие наших крупных фабрик и заводов,—путиловцы, сормовцы, прохоровцы и т. п.

Новые формы экономики и техники, в лице системы машин и крупной концентрации рабочих, развиваются значительно быстрее, чем старые формы, и быстро обгоняют отсталые формы экономики и техники, приобретают несравненно больший удельный в жизни общества вес.

В этом одна из главных причин, почему Россия с 80% крестьянства, могла создать у себя советскую форму государства: в России имеется крупная промышленность, по всей технике и экономике стоящая рядом с промышленностью высокообразованного капиталистического мира. Конечно, рядом с этой причиной действовал и ряд других; но говорить об них—значит отклоняться от темы.

Так, вся общественная жизнь с ее базисом и надстройками, с ее психикой и идеологиями оказывается ничем иным, как самими людьми, в классовом обществе—друг с другом сотрудничающими и враждующими, а в коммунистическом—находящимися только в сотрудничестве.

Так, марксистская теория оказывается теорией объективного хода вещей, как результата и субъективных действий отдельных обществ, классов, сословий, групп, отдельных лиц.

И поскольку объективный ход, вещей создается нами самими, перед нами стоит вопрос о нашей свободе воли, а для пролетариата,—о свободе воли его класса.

Общественная мысль много билась над вопросом, что понимать под свободой воли и есть ли она у людей, и только немецкий философ-идеалист Гегель точно сформулировал понятие свободы. Мы, марксисты, приняли его формулу, переделав ее на материалистический лад, и говорим, что ни о какой абсолютной свободе говорить нельзя, поскольку люди суть общественные животные, во-первых, и являются лишь частью бытия, частью материального целого, во-вторых. О какой абсолютной свободе может идти речь, если природа нам ставит пределы: сколько бы нам ни хотелось жить сверх своего теперешнего века, мы этого не вольны (не свободны) сделать, пока не изменили природу внешнего для нас мира и свою собственную.

Можно ли говорить об абсолютной свободе, если мы живем в обществе и нашим желаниям, поскольку они проводятся нами в жизнь, противостоят желания других людей.

Это касается свободы отдельных лиц. То же самое можно сказать и о свободе классов, о свободе отдельных обществ и т. д.

В будущем коммунистическом обществе, где не будет классов, не будет границ между отдельными странами, в обществе всего Человечества у этого последнего тоже не будет абсолютной (чего хочешь, то и делай) свободы, так как человечеству будет противостоять природа, которую люди никак не покорят до конца.

Значит, заниматься разговорами об абсолютной свободе, это—заниматься метафизической болтовней.

Но можно говорить о свободе относительной, о свободе в каких-то пределах.

Гегель говорит, что свобода есть познанная необходимость. Мы эту формулу расширили и сказали, что, например, класс, познавший необходимость и действующий согласно этой необходимости, является свободным классом.

Чтобы пояснить это наглядно, возьмем такой пример. У Ивана имеется 300 тыс. рублей и он голоден. Не зная рыночных цен на хлеб, он купил у торговли 1 фунт хлеба, тогда как у других на 300 т. р. можно купить $1\frac{1}{4}$ ф. хлеба.

Этого Ивана мы не можем назвать свободным человеком, так как он оказался не волен использовать наиболее выгодным образом для себя рынок.

Наоборот, если бы Иван познал необходимость, иначе сказать, если бы он всесторонне обследовал рынок, тогда бы он свои 300 т. р. использовал в полной мере возможностей.

Когда человек знает, что ему предоставлено необходимо-стью, он волен (свободен) произвести наиболее ему выгодный выбор, если же он не знает всех предоставленных ему необходимо-стью возможностей, он делает выбор из более узкого мира вещей и явлений; он уже не свободный человек, а раб своего незнания. Класс, хотя бы пролетариат, не зная необходимо-сти, ломает машины, идет за либералами или мелкобуржуазными партиями и тем самым наносит себе вред.

Класс, который познал необходимо-сть, силы, слагающие эту необходимо-сть, законы ее и т. п., свободно избирает правильный путь, свободно наступает, отступает, обороняется, свободно содействует приближению объективной цели.

Мы, люди, живем среди людей, т.-е. в обществе, мы принадлежим или присоединяемся в своей деятельности к тому или иному классу, защищаем и нападаем на ту или иную экономику с надстройками и идеологиями, мы совершаем умные и глупые поступки, мы наносим удары сильно и метко, либо слабо и невпопад.

Так делаем мы, люди данного класса или данного базиса, так делают и люди другого класса или другого базиса. Мы можем меньше делать ошибок, изучая необходимо-сть, лучше использовать ошибки своих врагов, плохо познавших необходимо-сть или поступающих вопреки ей.

От этого будет зависеть темп общественного движения к объективной цели. Поэтому мы, марксисты, подчеркиваем громадное значение научного мировоззрения, поэтому мы стремимся, чтобы марксистская идеология проникла в головы пролетариата и примыкающих к нему слоев общества. Мы знаем, что объективная необходимо-сть есть результат скрещивания многих сил, одна из которых—наш класс с его партиями. Мы знаем также, что если из этих действующих сил наша сила окажется более сильной, то и объективная необходимо-сть будет более благоприятной для нас.

Таким образом, всякие обвинения нас, марксистов, в фатализме, в желании подчеркнуть подчиненность людей и классов каким-то железным объективным необходимо-стям, отпадают, ибо мы применяем субъект с объектом и указываем, что если для пролетариата, как субъекта, весь мир, включая остальные классы и природу, и есть объект, то для других классов пролетариат сам является объектом; что объективная необходимо-сть это есть необходимо-сть целого, частью которого являемся и мы, и наш класс, как субъект.

„В конечном счете...“

Энгельс в письме от 21 сентября 1890 г. пишет:

„Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют форму (форму, а не содержание. Вл. С.) ее различные моменты надстройки:— политические формы классовой борьбы и ее результаты— конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников— политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм“.

И дальше:

„Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые (марксисты. Вл. С.) иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов, отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии..... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших „марксистов“, и благодаря этому, иногда возникла удивительная путаница“.

Когда-то Плеханов самым решительным образом протестовал против названия исторического материализма „экономическим“. Это было в ту пору, когда и среди марксистов палка перегибалась в сторону экономики так сильно, что от влияния надстроек ничего почти не оставалось, и в лагере наших врагов критиковали Историческую теорию марксизма беря работы не Маркса—Энгельса, а именно „молодых марксистов“.

Теперь в нашей молодежи сильно „экономическое“ течение благодаря плохому знакомству с классическими произведениями марксизма.

Мы уже раньше говорили, что настройки влияют на базис, даже изменяя форму, как говорит Энгельс, или количество базисного качества, как предпочитаем говорить мы (по существу разницы здесь никакой нет).

В этом же очерке нам хочется пояснить читателю, какое практическое значение имеет марксистский метод, поскольку мы имеем дело с „в конечном счете“.

Возьмем такой пример. Рабочий Иксос перешел в лагерь буржуазии. Поскольку такие случаи встречаются часто, мы должны объяснить его. Будем ли мы искать причины в характере производства с воспроизводством или мы к нему придем лишь „в конечном счете“?

Конечно, во многих случаях нам придется идти с другого конца. Мы укажем в одном случае на рост цен, вызванных войной, блокадой и т. п., толкнувших рабочего к теплоте месту при буржуазии, отметим момент ласкового заигрывания буржуазии с рабочими, в другом случае мы сошлемся на психику всех классов общества, кроме рабочего, выражавшуюся иногда в отвращении к пролетарской революционной деятельности, и захватившую того или иного рабочего.

Редакции коммунистических газет получают много писем от крестьян и рабочих, в которых указывается, что они бы вошли в партию, если бы коммунисты не боролись с религией.

Значит, их удерживают от вступления в партию определенные предрассудки, т.-е. идеологический фактор. Почему в нашей партии интеллигенты имеются из буржуазной среды, играющие роль хотя бы теоретиков? Да потому, между прочим, что марксизм их привлек в свое лоно научностью, строгостью, истинностью своей теории.

Почему английская буржуазия начала заниматься столочерчением и беседами с „духами с того света“?

И здесь мы в первую очередь обратимся к психике этого класса, с ее растерянностью и неустойчивостью.

В начале XIX в. в России в музыкальном мире верхушек общества царил и пленял музыка Алябьева, Гуримва и прочих сладчайших композиторов (музыкантов - писателей). И когда мы начали искать причины появления в России этого явления, мы нашли здесь влияние итальянской музыки, характер которой был в России поверхностно приспособлен к характеру русской народной песни.

Плеханов об этом так пишет:

„Если, например, один из видов пляски у австралийской женщины - туземки воспроизводит работу собирания ею корней е. то само собою разумеется, что ни один из тех изящных танцев, которыми развлекались, например, французские светские красавицы XVIII века. не мог быть изображением производитель-

ного труда этих дам, ибо никаким производительным трудом они и не занимались, отдаваясь преимущественно „науке страсти нежной“.

Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней, дико растущих растений, в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут нам приходится иметь дело с танцами, выражающими собою психологию непроизводительного класса. Психологией этого рода объясняется огромное большинство „обычаев и приличий“, так-называемого, порядочного общества. Стало быть, экономический „фактор“ уступает здесь честь и место психическому. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития“.

В последней фразе мы имеем ответ на вопрос, как надо понимать Энгельсовское „в конечном счете“.

Вот в первом нашем примере уход рабочего к буржуазии мы объяснили ростом цен. А почему цены поднялись? Потому что спекулянты задерживают товары? А почему они могут это делать? Да потому, что конкуренции мало, а конкуренции мало потому, что общество стало, как выражается тов. Бухарин, мало выкачивать из природы питательных соков, или потому что в самих производственных отношениях наступили изменения в смысле разрыва производственных связей?

Во втором примере, где мы уход от рабочего поставили в непосредственную связь с психикой масс населения, исключая пролетариат в целом, в массе, мы пойдём дальше и спросим, почему такая психика имелась в наличии и почему рабочий поддался ей.

В конечном счете мы опять придем к базису.

Религиозные предрассудки отталкивают от нас многих из крестьян и даже рабочих. А откуда взялись религиозные предрассудки? Из незнания, из неумения объяснить явления природы и общественной жизни естественно, научно. А чем объяснить это неумение?

Очевидно, что слабым развитием производительных сил в все усложняющемся классовым строением общества. И здесь в конечном счете базис.

Английская буржуазия, говорят, с духами беседует, и все потому, что растерялась, обезумела, потеряла уверенность в незыблемости своего „вечного“ капитализма. Но откуда могла взяться эта неуверенность?

И здесь в конечном счете придется посмотреть на количество выплавляемого чугуна, строящихся суден, выпускае-

мых автомобилей (техника), на те отношения, которые нарастают в производственном процессе между рабочими и капиталистами и которые одно время прогремели на весь мир, под ярким названием: „волна лени“ (экономика). И так далее.

Грубо, вульгарно, пошло, ненаучно поступают те, кто все пытаются вывести непосредственно из базиса. Их предупреждал от подобной нелепости Энгельс и над ними зло смеялся Плеханов. Последний в статье о книге Шулятикова говорит:

„Г. В. Шулятиков пишет: „Мир представляет у Авенариуса (философ эмпириокритик — учитель Богданова. Вл. С.) агломерат центральных нервных систем. „Материя“, абсолютно лишена всяких „качеств“, как „первичных“, так и „вторичных“, некогда считавшихся ее неотъемлемой принадлежностью. Решительно все в материи определяется „духом“, или, по терминологии автора „Критики чистого опыта“, центральной нервной системой“. Почему же так думает Авенариус? А вот почему: „Современный капитал чрезвычайно „эластичен“: для него не существует рабочих раз навсегда определенного типа, а существуют сегодня рабочие известной профессии и известной квалификации, завтра — другой профессии и другой квалификации, сегодня Иваны, завтра Павлы или Яковы“...

И Плеханов восклицает: „Довольно! Это так хорошо, что у нас возникает вопрос: Не шутит ли г. В. Шулятиков? Может быть, он пишет пародию на марксизм?“

Закончим в качестве практического совета словами Ленина, приводимыми нами раньше:

„Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“... и... всякая человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета“.

А другой практический совет наш заключается в следующем. Всякий, желающий иметь и изучить образцы пользования диалектическим методом в приложении его к истории общества, не найдет в современной литературе, в литературе последних десятиков лет, ничего лучшего, более ясного, простого, и, вместе, гениального, как деятельность Ленина, в качестве вождя большевиков—коммунистов, о которой читатель узнает из полного собрания его сочинений.

Он будет поражен изумительной правильностью в определении цели и средств к ее достижению, вытекающей из учета всех сторон, всех связей, всех опосредствований и в конечном счете базиса, т.-е. техники с экономикой, т.-е. производства и воспроизводства действительной жизни, как говорил Энгельс.

-80

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

при М. К. Р. Ж. П.

Правление, Центральная литературная база и магазин находятся:
Б. Дмитровка, 15 А.

Телефоны Правления —27-81 или через коммутатор Московского
Комитета 5-47-30. доб. 16.

Склада—5-47-30. доб. 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО принимает на себя выпуск изданий по
заказам партийных, советских организаций, союзов, а также
частных лиц.

СКЛАД Комплектует библиотеки, принимает заказы на
подбор литературы и отправление ее в провинцию.

Издательство, организованное Московским Комитетом РКП
и Московским Советом Раб. Кр. и Кр. Депутатов приглашает
губкомы вступать в качестве коллективных пайщиков в „Москов-
ский Рабочий“.

По внесении аванса сто тысяч руб. издательство обязуется
доставлять пайщикам по 100 экз. каждого названия собствен-
ных изданий, делая установленную скидку и по 50 экз. назва-
ний книг марксистской и партийной литературы других изда-
тельств (Госиздата, Мосгубизда., Ц. К. Р. К. П. и т. д.).

Тов. Рабочие, крестьяне и красноармейцы, за
в число членов Кооперативного Издательства, полу-
можность по льготной цене приобретать литературу
книжных прилавках и литературных базах „Московского

Книжные прилавки и литературные базы на

1. Замоскворецкий район—Пятницкая, 64. Телеф.
2. Хамовнический —Б.-Трубная пл., 11. Тел. 4-44-44.
3. Красно-Пресненский —Георгиевская пл., 17. Тел. 1-89-32.
4. Баумановский Уг. Покр. и Бауман. Тел 3-04-12.
5. Сокольнический —Верх.-Краснос. 5. Тел. 3-04 19.
6. Рогож.-Симоньевский —Коммун. ул., 28. Тел. 92-88.

При всех Московских Уездных Комитетах Р. К. П.

7 35